

Координационный
Центр Помощи
Новороссии

Александр Любимов
Андрей Морозов

Доклад:

КАК РОССИЯ ПРОИГРЫВАЕТ ВОЙНУ НА ДОНБАССЕ

- Факторы побед и поражений
- Сценарий катастрофы

Санкт-Петербург, Новороссия
2019

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.О НАС.....2

II.РЕЗЮМЕ ДОКЛАДА.....4

III.ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ДОКЛАДА.....9

IV.ФАКТОРЫ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ.

- 1.Общие кадровые трудности “корпусов народной милиции” ЛНР и ДНР, их причины и последствия.....9
- 2.Вопросы подготовки кадров, подготовки курсантов и переподготовки других военнослужащих в ДонВОКУ.....28
- 3.Позиционная война” и полная неготовность к ней корпусов Народной милиции даже спустя четыре года после её начала.....31
- 4.Автопарки и в целом логистика частей народной милиции. Невозможность полноценно обеспечить даже оборону....40
- 5.Танки. Грозного вида трактора и их экипажи.....42
- 6.Линейные мотострелковые части. Нищие “смертники”47
- 7.Артиллерия. Сумерки “Богов войны”52
- 8.Сапёры. “Сапёры не должны быть умными, сапёров должно быть много”55
- 9.Снайпера. За фасадом бравурных телерепортажей.....56
- 10.”Республика спецназов”. Разведка и части специального назначения в ДНР и ЛНР.....58
- 11.БПЛА. Бесчеловечная авиация.....59
- 12.Военная медицина. Жгут и ИПП, которыми никто не умеет пользоваться.....62
- 13.Связь и управление. Проблемы управления войсками в случае начала активных маневренных боевых действий.....63
- 14.Медиа. “Потемкинские деревни” для внутреннего и внешнего употребления.....75
15. Отражение войны в головах.....76
- 16.Итоги.....77

V.ДЕБАЛЬЦЕВО И ПУСТОТА. НЕИЗВЛЕЧЕННЫЕ УРОКИ ИЛИ ЧТО МЫ ЗНАЕМ О КРУПНЕЙШЕМ СРАЖЕНИИ ВОЙНЫ ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ?...79

VI.СЦЕНАРИИ КАТАСТРОФЫ.....84

- 1.”Буря над Донбассом”.....86
- 2.”Сто дней до победы”93
- 3.”Перемалывание”95

VII. ВОПРОСЫ ОТ “АДВОКАТА ДЬЯВОЛА”96

VIII.ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....102

I. О НАС

Координационный Центр Помощи Новороссии (КЦПН) был создан в мае 2014 года с целью помощи ополчению и мирному населению Донбасса.

Координатором КЦПН по Санкт-Петербургу и его руководителем, начиная с 2014 года является **Александр Любимов** («Акела»). В Москве КЦПН представляет **Андрей Морозов** («Мурз»), в Живом Журнале известный как kenigtiger.

Мы начали нашу активную деятельность еще в 2014 году и продолжаем ее уже более четырех лет. Мы занимались и занимаемся отправкой различного снаряжения бойцам и подразделениям воюющим на Донбассе, отправкой туда добровольцев.

В данный момент мы сосредотачиваемся на помощи в снабжении войск высокотехнологичным снаряжением, организации учебных мероприятий, таких например как “Снайперская школа”, где наши инструкторы учат снайперов подразделений Народной Милиции ЛНР и ДНР обращаться с новым оборудованием, которое мы и предоставляем. Мы реализуем различные проекты в области организации цифровой связи и беспилотной авиации.

Авторы доклада:

Александр Любимов. Позывной «Акела». Закончил «Военмех» и Академию Государственной Службы. Руководит КЦПН с 2014 года. Живет в Санкт-Петербурге.

Андрей Морозов. Позывной «Мурз». Учился на матмехе МГУ. Известный блоггер <https://kenigtiger.livejournal.com> Будучи командиром взвода связи отдельного механизированного батальона “Август” НМ ЛНР, участвовал в боевых действиях в Новороссии в 2014-2015 годах. Принимал участие в Дебальцевской операции. Живет в Москве. В момент публикации доклада служит в 14 батальоне территориальной обороны “Призрак”. Участвовал в написании доклада до своего поступления на службу в начале 2019 года.

Сайт КЦПН: <https://kcpn.info>

Е-mail для связи: mail@kcpn.info

Мы приносим извинения нашим читателям в связи с задержкой публикации этой работы. Основной текст был подготовлен ещё в конце 2018 года, однако редакция его затянулась в связи с нехваткой времени, обусловленной непрекращающейся работой Координационного Центра Помощи Новороссии по сбору и доставке грузов на фронт.

ОТ АВТОРОВ

Андрей Морозов:

В этот доклад, в общих чертах законченный ещё полгода назад, вошли данные наших наблюдений, сделанных, на протяжении 4,5 лет войны и неутешительные результаты их анализа. Мы назвали его “Как Россия проигрывает войну на Донбассе”. Проиграем ли мы эту войну в конце концов, или выиграем – зависит от нас. И каждый из нас стоит перед выбором – смело посмотреть в глаза трудностям и задуматься над тем, что он может сделать для победы, или отмахнуться от очевидного и отмахиваться до тех пор, пока в дверь московской квартиры не постучат прикладами украинские “миротворцы” вместе со своими коллегами по НАТО.

Политические издержки нашего возможного военного поражения в окопах Донбасса неизбежно будут таковы, что никаких окопов под Москвой для последнего героического боя с “наймитами мировой закулисы” нам предоставлено не будет. Всех потенциально способных организовать сопротивление Майдану в Москве просто перережут по подворотням частные спецслужбы ещё до того, как первые сотни «онижедетей» начнут скакать за безвиз на столичных площадях по западным методичкам. А у нас не будет даже собственных методичек, потому что технологий деконструкции инспирируемого извне силового государственного переворота, до последнего момента прикрывающегося “ненасильственным протестом масс” в РФ не создано и предпосылок к их созданию не видно. Так что хорошо бы попробовать выиграть обычную войну.

Александр Любимов:

Самое главное, что мы пытаемся сказать нашим докладом это тезис о том, что эпоха «восстания» на Донбассе закончилась. В республиках сформированы военные и государственные структуры, являющиеся в чем-то продолжением соответствующих российских структур.

И мы должны говорить уже не о противостоянии некоего киевского правительства с мятежными провинциями.

Речь идет о прямом конфликте нынешней Украины с Россией. Мы однозначно придерживаемся мнения, что современная территория Украины есть часть исторической России и рано или поздно снова станет таковой фактически и юридически. Но для этого конфликт должен стать явным и быть разрешенным в пользу Москвы. Короче, мы должны победить и уничтожить нынешнее украинское государство вместе с его элитами и сторонниками. Это не первая гражданская война в Русской истории, да может и не последняя.

Если наши предки смогли несколько раз заново собрать единую державу из последствий монгольского нашествия, Смутного Времени и Гражданской войны 1918-1921 годов, то почему мы не можем преодолеть последствия развала Советского Союза 1991 года?

II. РЕЗЮМЕ ДОКЛАДА

Мы пятый год занимаемся оказанием помощи сперва ополчению Донбасса, а потом и регулярным армиям республик Новороссии. За это время мы, придумывая варианты оптимального решения военных проблем Донбасса, переработали огромный объем информации о всех этапах эволюции этих структур, о таких реалиях этой войны, о которых не знает и/или не хочет знать российское командование и российское общественное мнение. Зато об этом во многих подробностях известно противнику.

В настоящий момент, мы полагаем, что Россия проигрывает войну на Донбассе и, если руководство России не предпримет радикальных мер по фундаментальному изменению своих взглядов на перспективы развития ситуации военное поражение - лишь вопрос времени.

Явления, о которых мы будем говорить, сковывают и нашу деятельность, ограничивая наши возможности не столько пределами наших финансовых ресурсов, сколько невозможностью массового внедрения в войсках новой техники и новых приемов боевой работы, спасающих жизни. Мы чувствуем, насколько мала вероятность переломить ход событий нашими усилиями и не хотим ограничить свою роль только тем, чтобы наши бойцы умерли в хорошей обуви и новой форме.

Мы хотели бы изложить наши соображения для всех интересующихся этой войной, потому что видим в этом наш единственный шанс глобально повлиять на общественное мнение в России и позицию российского руководства.

Мы вполне сознательно выбрали формат доклада в виде ответа на вопрос: **“Как именно и почему Россия может проиграть эту войну?”**.

Мы вполне сознательно будем говорить о том, что на самом деле идет плохо в армиях республик Новороссии, об их системных проблемах, а не об их частных успехах, надеждах и многочисленных иллюзиях. Наши критики из оплачиваемых и бесплатных российских пропагандистов обязательно возразят нам примерами того, как все плохо в ВСУ. Мы знаем о проблемах в ВСУ, но нас больше интересуют причины нашего вероятного поражения, для того чтобы были шансы его все-таки избежать. Кто-то упрекнет нас в том, что мы будем мало говорить о реальных успехах и достижениях в строительстве ВС ЛНР и ДНР. Но горькая правда сложившейся ситуации в том, что все наши успехи и достижения являются частными, опирающимися на личные качества отдельных групп бойцов и командиров, а недостатки в то же время являются системными и воспроизводятся во все более угрожающих масштабах. Наш враг, определяя свою тактику и стратегию, использует именно наши системные недостатки - бьет туда, где мы слабы, а не пытается соревноваться с нами там, где мы сильны. Мы расскажем о том, как противник преодолел очень многие недостатки украинской армии, которые имели место летом 2014 года и как это уже сейчас отражается на наших войсках.

Мы вполне сознательно не будем касаться политической ситуации в республиках кроме тех случаев, когда это напрямую влияет на боеготовность и боеспособность

армии. Мы не занимали, не занимаем и не будем занимать какую-либо позицию относительно политической борьбы внутри республик. Это не наша задача. Мы считаем, что наилучшим способом нашего вмешательства в политическую жизнь республик является помощь в обеспечении максимально возможной боеспособности их армий как гарантии их суверенитета. Мы считаем своим долгом сказать, как политические ошибки порождают неправильную стратегию, а та в свою очередь проблемы в оперативной сфере, а эти проблемы порождают катастрофическую ситуацию на тактическом уровне, и наконец, всеми наблюдаемые просчеты в тактике замыкают эту цепочку, делая политическую обстановку еще более сложной.

Своей сверхзадачей мы считаем достижение коренного перелома в сложившейся ситуации и содействие **Победе России в идущей войне.**

Таким образом, ниже вы прочтаете о причинах того почему мы в какой-то момент стали проигрывать, и о сценариях того как именно мы можем потерпеть самое настоящее военное поражение. Вряд ли это будет приятный текст для восприятия патриотической общественностью, но, искренне надеемся, весьма полезный.

Все что мы пишем, получено не из средств массовой информации и безличных социальных сетей. Мы старались опираться на факты, полученные от людей, которых мы давно и хорошо знаем. Даже то, что мы пишем о ВСУ, написано по впечатлениям тех, кто с ними воюет. Именно поэтому, мы готовы воспринять критику нашего текста, если она будет основываться на фактах, а не на эмоциях тех, кому наш доклад будет разрушать уютную картину мира.

Вероятно, и многие российские профессиональные военные найдут для себя в докладе много “откровений”, так как реальную картину происходящего в корпусах Народной Милиции Республик по целому набору причин представители российских армейских мафий, наживающиеся на сложившейся ситуации, скрывают от верховного командования. Практика показала, что единственным способом разорвать этот “заговор молчания” является придание гласности скрываемых фактов, несущих непосредственную угрозу обороноспособности Республик и, в конечном итоге, обороноспособности России.

Повторим ещё раз - наш доклад преднамеренно не содержит никакой информации, которая могла бы быть квалифицирована как Государственная тайна (РФ, ДНР или ЛНР), неизвестная противнику. Все данные о воровстве и злоупотреблениях в руководстве Корпусов Народной Милиции ЛНР и ДНР доводились до сведения контролирующих органов, реакции не последовало. Все личные данные и конкретная информация о подразделениях, позициях, состоянии техники, а также тех или иных событиях, обладание которыми противник ещё не заявил публично, из текста изъяты. Трагизм ситуации состоит в том, что противник располагает гораздо большим объемом информации, нежели представлено в докладе и имеет как аналитические возможности для её обработки, так и агентурные возможности для её перепроверки.

ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ! ВРАГ МОТИВИРОВАН И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕН! ВРАГ ВКЛАДЫВАЕТ ВСЕ ИМЕЮЩИЕСЯ У НЕГО РЕСУРСЫ В ПОДГОТОВКУ СВОЕЙ ПОБЕДЫ!

III. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ДОКЛАДА

Вся информация в настоящем разделе подготовлена по данным открытых источников.

Вооруженные Силы ДНР и ЛНР состоят, в основном, из 1-го (Донецкого) и 2-го (Луганского) армейских корпусов Народной милиции, которые подчинены штабу 8 гвардейской общевойсковой армии, который находится в Новочеркасске на территории РФ. Основные принципы формирования “отрядов народной милиции” “Отдельных районов Донецкой и Луганской областей” прописаны в “Минских соглашениях”, которыми завершились активные боевые действия на Донбассе летом 2014 года и не изменились после Дебальцевской операции.

Армейские корпуса в качестве основных структурных элементов включают мотострелковые подразделения полкового и бригадного уровня.

1-му армейскому корпусу со штабом в Донецке подчиняются 1-я (“Славянская”, в/ч № 08801), 3-я (“Горловская”, “Беркут”, в/ч № 08803), 5-я “тяжёлая” (“Оплот”, в/ч № 08805) и 100-я (“Купол”, ранее - “Республиканская гвардия”, в/ч № 08826) отдельные мотострелковые бригады, 11-й мотострелковый полк (“Восток”, “Енакиевско-Дунайский”, в/ч №08818) и 9-й полк морской пехоты (“Мариупольско-Хинганский”, в/ч №08819).

2-му армейскому корпусу со штабом в Луганске подчиняются 2-я гвардейская (в/ч Л-73438), 4-я гвардейская (в/ч Л-74347) и 7-я (“Чистяковская”, в/ч № 08807) отдельные мотострелковые бригады и 6-й (казачий имени атамана Платова, в/ч Л-69647) отдельный мотострелковый полк.

Данным мотострелковым подразделениям, включающим в себя танковые и мотострелковые батальоны, разведывательные и саперные роты, дивизионы самоходной и буксируемой артиллерии, реактивных систем залпового огня, а также части обеспечения, подчинены действующие в их зонах ответственности территориальные (“отдельные стрелковые”) батальоны.

Кроме того каждый армейский корпус включает в себя в качестве частей усиления корпусного подчинения:

- отдельную артиллерийскую бригаду,
- отдельный разведывательный батальон,
- отдельный танковый батальон,

а также другие батальоны корпусного подчинения, части обеспечения и отдельную роту БЛА.

Обе республики, помимо частей Народной милиции, имеют также вооруженные формирования министерств чрезвычайных ситуаций, внутренних войск министерств внутренних дел, комендантские полки.

Также в Донецкой народной республике помимо частей корпусного подчинения, напрямую подчиняющихся штабу 8-й армии, до убийства Александра Захарченко,

существовали подразделения Республиканской Гвардии ДНР, отдельные батальоны, подчинявшиеся Главе Республики и Министерству Обороны ДНР. В конце 2017 - начале 2018 гг эти батальоны (“Чечен”, “Пятнашка”, “Патриот” и т.д.) были сведены в полк специального назначения. Эти части, не подчиняясь корпусному командованию, практически не получали снабжения по линии 1-го АК НМ ДНР, но и жесткого безответного соблюдения “Минских соглашений” и перемирий вследствие этого от них требовать не получалось.

После гибели Александра Захарченко полк спецназа, подразделения Республиканской Гвардии, спецназа МЧС ДНР и спецназа министерства доходов и сборов постепенно переводятся в состав Внутренних войск МВД ДНР.

Комплектование Народной Милиции осуществляется из добровольцев, на контрактной основе.

“Феникс” и “Лугаком”. Местные операторы мобильной связи, донецкий и луганский соответственно. Код Феникса - 071, код Лугакома - 072. На территориях ДНР и ЛНР до сих пор работают украинские МТС, но их покрытие сужается, а качество связи падает.

Межреспубликанские таможи. В это нелегко поверить, но между республиками по завершении Дебальцевской наступательной операции весной 2015 года созданы таможенные посты, осуществляющие контроль (в основном - просто серьезно затрудняющие передвижение по факту отсутствия спецсредств и оборудования) за перемещением людей и грузов внутри Донбасса. Они находятся на бывших административных границах Донецкой и Луганской областей и по состоянию на сентябрь 2018 года, несмотря на крайнюю непопулярность у широких масс мероприятий по их созданию и неоднократные заявления о необходимости их упразднения, продолжают функционировать.

Северный ветер. Общеупотребимое жаргонное обозначение появления на территории Донбасса неопознанных вооруженных формирований без знаков различия, техникой, вооружением и снаряжением поразительно напоминающих Российскую армию. Примерный смысловой аналог японского выражения “Божественный ветер”(“камикадзе”), обозначающего мощнейшие тайфуны, дважды, в 1274 и 1281 годах, уничтожавшие монгольский флот вторжения.

Минские соглашения. Пакет неоднозначно трактуемых прессой и политиками документов, подписанных представителями РФ, Украины, ОБСЕ, ЛНР и ДНР сначала в сентябре 2014-го года (Минск-1), а затем переоформленных в феврале 2015-го года (Минск-2), направленных на мирное урегулирование конфликта. Признает суверенитет Украины над территориями ДНР и ЛНР после урегулирования конфликта, требуя при этом для Донецкой и Луганской областей определенной автономии в составе Украины. Предусматривает определенные меры по отводу тяжелой техники от Линии Соприкосновения и по прекращению огня, упорно игнорируемые украинской стороной.

Аббревиатуры в тексте, требующие пояснений.

ЛБС - Линия Боевого Соприкосновения.

МВЗ - Минно-взрывные заграждения.

НП, КНП - Наблюдательный пункт, командно-наблюдательный пункт.

ВОП, РОП - Взводный опорный пункт, ротный опорный пункт.

ТПУ - Танковое переговорное устройство. Система соединённых бронекабелями преобразователей сигналов с переключателями режимов работы, позволяющая экипажам бронетехники общаться между собой и по внешней радиосвязи.

ОМСБР - отдельная мотострелковая бригада.

ОМСП - отдельный мотострелковый полк.

БТрО - батальон территориальной обороны.

СПАМ - Сборный пункт аварийных машин.

IV. ФАКТОРЫ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

IV-1. Кадровые проблемы подразделений Народной милиции.

Читателям, лишенным возможности с самого начала пристально следить за развитием военного конфликта на Донбассе или участвовать в нем, для полноценного восприятия представленной нами информации и аналитических выкладок необходимы некоторые пояснения, касающиеся базовых моментов, определяющих формат военного строительства в Республиках.

Благодаря настойчивой пропаганде в СМИ и общим шапкозакидательским настроениям в российском обществе, ополчение лета 2014 года в общественном сознании представлялось мощной ударной силой, раз за разом истребляющей бесконечные полчища “нацбатальонов” и ВСУ. Реальная же война началась не с Изваринского или Иловайского “котлов”, а с Лисичанского и Славянского. Из первого едва успели вырваться малочисленные отряды “Призрака” и луганских казаков, из второго, уже почти захлопнувшегося, вывел наиболее боеспособную часть донецкого ополчения Стрелков.

Мало кто в России, наблюдая за конфликтом сквозь призму российских СМИ, мог объективно оценить, например, итоги боев под Ямполем 19 июня, где наскоро сформированный батальон ополчения, практически без тяжелого вооружения, был, несмотря на понесенные противником потери, в течение одного дня разгромлен и выбит со своих позиций, а подходившие ему на помощь резервы - рассеяны ещё до вступления в бой.

Противник, многократно превосходивший ополчение в живой силе, уже тогда сумел не только сконцентрировать необходимое для успешного наступления количество боеспособной пехоты, исправной бронетехники и снабженной боеприпасами артиллерии, но и организовать минимально необходимое управление всеми этими силами.

В дальнейшем ополчение на протяжении более чем месяца вынуждено было практически повсеместно после боев разной степени интенсивности оставлять одну за другой полевые оборонительные позиции. Некоторые выгодные и даже подготовленные для обороны позиции и до этого, и после этого оставались некоторыми подразделениями без боя. Эффективно обороняться против армии, пусть даже украинской, наиболее боеспособные ополченцы могли только в “застройке”, но “потоп” украинского наступления вполне логично ограничивался открытыми пространствами. Так Луганск оказался в окружении, Донецк - в полуокружении. Попытки замкнуть кольцо вокруг Донецка и прикрыть фланг этого маневра, блокировав границу, породили, соответственно, бои за Саур-Могилу, Степановку и Иловайск, за Новосветловку-Хрящеватое и Луганский аэропорт.

Первые попытки сколько-нибудь масштабных контратак силами ополчения, как на луганском (Хрящеватое), так и на донецком (Кожевня), направлении,

демонстрировали не только малочисленность реально боеспособных подразделений, но и плохую координацию между ними. Попытки централизовать управление и наладить хоть какую-то координацию действий были, но имели ограниченный успех. Именно в этом состоянии - малочисленных легко вооруженных подразделений непредсказуемой боеспособности, с мизерными средствами связи, с единичными приборами ночного видения и тепловизорами, с крайне малочисленной артиллерией, ведущих изматывающие непрерывные оборонительные бои с превосходящими силами противника, ополчение стало “наковальней” для “молота” “Северного ветра”. К этому моменту реальная численность некоторых подразделений ополчения сократилась, по отношению к пиковой, июня 2014-го, до 30-40%, в основном за счёт дезертирства.

Личный состав в массе своей крайне плохо владел даже легким стрелковым оружием, эксплуатация тяжелого вооружения, бронетехники и танков была жестко ограничена наличием экипажей, ранее имевших практику армейской службы именно с таким вооружением/техникой или службы на бронетанковой технике вообще. В большинстве подразделений отсутствовали полноценные штабы, не было карт, руководство службой войск было в массе своей настолько неадекватно, что от 50 до (временами, в пике, в отдельных подразделениях) 70 процентов потерь ополчения в живой силе приходилось на “дружественный огонь”. *(От большего количества потерь такого рода спасало только ранее упомянутое плохое владение стрелковым оружием. Наиболее широко известный случай - расстрел выходящей после первого штурма Донецкого Аэропорта группы “Искра” постом батальона “Восток”. Другой типовой случай осени 2014-го года - возвращающаяся из выхода разведгруппа попала под огонь поста ополчения, который, получив предварительную вводную об этом проходе, тем не менее, не смог опознать своих. Дистанция автоматной перестрелки - 100 метров. Итог - ни одного раненого с обеих сторон. Таким образом бойцы, в том числе разведчики, провалили первое “упражнение учебных стрельб”, 1 УУС, выполняемое каждым “срочником” в российской армии.)*

Главной проблемой ополчения являлось отсутствие жесткого централизованного управления и чудовищная динамическая неравномерность боеспособности - численность отряда и список его вооружения, оторванные от людей, ничего не значили. Отдельные группы и отряды могли иметь очень высокий уровень боеспособности, однако основная масса ополчения была посредственно подготовлена, а некоторые группы вообще годились только для того, чтобы стоять на блокпостах и досматривать автотранспорт в поисках “подозрительных личностей” (на самом деле - контролировать грузопотоки, в основном - контрабанду угля).

Озвученная после заключения “Минских соглашений” идеология создания из ополчения “корпусов народной милиции” ЛНР и ДНР предполагала централизацию снабжения и управления воинских частей, приведения их к неким стандартным штатным расписаниям, контроль за набором людей в войска, стандартизацию их обучения, фильтрацию нежелательного элемента (алкоголики, наркоманы, криминал, агентура противника). Все это должно было обеспечить единоначалие в управлении войсками, рабочую “командную цепочку” и, главное, обеспечить полноценное

военное планирование через **предсказуемость результатов применения войск**, чего крайне редко удавалось добиться ранее.

Для решения этой задачи в структуру корпусов НМ вводились на должностях командиров подразделений, начальников штабов и служб на уровнях от корпусного вплоть до батальонного российские военные советники, которым передавалось все реальное руководство войсками. Местные командиры формально назначались их первыми заместителями. “Советники” сменялись с частотой от полугода до года-двух. Основным инструментом кадровой политики провозглашалась зарплата рядового солдата в 15 000 рублей под лозунгом “Идейные нам не нужны, за эти деньги мы здесь людей наберём”. Целью военного строительства провозглашалось создание вооруженных сил, способных поддерживать соблюдение “Минских соглашений”, армии не просто временной, но “армии мирного времени”.

Сочетание этого подхода к руководству Народной Милицией и экономической ситуации в Республиках на протяжении прошедших четырех лет породило ситуацию, которую сложно охарактеризовать иначе, чем “затянувшийся шашлык “халифов на час”. **В итоге за прошедшие почти пять лет от ситуации “Минские соглашения” спасают от разгрома ВСУ”, мы пришли к ситуации “Минские соглашения” спасают от разгрома Корпуса Народной Милиции Республик”.**

Ключевым моментом для понимания сложившейся в корпусах НМ плачевной ситуации, фундаментом этой ситуации, является кадровый вопрос и его развитие на протяжении прошедших четырех лет. Идеология “армии-временки” и принесенный основной массой российских “советников” дух “армии мирного времени”, породили следующую смену рисунка антропоток в рядах Народной милиции на протяжении её существования.

Первый период. “Начали платить деньги”, Октябрь 2014 - Январь 2015. Становление корпусов Народной Милиции.

В этот период, после прекращения августовского контрнаступления и подписания Минска-1, начали уходить из ополчения с формулировкой “Больше повоюем не дадут” наиболее опытные бойцы-добровольцы, приехавшие из РФ. Также ряды ополчения как добровольно, так и принудительно, покинуло значимое количество российских авантюристов и откровенного криминала, для которого перекрывались каналы быстрой наживы (наиболее неудачливые, приехавшие только в конце августа - начале сентября, вынуждены были практически сразу “паковать чемоданы” обратно). Знаковым событием стало выдворение в декабре 2014 года обратно в РФ казацкого атамана Козицына, прославившегося “отжимом” собственности, мародёрством, торговлей углём с Украиной и постоянными отступлениями его подразделений при первой же опасности реального боя с противником.

Под угрозой прекращения всякого снабжения с последующим разоружением и роспуском отряды ополчения подчинялись корпусному командованию и сводились в “мотострелковые бригады”, вследствие чего процесс первоначального формирования корпусов приобрел неблагозвучное народное название “обригаживание”. Помимо

бригад были также сформированы отдельные мотострелковые полки и отдельные механизированные батальоны.

Как правило, численность интегрируемых в корпуса групп ополчения не соответствовала амбициям их командиров, и до хотя бы относительного соответствия штатному расписанию “батальоны” и “бригады” пополнялись кадрами из первого потока “пятнадцатитысячников” - местных жителей, привлеченных на службу появлением денежного довольствия. Следует заметить, что в имеющихся экономических условиях непризнанных Республик введение денежного довольствия в размере, установленном исходя из предвоенных экономических условий, привело к (частично моментальному, частично - “ползучему”, но неуклонному) росту цен, и этот рост тут же обесценил “большую зарплату военного” ещё до появления каких-либо иных факторов.

Первый поток “пятнадцатитысячников”, помимо откровенного балласта в виде безработных и маргиналов-алкоголиков, решивших “пересидеть войну в казарме”, содержал значимое количество людей, которые, по причине наличия на иждивении детей, стариков или других безработных родственников, ранее, до введения денежного довольствия, не имели возможности оставить гражданскую работу в пользу службы в ополчении. Теперь же, оказавшись на службе, они стали весьма ценными и энергичными кадрами, хоть и обремененными “балластом” из ранее упомянутых “желающих пересидеть”.

Источником пополнения медицинских подразделений становились, как правило, жёны и “подруги” комсостава. В службы тыла и подразделения обеспечения зачастую зачислялись родня и друзья, готовые не только и не столько “получать зарплату”, но и участвовать в различных доходных “схемах”, доступных “человеку с ружьем”(продажа солянки, распил на металл объектов народного хозяйства в зоне боевых действий, торговля оружием).

Технических специалистов, связистов, механиков-водителей, операторов вооружения, было критически мало, однако вопрос о немедленном создании в Корпусах институтов массового поточного обучения таких кадров поставлен не был. Если младшие командиры ополчения, ставшие ротными командирами, ещё успели съездить на “сборы” (по мнению побывавших там - совершенно бесполезные. “Зато выпались”), то взводные “сборы” были отменены с началом Дебальцевской наступательной операции.

Второй период. “Убить могут”, Январь-Февраль 2015. Дебальцевская наступательная операция.

Отталкиваясь от бравурных отчётов о формировании “корпусов народной милиции”, якобы законченном к середине января 2015 года, российские штабные работники спланировали Дебальцевскую наступательную операцию, подразумевавшую не только быстрое, за несколько дней, освобождение района г. Дебальцево, контролируемого ВСУ и нацбатами, но и значительное последующее продвижение вперёд по территории Донецкой и Луганской областей. При планировании совершенно не

учитывалось то, что противник за сентябрь-январь успел укрепиться на занимаемых рубежах, частично восстановить потери в боевой технике и артиллерии, а также мобилизовать в ряды своих вооруженных сил качественно иной контингент - 30-40-летних мужчин вместо 18-20 летних молодых призывников, массово сдававшихся в плен летом 2014-го года.

Формирование корпусов в реальности было закончено только “на бумаге”. На самом деле даже формальный численный состав подразделений по факту отличался от номинального за счёт “мертвых душ”. С началом операции эта разница резко и одновременно увеличилась за счет “пересиживавших”, отказавшихся воевать и дезертировавших практически сразу по получении боевых приказов.

Второй волной “дезертирства” подразделения Народной Милиции накрыло после первых крупных боестолкновений с противником, в которых многие руководившие ими российские советники проявили себя не лучше, а местами даже хуже “атаманов-махновцев” образца лета 2014-го года. Даже вполне обученные и мотивированные бойцы отказывались идти в бой и покидали ряды Народной Милиции перед лицом того, как методично раз за разом российские советники посылают их на убой без всякого смысла и результата.

Фраза “Идите, там никого нет!” предваряла множество типовых расстрелов противником как наступающих боевых порядков, так и выдвигающихся колонн, посланных в разведку боем, но не уведомленных об этом (типовой случай - “выдвижение” колонны 4-й омсбр НМ ЛНР, отправленной российским советником полковником К.В.Степанищевым, позывной “Алмаз”, прямиком на взводный опорный пункт ВСУ “Лёха”). Апогеем такого подхода стала СМС-ка(!!!), присланная одним из российских советников подчиненному “местному” комбату НМ ДНР - “Идите, там никого нет! Сейчас арта отработает и идите!”

В настоящий момент, вышеупомянутый К.В.Степанищев уже Герой России, имеет звание генерал-майора и учится в Академии Генерального Штаба ВС РФ. Авторы доклада искренне желают читателям не оказываться под его командованием.

Результатом подобного подхода к боевому применению войск стало не только массовое дезертирство несознательных бойцов, но и последовавшая за ним, сопутствовавшая ему, массовая гибель сознательных, мотивированных, знающих, умелых бойцов и командиров, пытавшихся всё-таки выполнить поставленные им нереальные “боевые задачи”. Так, например, типовым применением разведывательных подразделений корпусов НМ стало их использование для штурма неразведанных вражеских укрепленных позиций.

Растрояв немотивированных и плохо подготовленных “местных” и бездарно угробив о вражескую оборону множество мотивированных и хоть как-то подготовленных, российские советники вынуждены были обратиться к помощи “Северного ветра” и набору в войска кого попало, в буквальном смысле “по объявлениям”. На завершающем этапе Дебальцевской операции некоторые “контрактники” оказывались на передовой на второй-третий день после прихода в военкомат. Удивительно, но и

среди них обнаруживались мотивированные люди, некоторые - даже с опытом службы в армии. Однако и эти кадры, получившие бесценный боевой опыт, также в основном покинули ряды Народной Милиции на следующем этапе её развития.

Третий период. “Бумажная могила” 2015-2016 гг. Завершение формирования корпусов Народной Милиции.

По окончании Дебальцевского наступления корпусов Народной милиции, российскими советниками, заканчивавшими интеграцию вооруженных подразделений “ополчения” в корпусные структуры, были сформированы базовые механизмы, определяющие техническое и кадровое состояние войск.

Российскими армейскими мафиями была выстроена разветвленная вертикально интегрированная система воровства ГСМ, запчастей для техники и так далее по пути из РФ в Республики. Значимая часть поставляемых из РФ предметов снабжения даже не попадала в подразделения, а то, что попадало, в значимой части разворовывалось и доходы от сбыта “налево” делились между ступенями/ветвями системы.

В результате этого в войсках искусственно создавался дефицит топлива и ГСМ вообще, чудовищная нехватка исправных аккумуляторов на бронетехнику, покрышек для армейского автотранспорта, полевого кабеля связи и других предметов снабжения. В сочетании с тем, что наиболее важными для российских советников представлялись и представляются оборудование полигонов и показательные мероприятия на них, ресурсов на обеспечение реальной постоянной эффективной боевой работы войск на переднем крае и их непрерывного обучения, выделяемых “сверху”, не оставалось и не остаётся, что приводит к вынужденной компенсации этого ресурсами “снизу”, из кармана солдат и младшего состава.

С весны 2015-го года реальная боевая подготовка во многих подразделениях зачастую подменялась бумагомарательством, составлением липовых “графиков”, сама необходимость ведения постоянной боевой работы замалчивалась, а потери списывались на “неосторожное обращение” и “бытовые травмы”. Погибшие на передовой бойцы увольнялись “задним числом”, раз за разом озвучиваемые социальные гарантии раненым и семьям погибших на практике игнорировались.

Характерным проявлением невероятного милосердия и долготерпения русского человека следует считать один из случаев гибели личного состава на передовой в ДНР, когда приехавший к месту гибели двух бойцов российский советник устроил разнос на тему “Почему двухсотые во “флоре”(старом российском камуфляже), а не в “пикселе”(новом камуфляже, утвержденном как основная полевая форма)?” Удивительно, но “советник” не был немедленно забит насмерть прикладами и даже сколько-нибудь серьёзно избит, что свидетельствует о необычайном добросердечии “местных”, солдат и младших командиров.

Несмотря на наличие среди присылаемых “советников” значимого числа опытных и знающих командиров, облик “советников” в глазах уже служащих и потенциальных

“контрактников” из числа местного населения, с весны 2015 года формировался именно массовыми отрицательными проявлениями наиболее профнепригодных “советников” в полном соответствии с принципом “Дурак всегда заметнее”. Благодаря воровству, пьянству, тотальному несоблюдению требований устава в сочетании с постоянными требованиями его соблюдения от подчиненных со стороны большого количества “советников”, у личного состава сформировалось и закрепилось представление о кадровом отборе “советников” звучащее примерно как: “Сюда всякую шваль присылают свои служебные косяки исправлять”. Российские офицеры получили массу обидных прозвищ - “оккупанты”, “помогайки”, “нерастаможенные”, “кукушата”, “подкидыши”.

По мнению личного состава, начиная с весны 2015 года до 80% присылаемых советников демонстрируют несоответствие занимаемым должностям настолько серьезное, что “приносят вреда больше, чем пользы”.

Типовым представителем не просто “подкидыша”, “пересидевшего” на Донбассе “опалу” в армейской системе РФ, а человека, серьезно приложившего руку к снижению военного потенциала Республик, является полковник армии РФ И.Г. Каплий, переведенный на Донбасс в 2015-м году. Каплий, в прошлом - начальник 242-го учебного центра ВДВ в Омске в период начала ремонта казарм, одна из которых обрушилась 12 июля 2015 года, убив 24 человека, как раз летом 2015 года и оказался на Донбассе. Пока в РФ выясняли, что казармы в принципе было нельзя ремонтировать - только сносить, что ремонтируемые казармы месяцами стояли под дождями с разобранной крышей, что на ремонте воровали настолько масштабно, что украли даже деньги на проектные работы, вследствие чего ремонт осуществлялся без надлежащей документации, полковник Каплий командовал 5-й отдельной “тяжелой” мотострелковой бригадой НМ ДНР, умудряясь выделяться даже на общем печальном фоне своим скотским отношением к личному составу.

В период его командования бригада, призванная стать главной ударной силой 1-го армейского корпуса НМ ДНР (2 танковых батальона в “тяжелом” штате, “62 танка в кулаке”), чудовищно деградировала, растеряв весь дееспособный личный состав, уволившийся или разбежавшийся по другим подразделениям.

Так, например, в ноябре 2015 года, при перебазировании 2-го танкового батальона бригады из Моспино в Макеевку личный состав батальона, только что на свои средства отремонтировавший здание школы, в котором размещался личный состав, вынужден был на свои же средства начать ремонт цехов на заводе в Макеевке, в которых личному составу командованием бригады был отведен новый ППД. При этом первоначально рассматривавшееся в качестве ППД сухое и теплое помещение было отведено под склад боекомплекта, а личный состав в ноябре месяце был размещен в сыром цеху с плесенью на разрушающихся стенах, для отопления которого бойцы приспособили самодельные буржуйки. При этом командование бригады находило средства на изготовление и развешивание по расположению бригады баннеров-транспарантов с цитатами из генерала Маргелова, прославляющими ВДВ.

“Местный” командир танкового батальона, воспротивившийся такому скотскому отношению к личному составу, был уволен, приказ на присвоение ему звания подполковника, подписанный осенью 2014-го, был “потерян”. Удивительно, но по итогам своей более чем годичной “командировки” на Донбасс, итогам широко известным всему командованию 1-го АК НМ ДНР, полковник Каплий получил не выговор, а повышение и переведен на должность командира 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизией ВДВ ВС РФ. И в феврале 2019-го года его, с новым повышением, вернули на Донбасс уже на должность начальника штаба 1 АК НМ ДНР.

Попытки не воровать жестко пресекались и пресекаются выстроенной мафиозной системой, так как не ворующие командиры не платят “наверх”. Ничего не украдено - нечем и делиться. В то же время, например, к концу 2016 года в одном из артиллерийских подразделений 1-го АК НМ ДНР сложилась ситуация, когда в гаубичных батареях “по бумагам” существует войсковой запас топлива и им на 100% заполнены все баки автомашин и цистерны, а в реальности баки и цистерны пусты, войсковой запас полностью расхищен. И никакой реакции со стороны руководства 1 АК на эту ситуацию не следовало.

Сложившаяся за годы “позиционной войны” система тотального воровства выталкивала неудобных “советников” и местных командиров, заботящихся о личном составе, разлагала руководящий аппарат корпусов, чьи экономические интересы, сраставшиеся с интересами коррумпированных местных командиров, стали распространяться и на “сбор металла”, и на контрабанду через линию фронта. Одновременно эта же система требовала от “местных” командиров, стоящих в стороне от неё, неизбежной “экономии” ГСМ на бытовые нужды, покупку украденных кем-то запчастей на технику, оборудование полигонов, ППД/ПВД и передовых позиций, ставила перед необходимостью также “сбирать металл” (разбирать на металл поврежденные здания и коммуникации в зоне боевых действий), привлекая к этим мероприятиям личный состав, который должен был отдыхать, нести службу или полноценно обучаться своим воинским специальностям.

При этом “на бумаге” проводились все необходимые занятия, “на бумаге” вся техника была исправна, “на бумаге” части были укомплектованы и вообще вся деятельность штабов переместилась больше в область “Войны формата А4”. В реальности же некомпетентность значимой части советников, а также сложившаяся и укоренившаяся система воровства привела к тому, что в 2016-2018 гг кадровые вопросы в корпусах народной милиции достигли, что парадоксально, ещё большей остроты, чем за два года до этого, при начале боевых действий.

Если по ту сторону фронта противник методично обучал своих людей, восстанавливал технику, предпринимал все возможные усилия для мобилизации экономики под военные нужды, то в Республиках всё было с точностью до наоборот. И в результате, по разные стороны от вороха липовых бумаг, по которым “все штатно”, сформировались в своем окончательном виде два изолированных друг от друга “мира” - мир окопов и мир тыловых штабов.

Четвертый период. “Два мира”, 2016-2019 гг. Формирование циклических процессов деградации кадров Народной Милиции с устойчивой положительной обратной связью.

Итогом деятельности российских советников в период с весны 2015 по настоящее время стало создание системы отбора кадров, очевидным образом работающей на снижение боеспособности Народной Милиции Республик. При этом предпринимаемые попытки улучшить ситуацию только ухудшают её. А ухудшение приводит к повтору этих попыток.

За это время, вследствие созданных в Корпусах условий, практически полностью прекратился приток сколько-нибудь мотивированных добровольцев из России. “Последней каплей” для многих стало введенное в луганском корпусе в 2017 году изъятие российских паспортов у добровольцев. Единичные случаи прибытия мотивированных и подготовленных добровольцев из РФ по-прежнему отмечаются, но касаются небольшого количества подразделений, по тем или иным причинам выбивающихся из общего “потока” (причины этих отличий будут рассмотрены далее). Остальные “добровольцы из РФ”, которых способна привлечь служба в НМ ЛНР/ДНР, являются либо людьми без каких-либо полезных навыков, бегущими от нищеты, либо преступниками, скрывающимися от уголовного преследования.

Параллельно, с появлением соответствующих возможностей, обозначился существенный отток наиболее опытных и мотивированных местных кадров рядового и младшего командного состава в состав ЧВК, действующих в Сирии. Этому способствовала общая ситуация, в которой оказывался мотивированный личный состав, приходивший в Народную Милицию Республик или остававшийся в ней ранее.

Перечислим **основные факторы** влияющие на кадровую ситуацию в корпусах Народной Милиции на осень 2018 г:

1. Денежное довольствие личного состава со временем становилось всё более и более недостаточным, как вследствие роста местных цен на все товары народного потребления, так и вследствие роста нагрузки на личный состав из-за хронической неуккомплектованности частей Корпусов. Все более существенную роль постепенно начинали играть размеры средств, взимаемых с личного состава подразделений в “общий котел” на самые различные нужды - оборудование ПВД, ППД, позиций, полигонов, парков, ремонт техники. В результате чего, после взносов в “общий котел” и покупки необходимого личного снаряжения (одежда, обувь) остающиеся средства не слишком сильно превосходят зарплаты в частном секторе экономики Республик.
2. Работа большинства советников, присылаемых из РФ по остаточному принципу - “кого не жалко отдать”. Как следствие - коррупционные схемы вокруг хищений и контрабанды, перемещение на командные должности “местных” кадров, удобных для задействования в коррупционных схемах, и как следствие - отсутствие во множестве подразделений нормального боевого обеспечения и боевой подготовки. Как следствие, в кадровой политике 1-го АК НМ ДНР получила распространение торговля должностями - офицерскую должность

можно приобрести за сумму в 2-3 месячных денежных довольствия, соответствующих этой должности, открывающей доступ не только к самому денежному довольствию, но и к доходным коррупционным схемам. Продаются даже офицерские должности в “горячих точках” Линии Соприкосновения, так как постоянное присутствие или отсутствие офицера на позициях никак строго не регламентируется, и можно числиться взводным и получать лейтенантскую зарплату без особого риска для жизни.

3. Политика комплектования воинских частей рядовыми и сержантами, предусматривавшая вначале строгий отбор, отсеивание алкоголиков, наркоманов и криминального элемента, вследствие бегства из Корпусов адекватных кадров была смягчена настолько, что, по состоянию на осень 2018 года, части, “на бумаге” укомплектованные на 95-98%, реально укомплектованы на 50-60% причем в основном слабо мотивированными людьми, “пятнадцатитысячниками”, часто - состоящими на учете у психиатра или нарколога. Людьми, которым нельзя давать даже автомат, комплектуются в том числе и подразделения связи, где они становятся частью структуры, управляющей войсками. Вследствие действия суммы этих факторов (отсутствия необходимого обучения, боевого обеспечения, некондиционного и неадекватного личного состава) даже уровень простого служебно-бытового травматизма таков, что адекватный человек практически сразу же, в момент начала своей службы, понимает, что ему опасно даже просто находиться среди этих людей, не говоря уже о том, чтобы взаимодействовать с ними во время боя. Командиры, честно заявляющие о некомплекте в своих частях, принуждаются командованием к замалчиванию проблемы. (Не хочешь молчать? Ну катайся каждый день на доклад ко мне, чтобы говорить. Ничего не изменится, просто ты будешь каждый день проезжать по 100+ километров, тратить моторесурс машины, дорогой бензин, купленный на свои деньги, и время. Пока не замолчишь.)
4. Замалчиваемый руководством низкий уровень комплектования подразделений, с которым это руководство ничего не может поделать, во многих случаях приводит к тому, что просто невозможно организовать нормальную систему увольнений и отпусков, что ведёт к ещё большему оттоку кадров. Далеко не все готовы пожертвовать семьёй ради службы в ситуации “позиционной войны” с неясными перспективами. Заметим здесь же, служба в корпусах Народной Милиции, конечной целью которой службы провозглашается поддержание Минских соглашений, предусматривающих возврат Донецкой и Луганской областей в состав Украины, является непопулярной, в том числе среди многих воевавших в 2014-2015 гг, уже только в силу одной декларации о возврате в состав Украины, сколько бы слов не было сказано о всевозможных “хитрых планах” руководства РФ.
5. Отсутствие компенсаций раненым и семьям погибших. Погибшие при обороне Республик часто увольняются “задним числом”, списываются как получившие бытовые травмы или неосторожно обращавшиеся с оружием/боеприпасами. (Здесь надо заметить, что со временем, вследствие деградации кадрового состава, и реальный травматизм, равно как и неосторожное обращение с

военным имуществом, становятся проблемой - люди гибнут и увечатся “на ровном месте”). Полное отсутствие социальных гарантий, лекарства при лечении ранений и контузий - за свой счёт или за счёт волонтерских организаций. Единственным способом хоть как-то облегчить положение семей погибших и лечение раненых является использование в частях “мертвых душ”, денежное довольствие которых идёт на хотя бы частичную компенсацию отсутствующих выплат. Однако командир, подобным образом помогающий своим бойцам, имеет куда больше шансов попасть под суд, чем тот, кто ворует на “мертвых душах” в свой карман, потому что он не делится с вышестоящим руководством (Аналогично с командирами “экономящими” сольерку для того, чтобы не собирать с солдат деньги на те или иные нужды подразделения. Их, рано или поздно, смещают и приходят те, кому удобнее воровать и обирать солдат). **Важное дополнение** от весны 2019 года. Благодаря долгим и упорным усилиям ряда местных командиров и “советников” в Луганском корпусе компенсации похорон, увечий и смертей были наконец введены. Это результат действий конкретных высокопоставленных русских офицеров, относящихся к войне и своим солдатам так как подобает. Кроме этого, были введены и применяются доплаты за выполнение отдельных боевых задач. К сожалению, подобные достижения есть плоды долгих и поистине героических усилий конкретных людей.

6. Работа советников и сам факт их наличия в статусе, определенном первоначально выбранным подходом к военному строительству. “Советник” является фактическим командиром, отдающим приказы, но при этом ни за что не отвечает, “местный” командир отвечает за всё, но не руководит. Советники, как в силу прямых распоряжений “сверху”, так и в силу собственных представлений об армии, искаженных длительной службой в российской “армии мирного времени”, не бывают на передовой и зачастую совершенно не имеют представления о том, как выглядят позиции, где они находятся, как на них живут люди и сколько там на самом деле людей. (Ситуация, когда ротный опорный пункт удерживается взводом, а взводный - отделением, практически повсеместная, иногда - даже хуже.) Единицы из числа “советников” практикуют прием пищи в столовой вместе с личным составом. Массовое пьянство “советников” в расположении воинских частей приводит к такому же массовому пьянству и наркомании среди личного состава, бороться с которым практически бесполезно - “Россияне бухают, почему нам нельзя?”. Таким образом, “советники”, реальные командиры частей, как правило, не имеют авторитета у подчиненных, достаточного для того, чтобы люди были готовы им подчиняться в условиях смертельной опасности, то есть в условиях реальных широкомасштабных боевых действий. Многие советники открыто заявляют о том, что в случае начала активной фазы боевых действий немедленно “эвакуируются” в РФ. (Во время одного из локальных обострений, при мощном обстреле на южном фланге фронта в ДНР, одна из групп “советников” даже продемонстрировала, как она это будет делать.) Именно наличие в войсках НМ ДНР большого числа абсолютно профнепригодных “советников”, являлось значимой причиной кадрового потока, из покидающих подразделения Корпуса

Народной Милиции ДНР и переходящих в подразделения Министерства обороны ДНР, не входившие в состав Корпуса .

7. “Уставщина” в её наиболее бессмысленных формах, внедряемая “подкидышами”, которые ничего больше толком не знают и не умеют. Не так страшны сами по себе бирки и журналы учёта (в том числе журнал учёта журналов учёта), как необходимость переделывать всё это под каждого нового проверяющего, потому что по его предыдущему месту службы всё это выглядело иначе. Ничто не отравляет жизнь нищих измотанных солдат и младших командиров, ничтожным числом пытающихся удерживать огромный фронт, как необходимость вместо реально полезных дел маршировать, красить траву и бордюры, в очередной раз переделывать бирки и т.д.
8. Низовая коррупция и кумовство. В ситуации, когда за взятку в 500-600 рублей младший командир отпускает одного человека во внеочередное увольнение, другой человек, который не может себе позволить потратить такие деньги или вообще коррупцию не приемлет, вынужден стоять за него на позициях, что создает дополнительную нагрузку на ценные кадры, которые, не выдержав её, увольняются. А когда наказанием за пьянство является штраф в пользу командира (“общего котла”, но все понимают, как на самом деле) в 500-1000 рублей, очень выгодно иметь подчиненными алкоголиков.

Для того, чтобы скрыть реальное состояние дел с комплектацией частей личным составом и качеством этого личного состава, помимо банальной фальсификации отчетности, “советники” и “местные” командиры применяют меры, сводящиеся в основном к как можно более длительному увольнению солдат, самовольно оставивших часть, и к затягиванию увольнения людей, выслуживших свои годовые контракты. В некоторых частях вопрос о возможном увольнении решается “через подвал” - боец, решивший не продлять контракт, отправляется на две недели под арест “на подвал”, “подумать”.

Постепенно, с образованием двух очень отдалённых миров этой войны, “окопов” и “штабов”, личный состав бригад делится на две неравные части - “окопники”, часто практически не покидающие передовые позиции, и “тыловики”, которые там практически никогда не бывают. (Так, например, значимая часть личного состава подразделений связи и управления а также других служб бригадного и корпусного подчинения фактически работает разнорабочими и дворниками в тыловых ППД бригад и полков.) “Передовая” не видит никакой полезной работы “советников”, изредка болезненно сталкиваясь с их вредоносным самодурством.

В тылу всё хорошо, по уходящей в РФ отчетности всё есть, подразделения всем или практически всем укомплектованы, идёт постоянная боевая учеба. В реальности бойцы на передовой разуты, раздеты, не укомплектованы средствами индивидуальной бронезащиты (далее - СИБЗ), не обучены правильной работе с оружием, военной техникой и средствами связи, не имеют возможности обеспечить уход за оружием и техникой и их своевременный ремонт, часто не имеют даже штатных средств проводной и радиосвязи. Фактически, они переведены на режим

“самоснабжения” всем необходимым в счет собственных зарплат и работы волонтерских организаций.

Весьма уместным будет привести здесь **примерный список затрат** бойцов Народной Милиции на обеспечение себя и собственных подразделений, которые компенсируют воровство или бездействие тыловых служб корпусов или соответствующих госструктур Республик:

1. **Вещевое снабжение** - форма, обувь, снаряжение. В лучшем случае тыловые службы корпусов осуществляют снабжение по нормам мирного времени, не предусматривающим тот износ, которому форма и обувь подвергаются при постоянной эксплуатации их в окопах. Штатная форма, часто пошитая с нарушением всех возможных норм ГОСТов из некондиционной ткани, получила местное название “стекляшка”, показала себя полностью непригодной к полевому использованию что зимой, что летом, будучи выданной войскам, сразу становится формой для строевых смотров. Часто *штатные* форма и обувь бойцам вообще не выдаются ни в одном комплекте. Наколенники и налокотники штатно не предусмотрены. Штатные спальные мешки и термобелье армейского образца чаще всего не выдаются.
2. **СИБЗ** - бронежилеты и кевларовые каски. Постоянный дефицит современных СИБЗ на передовой, вызванный невозможностью их боевых потерь и постоянной утратой вследствие продажи их на “черном рынке” СОЧинцами, приводит к необходимости их закупки частным порядком, в том числе на интернет-барахолках и тех же самых рынках.
3. **Передовые позиции.** Не предусмотрен штатными расписаниями подвоз горячей пищи на передовую или приготовление её там, все расходы на это - за счёт бойцов напрямую или из “общего котла”. Газовые баллоны и газ для них, самодельные буржуйки для отопления блиндажей и матрасы для спальных мест, бензопилы, скобы, мешки для грунта... Всё, что касается обеспечения как самого устройства окопов первой линии, так и обеспечения жизнедеятельности личного состава в них - за счёт бойцов и командиров. При местных тяжёлых грунтах одни постоянные закупки лопат, ломающихся пополам после нескольких дней работы, составляют значительные для бойцов суммы. Электрификация позиций и вынесенных НП, предусматривающая закупку значимого количества электропроводов и носимых аккумуляторных батарей, также проводится за счёт бойцов и командиров, занимающих позиции, или за счёт волонтерских организаций, или приводит к ещё большему дефициту “полёвки”, используемой в качестве суррогатной электропроводки. В дополнение к настоящему пункту весной 2019 можно сказать следующее. За вторую половину 2018 и начало 2019 года благодаря усилиям командования Луганского корпуса и ряда старших начальников в нем, радикально и во многих местах улучшилась ситуация со снабжением войск продовольствием. По крайней мере, эта важнейшая проблема решена.

4. **Техника.** Техника, поступавшая в войска уже в плачевном состоянии (часто из РФ “спихивается некондиция”), которое усугублялось постоянной неквалифицированной эксплуатацией, штатными ремонтными подразделениями отремонтирована в необходимые сроки быть не может. Дефицит запчастей и комплектующих люди вынуждены компенсировать собственными средствами, покупая на рынках запчасти на автотехнику, аккумуляторы на автомашины и бронетехнику, шлемофоны, нагрудные переключатели для ТПУ. Топлива для транспорта, отпускаемого по нормам для мирного времени и расположения частей в ППД, после воровства на разных уровнях остается столько, что штатные грузовые автомашины (чаще всего неисправные в массе своей и разбираемые на запчасти для исправных) не могут быть использованы для доставки на передовую людей, боеприпасов, необходимых материалов, топлива и для других необходимых перемещений личного состава по территории республик. В результате личный состав встает перед выбором - или заправлять “Уралы” из своего кармана, или вскладчину покупать более экономичные машины, которые будут работать в качестве дежурного транспорта подразделений.
5. **Боеприпасы.** На некоторых участках меры по контролю за соблюдением нашими войсками “Минских соглашений” привели к тому, что цинки и ящики с боеприпасами, находящиеся на передовой опечатывались, и на срыв печатей требовалось получить разрешение от вышестоящего командования. Как следствие, бойцы в окопах первой линии стояли со своими личными боеприпасами в магазинах и лентах, купленными на “черном рынке”.
6. **Оборудование ППД и ПВД, ведение штатной документации.** Все затраты по оборудованию заброшенных и неиспользуемых зданий под пункты временной и постоянной дислокации войск (включая сюда и дополнительное строительство, и отделку, и мебель, и хоз. имущество) возложены на личный состав и формируемые им денежные фонды подразделений. Поэтому совершенно не удивительно, что при переезде с места на место подразделения оставляют за собой не просто голые стены - снимают купленные за свой счёт двери, выключатели и розетки. При этом если свои основные ППД части практически не меняют, то вот ПВД рот и батальонов, расположенные ближе к позициям время от времени меняются, опустошая карманы личного состава. Помимо всего этого войска регулярно оплачивают и титанические объемы бумаги и тонера для принтеров, переводимые штабами на “документооборот мирного времени”. Принтеры, МФУ, компьютеры также покупаются и ремонтируются за счёт войск.
7. **Оборудование полигонов.** Для командования корпусов народной милиции и приезжающих из РФ инспекций, обитающих в мире “штабов”, в тылу бригадами и корпусами возводятся игрушечные “окопы” - полигоны. Естественно, все затраты на оборудование этих площадок для “показух”, обеспечение проживания там личного состава и т.д. также возложены на личный состав. Туда же уходят остро необходимые на передовой маскировочные сети, полевой телефонный кабель, полевые телефоны и коммутаторы.

8. **Внештатная оптика и средства связи, БПЛА.** Поскольку текущая форма ведения боевых действий с чудовищно растянутыми боевыми порядками в виде цепочки наблюдательных пунктов никакими уставами и штатными расписаниями не предусмотрена, оптика и внештатные средства радиосвязи приобретаются личным составом на свои средства или предоставляются волонтерскими организациями. Точно так же за свои средства приобретаются БПЛА-квадрокоптеры, в основном DJI Phantom и Mavic, обеспечивающие подразделениям рота-батальон хотя бы минимальный уровень тактической разведки, так как штатные подразделения БПЛА его обеспечить для фронта не в состоянии (см.соотв.раздел).
9. **Медицина.** Все медикаменты, необходимые для лечения раненых в стационарах, приобретаются, как правило, на средства личного состава. Личный состав вынужден сам или за счёт волонтерских организаций снабжать себя перевязочными материалами и лекарствами, необходимыми в полевых условиях зимой - противопростудными, противовирусными средствами. Если какие-то медикаменты и поступают по линии снабжения корпусов, то это, как правило, оказываются препараты с истекающим сроком годности. Пособия семьям погибших формируются также из собственных средств воинских частей.

Поскольку в войсках находится достаточный процент “пятнадцатитысячников”, в том числе алкоголиков и наркоманов, пришедших в армию только ради зарплаты и не увольняемых из неё в рамках заботы об уровне комплектования частей, на характер сборов в общие фонды начинает влиять эта “забота о комплектовании”. Как следствие - основная тяжесть поборов ложится на немногочисленных оставшихся “сознательных идейных бойцов”. Одновременно с этим несознательная часть ломает, портит или пропивает всё, что остальным удалось купить/достать для подразделения. Как результат - “сознательных” становится ещё меньше в процентном отношении.

В ответ на уход людей из подразделений корпусов НМ руководство корпусов и военкоматы предпринимают очередные усилия по привлечению людей в армию, утратившую львиную долю авторитета в глазах населения. Собираются очередные партии “пятнадцатитысячников”, часто с уголовным прошлым и видимыми признаками запойного алкоголизма, и отправляются в части. Немногие исключения, хоть сколько-нибудь мотивированные, в том числе молодые люди, только достигшие 18-ти лет, отправляются в подразделения, где ситуация с укомплектованием наиболее плачевная. Так как она там плачевна в силу определенных ранее существовавших обстоятельств, описанных выше, пришедший неадекватный контингент её ухудшает, а адекватный - получает “прививку от армии” и вскоре покидает службу.

Естественно, в случае любых обострений и боевых ситуаций шансов погибнуть больше всего у адекватных бойцов, которые пытаются хотя бы что-то сделать, а не просто сбегать. Прогрессирующий “кадровый кризис низов”, вымывание и выбивание противником адекватного рядового личного состава из частей приводит к “кризису адекватных взводных и ротных командиров”, которых также становится всё меньше и меньше.

Преимущества взводного в денежном довольствии над солдатом ликвидируются тем, что любой офицер, в том числе взводный, постоянно существующий между “окопами” и “штабами”, обязан на свои средства содержать, ремонтировать и заправлять легковую автомашину, обслуживающую организационно-транспортные задачи его подразделения. (Здесь заслуживает упоминания недавно оформившаяся политика корпусов по отношению к ДТП с участием военных, добавившие новых затрат в семейные бюджеты “местных” офицеров. Недовольное количеством ДТП с участием военных, происходивших из-за отсутствия квалификации у водителей и неисправностей техники, военное руководство Луганского корпуса пришло к довольно ожидаемому решению - в случае ДТП с участием военного за рулём увольнять военного “задним числом”. Соответственно, даже если в ДТП была виновата другая сторона, военный будет ремонтировать машину виновного за свой счёт, так как любая попытка отстаивать свои интересы приведёт к регистрации ДТП и, соответственно, увольнению.)

Вместе с погонями взводного и, затем, ротного человек не получает ничего кроме дополнительной ответственности за контингент, неадекватность которого со временем только возрастает. Зачастую младший комсостав, хорошо зная степень адекватности своих подчиненных, отказывается получать “под роспись” даже остродефицитные и критически необходимые подразделению средства связи и наблюдения - “поломают/потеряют/пропьют, а я потом не расплачусь”. Таким образом, аппаратура или вообще не используется, или используется только комсоставом, что резко снижает её эффективность.

Если взводный или другой младший офицер успешно “тянет” наваливающиеся на него обязанности, то этим неизбежно начинают пользоваться те, кто пришёл в армию благодаря кумовству, личным связям, пришёл за зарплатой и долей в коррупционных схемах. “Кто везёт, на том и возят”. Естественно, адекватные люди, тем более семейные, оказавшись в ситуации, когда за их “сознательность” следует немедленное “наказание” постоянно возрастающими нагрузками и финансовыми потерями, какое-то время выдерживают эту нагрузку, но потом просто уходят “на гражданку”, где за те же самые деньги имеют на работе куда меньше проблем и стрессов.

Помимо этого давление финансового груза вышеперечисленных затрат воюющих подразделений приводит к тому, что даже мотивированные и честные командиры вынуждены прибегать к различным способам нелегальной добычи средств - распилу на металл “ничейных” объектов в своей зоне ответственности, “экономии” солярки, штрафам за алкоголизм. Входя в эти схемы, они становятся легкой мишенью для служебных интриг сплоченных групп людей, делающих на аналогичных схемах деньги для себя лично. Группа недоброжелателей, собирающаяся “экономить” солярку масштабно, с размахом и в свой карман, не забывая делиться с вышестоящим начальством, несомненно выдавит со службы того, кто на скромные средства от “сэкономленной” солярки обустроивает быт личного состава и “не делится” с командованием.

Таким образом, спустя 4 года “военного строительства” в Республиках на месте “ополчения”, относительно успешно оборонявшегося летом 2014-го против украинской армии, состоявшей из офицеров-завхозов, офицеров-прорабов, офицеров-вахтёров и неумёх-срочников, оказался её практически полный аналог - среди офицеров все больше завхозов-прорабов-вахтёров, завязанных в коррупционных схемах, а подчиняется им ничему не обученный “молодняк”, пришедший в армию зачастую только по причине отсутствия других способов заработать на жизнь.

И каждая попытка военкоматов “закачать” в “корпуса” ещё сколько-то асоциального элемента естественным образом приводит к ухудшению ситуации - уходят адекватные рядовые, уходит адекватный младший комсостав. Кроме того, регулярно сменяются “советники”, и из тех мест, куда приехали неадеквататы, начинается дополнительный отток людей. Армия деградирует, возможно, что уже необратимо, так как системные факторы работают против боеспособности. Хоть какой-то рост боеспособности наблюдается в подразделениях, где собрались сплоченные группы “местных” командиров младшего и среднего звена, личные качества которых способствовали созданию более здоровой атмосферы в подразделениях.

Но даже в них со временем в личном составе всё ярче заметны два возрастных полюса, вокруг которых группируется основная масса военнослужащих. 20 лет – молодые люди, часто пришедшие в армию “потому что надо послужить в армии”, из-за отсутствия работы “на гражданке” и т.д. и 45+ лет – зрелые мужчины, мотивированные и опытные, часто воюющие с самого начала войны.

Что касается попыток руководства улучшить материальное положение личного состава теми же методами, то есть “просто дать больше денег”, то даже слухи о значительном, в два раза, повышении “боевых” выплат в 2019 году, рядовые бойцы встречают с весьма сдержанным оптимизмом. Наблюдая предыдущие скачки цен в Республиках, они не без оснований полагают, что и это повышение зарплат в текущих реалиях экономической жизни Республик будет встречено торговцами новыми ценниками.

Анализ исключений из описанных процессов.

Одним из наиболее заметных исключений из описанных кадровых реалий является 14-й БТрО НМ ЛНР “Призрак”, переформированный из “Механизированной бригады “Призрак” Луганского Народного Ополчения. Это подразделение куда меньше подвержено влиянию вышеописанных факторов, чем все остальные, в силу того, что в процессе переформирования кадровый состав прошёл двойной отбор, находясь при этом постоянно в боевой работе на Линии Боевого Соприкосновения.

Во-первых, на начальном этапе, после получения “штатки” батальона территориальной обороны, бригада долгое время по численности превосходила этот штат примерно втрое и каждый из бойцов и командиров получал по одной трети от зарплаты, что моментально отсеяло людей, заинтересованных в службе только зарплатой.

Во-вторых, когда, спустя некоторое время, было получено указание разоружить “внештатников” и распределить по другим подразделениям, у командования появилась возможность отобрать в БТрО наиболее сильный состав.

Дополнительным фактором сохранения и укрепления кадрового состава и образования собственной кадровой школы послужило отлаженное взаимодействие с различными волонтерскими организациями. (Это позволило, например, только в обеспечение БТрО полноценной закрытой цифровой радиосвязью вложить несколько миллионов рублей, не изымая их из денежного довольствия личного состава.)

Парадоксально, но у “махновцев” и волонтеров КЦПН, надевших погоны в ноябре 2014-го года, армия получилась лучше, чем у профессиональных российских военных, имевших несоизмеримо больше ресурсов. Картина, если вдуматься, настолько же радостная для волонтеров, насколько катастрофичная для нашей страны в целом.

Другим заметным исключением из общей плачевной ситуации является 9-й отдельный полк морской пехоты НМ ДНР. Занимая один из наиболее трудных участков фронта в ДНР, где противник постоянно действует своими ДРГ, производит обстрелы и “разведки боем”, полк подвергается воздействию всех вышеописанных системных факторов, способствующих снижению боеспособности. Однако, несмотря на всё это, несмотря на некомплект личного состава и качество присылаемых “новобранцев”, полк продолжает удерживать свои позиции. Объясняется это тем, что руководит полком сплоченная группа добровольцев и ополченцев, снять которых с должности уже не представляется возможным - без них оборона на участке просто рухнет.

Руководство полка организовало сбор денег и взаимодействие с волонтерскими организациями для решения всевозможных текущих задач - от закупок остро необходимых внештатных средств связи до проведения “Снайперской школы”. При столкновении с активной работой снайперов противника, было развернуто собственное производство “окопных перископов”.

Наиболее “громким” конфликтом руководства полка с “советниками”, выплеснувшимся в публичное поле, стал конфликт вокруг танкового батальона полка, состояние матчасти которого российский советник с позывным “Наука” скрывал от руководства всеми возможными способами вплоть до умышленного ухудшения этого состояния в интересах сокрытия фактического состояния дел. При приезде проверяющих танки, в том числе заведомо небоеспособные по вооружению, выгонялись из парка “в поля, на боевые” с импровизированными самодельными прокладками в двигателе, не обеспечивающими сколько-нибудь значимого безаварийного пробега. Проверяющие видели пустой парк и удовлетворялись этим - “Все танки исправны, стоят на позициях”. В реальности неисправные танки стояли там, где их застал отказ двигателя. Итогом конфликта стало выдворение “Науки” из полка и управление “местными силами”.

Итогом же фронтовой работы полка за годы войны стало, среди прочего, первое место по количеству уничтоженных Героев Украины. Значимую роль в этом первенстве, как и в случае с 14 БТрО НМ ЛНР, сыграло взаимодействие командования полка с

волонтерскими организациями и отдельными частными жертвователями, которые позаботились о снабжении полка снайперской оптикой и другим необходимым оборудованием.

Ограничивая данный “разбор исключений” только этими двумя примерами, мы не хотим сказать, что в Республиках не существует других подразделений разного уровня, от взводов до батальонов, которые в силу наличия прочного “кадрового ядра” успешно противостоят влиянию вышеописанных отрицательных системных факторов. Просто именно эти два примера позволяют наиболее наглядно показать, насколько много на самом деле стало зависеть от наличия такого мотивированного “ядра”, способного сплоченными действиями группы лиц перебарывать, хотя бы временно и частично, системные факторы.

Роль внекорпусных спецподразделений, подчинявшихся МО ДНР и другим ведомствам, подотчётным покойному главе ДНР А. В. Захарченко.

Регулярная смена “советников” в подразделениях корпусного подчинения в сочетании с постоянно ухудшающимся качеством присылаемых из России советнических кадров сделала процесс “вымывания” качественных местных кадров из войск необратимым. Там, где при более-менее адекватном советнике хотя бы на некоторое время группа людей, местных офицеров, могла обеспечить своим солдатам нормальные условия службы, боевой работы и учебы, рано или поздно появлялся буйный неадекватный алкоголик, присланный из РФ в качестве “наставника” и люди увольнялись или переводились в другие подразделения.

Таким образом поток адекватных людей, желающих сражаться, проходивший на протяжении 2015-2018 гг через структуры корпусов НМ ДНР и ЛНР в значимой части завершал свой путь в различных подразделениях, не подчинявшихся прямо корпусному командованию и лишенных присутствия “советников”:

- в спецподразделениях МО ДНР, объединённых впоследствии в Полк Специального Назначения,
- в Республиканской Гвардии ДНР,
- в вооруженных формированиях МЧС и Министерства Доходов и Сборов,
- в подразделениях Внутренних Войск МВД ДНР и ЛНР.

Кроме этих подразделений боеспособный и мотивированный личный состав также концентрировался в батальонах территориальной обороны Республик, также лишенных прямой опеки “советников”, хотя и подчиняющихся корпусному командованию.

Все эти подразделения были лишены штатного тяжелого вооружения, танков и артиллерии, а легкой бронетехникой и автотранспортом комплектовались по остаточному принципу. Таким образом создавался и закреплялся разрыв между мотивированной пехотой и средствами усиления. Расформирование ведомственных спецназов и перевод полка спецназначения в подчинение ВВ МВД ДНР ситуацию мало изменило. Внутренние войска ДНР и территориальные батальоны Республик

продолжают оставаться мотивированной пехотой, лишенной прямой поддержки танков и тяжелой артиллерии. В частности, постоянное присутствие БТрО на передовой не позволяет проводить совместные учения с танковыми и артиллерийскими подразделениями бригад, которым подчинены БТрО, что отражается на совместном использовании танков и артиллерии бригадного подчинения и пехоты территориальных батальонов в боевых действиях.

При этом данные подразделения зачастую не занимались планомерной боевой учебой и подготовкой к боевым действиям даже с тем легким стрелковым вооружением, которое было у них в наличии. “Учиться некогда - все время воюем”. Так, например, на осень 2018 года даже в разведроте полка специального назначения МО ДНР значимое количество автоматов у бойцов не было приведено к нормальному бою.

IV-2. Вопросы подготовки кадров, подготовки курсантов и переподготовки других военнослужащих в ДонВОКУ.

Вполне очевидным логичным решением кадровых проблем Народного Ополчения Донбасса являлось создание местных кадровых школ, которые обеспечили бы войска специалистами хотя бы нижнего и среднего уровня - сержантами и офицерами технических специальностей, строевыми офицерами, командирами рот/батареи и взводов, подготовленными в соответствии с современными требованиями. На этой же базе можно было бы начать и дополнительную подготовку командиров батальонов и артдивизионов. Масштаб военного строительства в Республиках в 2014-2015 гг и масштаб сопутствовавшего ему кадрового кризиса настоятельно требовали решения этого вопроса в первую очередь, выделения на это максимума ресурсов. В том числе и в первую очередь - ресурсов кадровых, то есть преподавателей, и учебной базы, не воспроизводимой на месте.

Вместо этого в образовательной сфере решения принимались также исходя из сугубо временного характера создаваемой “армии”. “Курсы” для командиров рот и батарей, организованные перед Дебальцевской операцией, не дали никакого эффекта, так как представляли собой, в массе, рассказы воюющим офицерам воюющей армии о том, как им следует нести службу в мирное время. Содержимое их определялось качественным кадровым составом “преподавателей”.

Развернуть до наступления системную подготовку младших технических специалистов - связистов, водителей армейских грузовых автомобилей, механиков-водителей гусеничной бронетехники, наводчиков-операторов БМП и танков, наводчиков-артиллеристов не посчитали нужным. Как следствие, помимо огромных боевых потерь, обусловленных проблемами в высшем командовании, приписками и бравурными отчётами, искажавшими реальную ситуацию в войсках, имел место массовый выход из строя вооружения, техники и оборудования, обусловленный его неквалифицированным использованием, который, в свою очередь, снижал и без того невысокий боевой потенциал войск, дополнительно увеличивал боевые потери.

Острее всего чувствовалась нехватка специалистов связи и артрразведки, которая, фактически, исключала полноценное взаимодействие мотопехоты и танков с артиллерией, призванной обеспечивать своим огнем их продвижение.

Создание по окончании этого этапа активных боевых действий Донецкого Высшего Общевоинского Командного Училища должно было в перспективе решить хотя бы часть кадровых проблем республик - подготовить значимое количество молодых лейтенантов, способных стать полноценными взводными и ротными командирами.

Непарадные итоги первого года работы училища были подведены группой офицеров училища в документе, озаглавленном "О состоянии дел в ГБОУ "ДонВОКУ", составленном в 2016-м году и оказавшемся в свободном доступе в сети Интернет. Спустя два с половиной года подлинность этого документа не вызывает сомнений, так как все упомянутые в нем системные проблемы военного образования республик проявили себя за это время в ещё большем масштабе.

Фундаментальным фактором, определившим чудовищные трудности в функционировании училища и скромный итоговый результат стало, как и в случае с военным строительством вообще, отношение к нему как к "временке", свойственное всему подходу "специалистов" из РФ к военному строительству в Республиках. Максимальная эффективность и результативность учебного процесса не требовалась, о создании условий для таковой эффективности не было даже речи.

Кадровая политика была "пущена на самотек", вследствие чего в кадровых вопросах училища, одного из основных инструментов кадровой политики военного строительства Республик, стали процветать те же клановость и кумовство, которые поразили командные структуры Республик, что сделало этот инструмент куда менее эффективным, чем того требовала и требует ситуация. В училище на должностях преподавательского состава оказалось множество людей, не имеющих полноценного военного образования, людей не знакомых с преподаваемыми предметами. В Училище попали люди, начинавшие войну в силовых структурах противника, некоторые - служившие "на той стороне" до 2015 года.

В комплексе зданий, отведенных училищу, проводился необходимый ремонт, облагораживались фасады и территория училища, однако само содержание обучения оставалось очень и очень бедным, и все успехи в этой области происходили, как и в случае со всем военным строительством вообще, из усилий отдельных энтузиастов-преподавателей, а не из общесистемного подхода.

Современные программы преподавания, методики училищу долгое время переданы не были. Энтузиасты-преподаватели, в том числе обладатели боевого опыта текущей войны, вынуждены были сами добывать учебные пособия, создавать программы обучения, готовить учебную базу в доступных им масштабах. Медленно и частично за свой счёт шла подготовка хоть сколько-нибудь массового выпуска учебных пособий по специальным дисциплинам, и только к осени 2018 года совместными усилиями преподавательского состава училища и волонтеров удалось довести количество работающих проекторов в аудиториях училища до 3(трех!) на все группы и

дисциплины. Современные учебники по тактике российского образца, “Тактика: Рота, батальон” и “Огневая подготовка”, доставлялись в училище (равно как и, увы, в войска Республик) вообще только волонтерами.

Специальная учебная база создавалась крайне медленно. Долгое время в училище не существовало полноценной стрелковой подготовки и, что более важно, подготовки будущих офицеров к обучению стрельбе личного состава из личного и группового оружия. Училище не имело ни одного комплекта Командирского Ящика обр.73 или 83 гг, что не позволяло проводить подобную подготовку в отношении работы с автоматами Калашникова и ручными пулемётами. Не имелось в качестве учебного пособия ни одного полностью исправного автоматического гранатомёта АГС-17, возможности практической стрельбы курсантов из гранатометов РПГ-7 были крайне ограничены, приборов учебной стрельбы ПУС-7 не было. Фактически, курсанты первого выпуска получили стрелковую подготовку примерно среднего уровня своих будущих солдат и вряд ли смогут стать для них примером для подражания. Офицеру, который не имел возможности детально и практически изучить гранатомёты и крупнокалиберные пулемёты, снайперские винтовки, а также получить необходимую стрелковую практику будет крайне сложно завоевать авторитет среди солдат, воюющих не первый год.

Аналогичным образом, на невероятном энтузиазме преподавательского состава, развивалась учебная база связи училища. Преподавателям удалось достать, собрать, починить минимальный набор необходимых учебных пособий по устаревшим штатным средствам связи, используемым в войсках, - радиостанциям Р-159, Р-168, Р-123, Р-173, танковым переговорным устройствам, полевой телефонии. Однако никакие обращения за помощью к различным структурам не помогли получить для обучения будущих офицеров современное радиооборудование, уже эксплуатируемое в войсках Республик с 2014 года - радиокомплексы “Арахис” и “Азарт” и учебные программы по их освоению курсантами. Фактически, несмотря на все усилия преподавателей-энтузиастов, офицеры отправятся в строевые части не имея опыта работы с современными средствами связи и не имея представления об их реальных возможностях. Аналогичным образом об это ограничение материальной базы предсказуемо будут “спотыкаться” и все программы переподготовки военнослужащих, проводимые на базе училища.

Всё вышперечисленное привело к тому, что учебный процесс в ДонВОКУ разворачивался чудовищно медленно на фоне вышеописанной кадровой деградации, происходившей в строевых частях. В итоге к моменту выпуска в части молодые офицеры столкнутся с жестокой реальностью фронта образца начала 2019 года - масса демотивированного личного состава, множество асоциального элемента, алкоголиков, наркоманов, множество судимых, в том числе рецидивистов. Даже гению практической психологии будет сложно завоевать авторитет в этой среде, не имея за спиной мощного базиса практических знаний полноценно подготовленного офицера. Не исключено, что значимая часть курсантов, не будучи должным образом подготовленной ни теоретически, ни практически, не выдержит подобного испытания и годы труда, вложенные преподавательским составом и Республикой в новые кадры, не говоря уже о вложенных финансовых средствах, пойдут прахом. А так как армия не

живет в вакууме и черпает будущие кадры из общества, которому служит, престиж профессиональной воинской службы может быть ещё более подорван судьбой этих “не выдержавших”. Следующий набор курсантов может оказаться ещё меньше, и в итоге вскоре влияние Училища на кадровую ситуацию в войсках быстро сойдёт на нет, как бы ни надрывался преподавательский состав на имеющейся скудной учебной базе, созданной собственными силами.

И всё это, напомним, происходит в то самое время, когда в войсках уже невооруженным глазом заметен “Лейтенантский излом” - постоянное массовое добровольное увольнение “по истечению срока контракта” способных и мотивированных идейных ополченцев, выдвинувшихся за годы службы на должности командиров в звании от лейтенанта до капитана. Новоназначенные взводные и ротные, формально получив офицерские погоны и офицерскую зарплату, в реальности оказываются перегруженными в финансовом и организационно-административном отношении настолько, что никаких преференций по сравнению с рядовыми просто не ощущают. Младший комсостав, которому интересно делать то-то полезное для войск, а не участвовать в различных схемах незаконного обогащения, быстро “выгорает” и уходит “на гражданку”, в Республики или в РФ, где дефицит специалистов становится все заметнее. Цифра “офицеров запаса”, официально числящихся на учёте в военкоматах Республик, может привести в растерянность неопытного наблюдателя. Наблюдателя же опытного наводит на очень мрачные мысли о том, что, спустя 4,5 года войны, значимая часть младшего комсостава неопытна и не готова решать сложные задачи в ходе маневренной войны. Накопленный большой кровью опыт войны в лице лейтенантов, выросших в войсках из рядовых, побившись год-полтора рыбой об лёд “армии мирного времени”, уходит из войск.

IV-3. “Позиционная война” и полная неготовность к ней корпусов Народной милиции даже спустя четыре года после её начала.

Второй по масштабу проблемой военного строительства Республик, после кадрового наполнения выстраиваемой системы, является структурное несоответствие этой системы её текущим задачам, отрицательное влияние которой на кадровую ситуацию и взаимное обратное влияние трудно переоценить. За четыре года с момента окончания активных боевых действий российские руководители военного строительства в Республиках не продемонстрировали сколько-нибудь глубокого понимания практических задач, стоящих перед создаваемой ими армией.

Не надо было быть крупным военным аналитиком, обладающим эксклюзивной разведывательной информацией, чтобы весной 2015-го года предугадать, как именно будет использовать противник, не добытый ни осенью 2014-го, ни зимой, инициативу, отданную ему “Минском-2” и мерами по жесткому соблюдению “Минска” с нашей стороны.

Противник, временно лишенный возможности проводить активные наступательные действия, однако продолжающий обладать огромным перевесом в мобилизационном ресурсе, естественно выбрал тактику позиционной войны на истощение, которая

позволила ему в процессе накопления собственных сил для решительного удара обеспечить успешность их будущего применения и, постепенно наращивая превосходство в силах, деморализовать многих наших солдат на передовой ощущением беспомощности.

В ситуации длительной позиционной войны противник получил возможность “обкатывать” новобранцев на передовой, создавая большую массу людей, имеющих фронтной опыт и, при этом, не считающих его сугубо отрицательным, создавая тем самым относительно прочный кадровый “хребет” новой армии. Одновременно противник получил возможность в затяжных позиционных действиях проводить “размен” потерь по выгодному для себя курсу – даже потери 3 к 1 в пользу Корпусов Народной Милиции на самом деле выгодны противнику, имеющему почти десятикратный перевес в мобилизационном потенциале.

Единственной возможностью не дать балансу сил сместиться в сторону противника было бы обеспечение нашим войскам на передовой заведомого качественного превосходства над противником во всех областях. Только качественное, на порядок, превосходство во всех сферах боевой работы могло обеспечить “зеркальную” реализацию плана противника – рост его собственных потерь, естественным результатом которых было бы приобретение опыта и уверенности в себе нашими войсками. Для создания такого превосходства требовались не только качественные кадры, но и структурная организация, адекватная задачам длительной позиционной войны в имеющихся технических, экономических и географических условиях, располагающая необходимыми для этого ресурсами. В реальности же ситуацию позиционной войны обратил себе на пользу противник и продолжает эксплуатировать её с нарастающим успехом.

С нашей же стороны отсутствуют не только системные усилия по перехвату инициативы в этом вопросе, отсутствует даже понимание происходящих процессов, так как они скрыты от наблюдателей в РФ потоком фальшивой отчетности о ситуации в корпусах и на передовой. Результатом этого является растущая на глазах неспособность Корпусов Народной Милиции самостоятельно, без “Северного ветра”, противостоять не только полномасштабному наступлению противника по всему фронту, но и успешным операциям с ограниченными целями, достижение которых в создавшейся ситуации укрепивший свои силы противник будет в состоянии закрепить и отстоять. То есть в долгосрочной перспективе идея “армии-временки” оказалась полностью провальной.

Также, как и в случае с кадровым кризисом, именно этот порочный подход к военному строительству в республиках как к построению “армии-временки”, которой не критичны ни полноценная военная подготовка, ни соответствие штатных расписаний выполняемым задачам, стал первым и главным обстоятельством, определившим неспособность Корпусов выигрывать в позиционной войне.

Создание вместо армии “караульной команды” для “линии разграничения” офицерами, прибывшими из российской “армии мирного времени” началось со штатных расписаний, соответствовавших, возможно, требованиям Второй Мировой

войны, но местные условия - критическое несоответствие количества войск протяженности "фронта" - не оставили от этого соответствия камня на камне.

Согласно уставам российской армии, район обороны батальона по фронту может составлять до 5 км. Участки же, обороняемые батальонами и батальонными группами бригад на фронте в Донбассе, могут достигать 20 и более километров, при том, что нет и речи о возможности постоянного нахождения на передовой всего личного состава. Бригады "держат" на своих участках фронта, фактически, батальонные участки, чтобы иметь возможность ротировать личный состав, давать людям отпуска и увольнения. Территориальные батальоны, соответственно, чаще всего имеют на фронте постоянно людей численностью примерно в одну роту с чудовищно растянутыми по фронту опорными пунктами.

Ротные опорные пункты, как правило, удерживаются гарнизонами численностью максимум во взвод, взводные - примерно отделениями. Нет никакой возможности и смысла связывать линию фронта воедино ходами сообщения - ВОПы, РОПы и НП, наблюдательные пункты, отстоят друг от друга на несколько километров, прокопать такие дистанции в обозримое время с нашей стороны просто некому. Взаимопомощь огнём могла бы, хотя бы частично, решить этот вопрос, однако из-за дефицита исправного тяжелого пехотного вооружения "опорники" часто не имеют огневого взаимодействия на должном уровне и, таким образом, могут быть легко изолированы друг от друга и захвачены.

Малое количество личного состава на передовой, являющееся следствием вышеописанных кадровых проблем, определяет неразвитость даже этих немногих полевых укреплений - людям, даже когда у них есть необходимый шанцевый инструмент, просто некогда копать полноценные окопы и укрытия в "тяжелом" местном грунте, на котором обычная лопата часто не выдерживает и двух дней работы - ломается. Поэтому значимая часть укреплений не на временной, а на постоянной основе состоит из мешков с землей, вынудой при рытье окопов. Высота этой постоянной импровизированной защиты над уровнем земли во многих местах достигает половины глубины окопа, что приводит к полной непригодности окопа для обороны всего лишь после одной очереди 30-мм пушки вражеской БМП-2. Шанцевый инструмент, соответствующий имеющимся инженерным задачам, гвозди, скобы, маскировочные сети и даже мешки для земли бойцы и командиры вынуждены покупать сами, на свои средства. Применение в первой линии обороны нашими войсками любых средств механизации земляных работ противник активно пресекает огнём из всех видов оружия, не считаясь ни с какими "перемириями".

Подразделения, которые, изыскивая ресурсы, находят возможность достаточно масштабно развивать свои полевые фортификационные сооружения вручную, сталкиваются с тем, что дальше определенного, весьма скромного, предела они их расширять не могут из-за отсутствия людей, необходимых для их наполнения и поддержания в пригодном состоянии, и огневых средств, которые могли бы быть установлены на этих позициях.

Несмотря на то, что войска уже четыре года ведут позиционную войну, требующую капитального оборудования огневых позиций, укрытий, наблюдательных пунктов переднего края и т.д., они не получают никакого централизованного снабжения материалами для сооружения укреплений или денежными средствами на их приобретение. Оборудование позиций производится на средства личного состава, волонтерских организаций, "средства вырученные экономией топлива" и другими ухищрениями, на которыми приходится идти командирам. Максимум помощи, доступной войскам от властей - разрешения на разбор полуразрушенных зданий для получения хоть каких-то строительных материалов. О массовом получении войсками каких-либо серийно производимых стальных или железобетонных конструкций, упрощающих создание укреплений и улучшающих их защитные свойства, речи не идёт.

В это же время противник постоянно и энергично ведет полевые фортификационные работы, в том числе и с использованием на переднем крае средств механизации - экскаваторов и кранов, которые работают там целыми днями, пользуясь соблюдением "перемирий" нашими войсками. Значительно большее количество личного состава на передовой и его постоянная ротация позволяют противнику постоянно вести работы по расширению позиций и выдвиганию их вперёд. Позиции противника в массе своей электрифицированы, и он, в отличие от наших войск, не испытывает проблем с подзарядкой батарей портативных радиостанций и приборов ночного видения, освещением. Полевые средства электрификации (генераторы), предусмотренные штатными расписаниями не только недостаточны для множества позиций на растянутом фронте, но и не могут быть использованы в принципе из-за избыточной мощности и, соответственно, огромного потребления топлива.

Наши бойцы, в свою очередь, вынуждены за свои средства или на средства немногочисленных волонтерских организаций приобретать не только электрический кабель для электрификации передовой, но и печи-буржуйки для отопления, газ и газовые баллоны с горелками для приготовления пищи, так как нет никакой возможности и смысла в местных условиях доставлять три раза в день из пунктов временной дислокации (ПВД) готовую пищу на передовые позиции. Убогость логистики в области продовольственного снабжения, обусловленную накопившимися последствиями воровства и некомпетентности, ярче всего продемонстрировала ситуация, когда в 2017-м году даже не на передовую, а в ПВД одного из подразделений, находящееся в черте города Донецка, хлеб доставлялся на 80 и более процентов плесневелый - из целого мешка хлеба пригодны к употреблению в пищу были всего лишь несколько буханок.

Совершенно невероятным и немыслимым оказался кризис, возникший в ходе позиционной войны со снабжением войск жизненно необходимыми средствами полевой проводной связи - полевыми телефонами, коммутаторами и, главное, полевым телефонным кабелем, "полёвкой".

Штатные расписания батальонов, требующие в обороне обязательного развёртывания проводной связи, предусматривают оснащение батальонов средствами связи сообразно вышеупомянутым рамкам районов обороны батальонов по фронту до 5 км.

Соответственно, количество опорных пунктов и позиций (КНП батальона и рот), требующих размещения средств проводной связи, рассчитано исходя из этой же цифры. Современные представления российских военных теоретиков о средствах связи батальона подразумевают наличие в мотострелковом батальоне одного коммутатора П-193М, 8 километров полевого кабеля П-274, 15 телефонных аппаратов ТА-57, а также 4 км полевого телефонного кабеля и 5 телефонных аппаратов во взводе управления минометной батареи батальона. (цит. по учебнику “Общая тактика. Батальон, рота” С.А. Батюшкин, М.2019, стр.37)

При имеющемся в реальности количестве наблюдательных и опорных пунктов наличие одного коммутатора П-193М зачастую не обеспечивает полностью единую сеть связи для всех абонентов, однако это обстоятельство становится совершенно несущественным на фоне чудовищной неуккомплектованности войск полевыми телефонами ТА-57 и, главное, полевым кабелем. Большинству батальонов, занимающих позиции на передовой и так и не получивших от снабженцев штатных 8 км полевого кабеля, не хватает этих положенных по штату 8 км даже для того, чтобы просто связать все позиции по фронту одной линией, не говоря уже о том, чтобы обеспечить всем этим позициям связь со штабом батальона через коммутатор.

Кроме того, в условиях позиционного фронта с мизерным человеческим наполнением опорных пунктов насущной необходимостью является повсеместное наличие управляемых минно-взрывных заграждений(МВЗ). Потребности саперов в полевом кабеле для массивированного обустройства таких МВЗ также совершенно не учитываются.

Отдельным фактором, усугубляющим ситуацию, является то, что “полевка”, полевой кабель П-274, в условиях длительной позиционной войны является расходным материалом, требующим наличия запаса и постоянного восполнения. Постоянные обстрелы передовых позиций противником с применением автоматических гранатометов АГС-17, 82-мм и 120-мм миномётов, танковых пушек, орудий БМП, САУ и буксируемой артиллерии, приводят к тому, что отрезки полевого кабеля протяженностью до километра-двух в тыл практически от каждого РОП/ВОП/НП передовой линии требуют постоянной замены, так как количество сростков на них перестаёт удовлетворять требованиям надежной связи. Каждое лето большие площади степей выгорают в пожарах, уничтожая проложенный по ним кабель целыми километрами.

Службы снабжения, однако, не рассматривают в качестве руководства к действию ни реальные требования по длинам проводных линий, ни того факта, что поддержание этих линий в работоспособном состоянии требует постоянного расхода провода. Вопрос этот войсками неоднократно ставился, однако положение с обеспечением полевым кабелем продолжает быть местами просто чудовищным, особенно учитывая то, что применение противником в некоторых районах средств РЭБ делает невозможной любую радиосвязь кроме дорогостоящих комплексов с псевдослучайной перенастройкой рабочей частоты (ППРЧ), о дефиците которых и результатах использования которых будет рассказано в соответствующем разделе.

От высшего руководства эта проблема скрыта тем, что со штабами батальонов, находящимися, как правило, в городской черте, наличествует постоянная устойчивая проводная связь, а полигоны, на которых иногда появляется высокое начальство, обеспечивались полевой связью в первую очередь. Того, что несколько лет для множества передовых позиций НМ ДНР единственным надежным средством связи с тылом был телефон украинского оператора МТС(Vodafone), прослушивавшийся противником, высшее руководство просто не знало и не хотело знать.

В итоге дефицит полевого кабеля компенсируется за счет средств личного состава и волонтерских организаций. Таким же образом производится пополнение парка телефонных аппаратов и постоянные закупки батарей питания для телефонных аппаратов вместо штатных, которые поставлялись один раз, вместе с аппаратами, и были израсходованы в первые месяцы работы.

Хроническая нехватка средств проводной связи порождает постоянную потребность фронта в средствах радиосвязи, которая, опять же за счёт личных средств бойцов и за счет волонтерских организаций, может быть в имеющихся масштабах удовлетворена только средствами открытой радиосвязи. Как правило, все недостающие проводные линии заменяются радиостанциями Baofeng UV-5R, работу которых противник прослушивает и может в любой момент подавить простейшими средствами РЭБ.

Абсолютно аналогичным образом убогость имеющихся штатных расписаний применительно к имеющимся задачам войск сказывается и в вопросах ведения ими наблюдения за противником. Протяженность линии фронта и количество необходимых войскам наблюдательных пунктов никак не соответствует штатному количеству и качеству средств дневного и, в особенности, ночного визуального наблюдения.

Если днём передовые посты хотя бы частично имеют возможность вести наблюдение за противником, как правило - в оптику уровня артиллерийской буссоли ПАБ-2М, то ночью большая часть наблюдательных пунктов и передовых позиций оказывается абсолютно беззащитной перед работой вражеских ДРГ, оснащенных прицелами и приборами ночного видения.

Даже имеющиеся в войсках и службах корпусов морально устаревшие приборы ночного видения 1ПН50(БН-2), прицелы НСПУ и 1ПН58 зачастую не используются из-за мелких поломок и отсутствия пригодных к работе аккумуляторных батарей и зарядных устройств. О повсеместном оснащении передовых позиций современной штатной техникой для ночного наблюдения и ведения огня речь не идёт, все снаряжение такого рода закупается на собственные средства подразделений и средства волонтерских организаций. Поскольку эти средства ограничены, результатом является практическая “слепота” большинства наших передовых опорных пунктов, регулярно вырезаемых спецназом противника, что отражается в официальной документации корпусов как очередные случаи “сердечной недостаточности” или “неосторожного обращения с оружием”, если вообще отражается, а не скрывается полностью путём увольнения погибших “задним числом”.

Кроме того, вышеупомянутые кадровые проблемы войск приводят к тому, что командиры рот и взводов зачастую отказываются получать "под роспись" даже имеющиеся в наличии ПНВ, мотивируя это ненадёжностью личного состава, который может эти приборы потерять, пропить или сломать.

Также на пятый год войны в условиях постоянной активности вражеских снайперов и постоянного применения минометов и тяжелого пехотного вооружения не имеет системного решения проблема обеспечения передовых позиций перископическими приборами наблюдения. За четыре года позиционной войны предприятия республик так и не получили заказов на массовое изготовление хотя бы простейших перископических приборов наблюдения или перископических насадок, способных защитить наблюдателей на передовых позициях от поражения пулями и осколками. Войска и волонтеры изготавливают самодельные приборы, покупают китайские клоны японского 5-кратного перископа времен Второй Мировой или, по астрономическим ценам, советские ТР-8.

Артиллерия корпусов Народной Милиции и ее работа в рамках позиционной войны по "Минским соглашениям" также совершенно не удовлетворяет потребностям войск, в том числе и по фундаментальным причинам, происходящим из несоответствия штатных расписаний войск и встающих перед ними задач.

Так, например, совершенно не предусмотренный штатными расписаниями Корпусов 82-мм миномёт, в том числе и в автоматической версии (2Б9 "Василёк"), является в условиях Минских ограничений одним из самых эффективных средств обороны передовых позиций, однако 82-мм миномёты в штаты не вводятся и самими миномётами с обученными расчётами фронт не насыщается. Противник в то же время не только активно применяет обычные 82-мм миномёты, но и готовит к поставкам в войска 60-мм миномёты, которые ещё больше увеличат огневую мощь противника, равно как и гибкость этой мощи и скорость её применения.

Одной из ключевых проблем позиционной войны, ежедневно забирающей жизни наших солдат, является длительная и чудовищная по своим масштабам нехватка боеприпасов для основных средств "окопной войны" - автоматического гранатомёта АГС-17 и 82-мм миномёта.

То, что 82-мм миномёты на пятый год войны отсутствуют в штатах подразделений, ведущих постоянные позиционные бои, само по себе очень похоже на саботаж. Не будучи штатным вооружением, они, соответственно, не поставлены на боепитание и не получают боекомплект. Автоматические гранатомёты, хотя и находятся в штате, снабжаются боекомплектом крайне скудно. В результате противник, снабженный боекомплектом к данным видам вооружения в избытке, имеет возможность пресекать любые виды активности на передовой - передвижение личного состава и автотранспорта, фортификационные работы, инженерно-саперное оборудование, как непосредственно на передовой, так и вообще на любых наблюдаемых противником с НП или БПЛА участках местности.

Если же дефицит указанных боеприпасов в НМ ЛНР и ДНР является следствием их дефицита в РФ (а по нашей информации это именно так), то налицо признаки саботажа на уровне руководства ВПК и/или соответствующих подразделений МО.

Кроме того, протяженность фронта, формы и методы артиллерийской работы и контрбатарейной борьбы и, конечно же, полная сдача инициативы противнику, требуют не только поддерживать значимую часть артиллерии в постоянной боевой готовности для ответных действий, но и готовить командиров огневых взводов и даже командиров орудий к полностью самостоятельному боевому применению, что совершенно невозможно реализовать при нынешних объемах реальной подготовки войск. Аналогичные высокие требования ситуация предъявляет и к расчетам орудий. И здесь они также практически невыполнимы в силу вышеописанных кадровых проблем.

Помимо всего этого протяженность фронта и количество обороняемых войсками позиций предъявляет особые требования к автослужбам воинских частей, которые не способны данным требованиям соответствовать не только по упоминаемым выше структурным причинам. В первую очередь - по количеству выделяемого на обеспечение боевой деятельности частей топлива. Результатом чудовищного масштаба хищений топлива на различных уровнях является то, что на главную непосредственную задачу автопарка воинских частей - на обеспечение ведения частями НМ обороны своих позиций, этого топлива не хватает!

Выделяемые объемы солярки (о бензине речи вообще не идет) не способны обеспечить перемещение продуктов и средств боепитания на позиции и ротацию личного состава штатным автотранспортом воинских частей, даже если он исправен - топлива мощным военным "Уралам" просто не хватит. Таким образом, на плечи личного состава и командиров ложатся дополнительные расходы по покупке и поддержанию "на ходу" внештатных средств транспорта, обеспечивающих своевременную доставку на все позиции питания, боеприпасов и ротацию личного состава.

Недопоставка и воровство топлива и аккумуляторов в сочетании с очковтирательством приводят к тому, что зачастую техника, размещение которой вблизи линии соприкосновения не противоречит "Минским соглашениям", даже если она исправна, находится на позициях в состоянии беспомощного трофея - без аккумуляторов, не способная своевременно и эффективно открывать огонь и передвигаться. Аккумуляторы на машины не ставятся из-за того, что без постоянной подзарядки их работой двигателя они быстро становятся бесполезны, а топлива на постоянную работу двигателей у войск нет. Аппаратуры для постоянной подзарядки необходимого дежурной технике количества аккумуляторов и подменных комплектов самих аккумуляторов для обеспечения постоянной боеготовности техники без работы двигателя, также нет. Полноценное отражение любой атаки противника, таким образом, должно начинаться с вызова из тылового ПВД машины, которая привезет аккумуляторы.

Полноценное медицинское обеспечение подразделений в имеющихся условиях позиционной войны также не может осуществляться только штатными средствами, а кадры и штатные средства медслужбы находятся под давлением тех же обстоятельств, что и все остальные службы и их личный состав.

Текущие местные условия ведения войны и рассредоточенности наблюдательных и опорных пунктов требуют качественного усиления медицинской подготовки личного состава и оснащения его всем необходимым, чтобы раненый боец мог быть не только “стабилизирован”, но и эвакуирован из зоны, простреливаемой противником, к ближайшей точке возможной погрузки на эвакуационный транспорт. В реальности же значимая часть бойцов на передовой не имеет даже банальных жгутов и ИПП и не умеет ими полноценно пользоваться.

Людей на передовой настолько мало, что необходимость эвакуации одного раненого неходячего в непростреливаемую противником зону становится практически неразрешимой задачей - в условиях идущего боя просто нет свободных 4-6 человек, чтобы его туда вынести. Сани-волокуши, пригодные для эвакуации раненого бойца одним бойцом, закупаются личным составом на свои или волонтерские средства.

То, насколько реальность местной позиционной войны отличается от гляцевых картинок отчётов и телевизионных репортажей, наглядно продемонстрировал случай, произошедший 28 сентября 2018 года в районе нас.пункта Коминтерново. Поскольку случай уже приобрел огласку в СМИ, его можно привести здесь в деталях.

Ночью на позициях НМ ДНР (9 омсп) в районе Коминтерново в результате огневого воздействия противника появился раненый. В соответствии с уставами и штатными расписаниями для эвакуации раненого должен был быть использован бронированный тягач МТ-ЛБ с вооруженным экипажем подготовленных военных медиков. В случае необходимости прохода его в зону, простреливаемую противотанковыми огневыми средствами пехоты противника и крупнокалиберными пулемётами, должно осуществляться соответствующее огневое прикрытие этого движения.

Вместо этого с рассветом на место событий выдвинулась на легковом небронированном автомобиле “Нива”, мало пригодном для эвакуации раненых с передовой, медсестра (находившаяся на пятом месяце беременности!). По одной версии, изложенной официальной пресс-службой НМ ДНР, противник машину обнаружил и уничтожил, по другой, выдвинутой противником, машина подорвалась на mine. Итог - водитель машины и медсестра погибли.

Разность между “сразу после ранения бойцы на передовой стабилизируют состояние раненого и выносят его из зоны поражения к немедленно выслаемому штатному бронированному МТ-ЛБ медслужбы” и “утром беременная медсестра на “Ниве” пробует прорваться за раненым к позициям и погибает” представляет собой разницу между “телевизионной картинкой”, тем, “как надо”, и тем, “как оно есть на самом деле”.

Здесь следует отдельно упомянуть о том, что описанная ситуация произошла в 9-м полку морской пехоты, где вместо отсутствующих или не функционирующих штатных структур и техники “местным” командованием хоть как-то развёрнуты хоть какие-то структуры и техника, способствующие успешному выполнению боевых задач. (Например, 9-й полк вынужден был на собственных ресурсах развернуть в Новоазовске постоянный военный госпиталь, оснащённый всем необходимым для того, чтобы

спасать жизни раненым бойцам. Аналогичным образом такой же госпиталь развёрнут 7-й омсбр в Зоринске.) То есть в среднем ситуация ещё хуже.

Итог несоответствия штатных расписаний и снабжения текущим задачам войск - постоянные неоправданные потери, падение боевого духа войск, ухудшение ситуации с некомплектом личного состава. Как следствие - ещё большее ухудшение ситуации, новые потери и так далее. То есть на практике оказалось, что даже позиционную войну "армия-временка" успешно вести не может и время работает на противника, а не против него.

IV-4. Автопарки и в целом логистика частей народной милиции. Невозможность полноценно обеспечить даже оборону.

Корнем текущих проблем автопарков частей НМ, которые в нынешнем своем состоянии не способны обеспечить даже длительных полноценных оборонительных боев, не говоря уже о наступлении, помимо вышеупомянутых общих факторов, являлось первичное комплектование их случайным контингентом в период взрывного роста численности НМ ЛНР и ДНР осенью-зимой 2014-2015 и последующее неприменение к ним отдельных специальных мер повышения боевой готовности - сначала по нежеланию, а теперь уже - по невозможности таковых.

Результатом взрывного роста численности войск и повальной записи в водители "Уралов" любых обладателей водительских прав хотя бы на легковой автомобиль стало огромное количество дорожно-транспортных происшествий зимой 2014-2015 гг, когда боевые действия шли в сложных метеоусловиях, при гололёде и в тумане. С тех пор автопарки воинских частей волочат за собой "хвост" из огромного количества повреждённых и частично неисправных машин, деньги на ремонт которых собираются с личного состава, добываются содержанием "мертвых душ" или "экономией" солярки. Однако, поскольку постоянных действенных специальных мер по повышению готовности парков и уровня подготовки водителей не проводится ("Это же просто водители! Зачем их обучать? Сел-поехал!"), машины продолжают регулярно выходить из строя как из-за ДТП, так и из-за неправильной эксплуатации. Ни по одной из марок используемого армейского автотранспорта нет необходимого документально-технического сопровождения, которое позволило бы личному составу определять необходимые параметры эксплуатации техники не "на глаз", а в соответствии с нормативной документацией. Когда необходимых документов нет в свободном доступе в Интернете, эксплуатация техники становится опасной и приводит к преждевременному выходу её из строя.

Одним из типовых, ежедневно повторяемых грубых нарушений техники безопасности, вызванных, среди прочего, и нехваткой транспорта, является практикуемая повсеместно перевозка артиллерийских боеприпасов, в основном – миномётных мин и танковых снарядов, без ящиков, в снаряженном состоянии, навалом до 200-300 шт. в кузове одного грузовика. Мощнейший взрыв в начале 2017-го года на "Мотеле" в Донецке – подрыв аналогичной машины, нагруженной ВВ и БК с грубыми

нарушениями техники безопасности. В средствах массовой информации тогда рассказали о прилете украинской ракеты комплекса “Точка-У”.

Так как уровень подготовки кадров за прошедшие годы поднят не был, в том числе и в части, касающейся автомашин и их обслуживания, машины продолжают постоянно выходить из строя и отправляться в долгосрочный ремонт, в том числе – в РФ. На оставшихся автомашинах зачастую критически изношены покрышки (хотя в отчётности российских тыловиков можно встретить совершенно другую информацию), что временами приводит к невозможности доставки критически важных грузов на передовую. Так, например, в феврале-марте 2018 г. во время резких скачков температуры через ноль по Цельсию создалась ситуация, когда, из-за обледенения дорожного покрытия, на несколько дней часть позиций были недостижимы для полноприводных(!!!) армейских(!!!) грузовых машин. Таким образом отсутствие нормальной резины и цепей-грунтозацепов на некоторое время полностью обесмысливало содержание обширного автопарка тяжелых полноприводных грузовиков.

Интересно, что зачастую руководство подразделений само не имеет представления о том, в каком состоянии находится автопарк подразделения и где можно получить об этом объективную информацию. Отлично иллюстрирует эту ситуацию пример одного из подразделений НМ ДНР, в котором в 2017-м году боец миномётной батареи, записанный водителем, но де факто выполнявший функции номера или командира расчёта миномёта, был отправлен командованием для ревизии автопарка и составления таблицы готовности/исправности автомобильной техники подразделения. Так как боец даже не знал, где именно на корпусе машины он может посмотреть заводской серийный номер шасси, он обратился за помощью к военнослужащему, выполнявшему задачи персонала автопарка. Тот, узнав о задании бойца, указал ему на стол уволившегося начальника, заваленный бумагами, предложив искать там документ, который потребовали составить от бойца. Документ, составленный уволившимся начальником, был найден, причём оказался более полным в плане данных о технике, чем требовавшийся руководством изначально.

Естественно, повсеместно и на самых разных уровнях проводятся всевозможные махинации с топливом к автотранспорту и автомобилям-арттягачам и, конечно же, гусеничной технике. Неоднократно отмечались даже факты полного расхищения “войскового запаса”, который должен храниться в частях – в баках машин и в цистернах автозаправщиков. В случае резкого обострения ситуации значимая часть техники не сможет выйти из боксов просто потому, что топливо по той или иной причине слито, хотя считается, что машины полностью заправлены.

Предметом особого интереса разного рода махинаторов являются бензиновые грузовые автомобили, позволяющие списывать огромные объёмы бензина, уходящего на продажу. В одном из подразделений НМ ЛНР имел место курьёзный случай, когда за сутки были поданы наряды и путевые листы более чем на 24 часа эксплуатации такой машины. При том, что сам грузовик всё время активной эксплуатации его, подробно описанное в фиктивных бумагах, стоял в парке на колодках.

В сочетании с некомплектом автопарков исправными машинами дополнительную кадровую проблему автопарков Народной Милиции составляет то, что часто военными водителями являются люди, имеющие в связи с возрастом или хроническими заболеваниями серьезные ограничения по режиму несения службы. В случае необходимости выполнять наличным парком исправных машин планы по перевозке грузов в ходе даже оборонительной операции эти люди будут подвергаться повышенным нагрузкам, что может привести к выбыванию из строя. Характерный пример - смерть от сердечного приступа престарелого военного водителя НМ ЛНР на учениях в 2016-м году.

Отдельным острым вопросом в ситуации возобновления активных боевых действий станет то, что значимая часть достаточно профессиональных водителей, пришедших в ряды Народной Милиции в период “позиционной войны”, будут не готовы работать в условиях постоянного риска для жизни. Проще говоря, будет сложно найти водителя, готового ехать на батарею с грузовиком, набитым снарядами.

В результате сочетания действия всех этих факторов начало активных, пусть даже оборонительных, действий по всей линии фронта Корпусов НМ приведет к достаточно быстрому “схлопыванию” реального рабочего автопарка как в чисто техническом, так и в кадровом отношении.

IV-5. Танки. Грозного вида трактора и их экипажи.

Танковые подразделения Народной Милиции Республик представлены суммарно 2 отдельными танковыми батальонами и 11 танковыми батальонами в составе мотострелковых полков и бригад суммарной штатной численностью 400-450 машин. Для противника, судя по его диверсионной активности, эта информация, равно как и места базирования танковых частей, никакой тайны не составляет. Не составляет для противника никакой тайны и численность реально боеспособных машин, полностью рабочих и укомплектованных по ходовой части, вооружению и связи. Средний процент “полной боеспособности” по матчасти и эксплуатационным навыкам экипажей колеблется где-то между 25 и 30 процентами от общей численности. Данное плачевное состояние имеет две плотно взаимосвязанные группы причин – кадровые и технико-снабженческие.

Существенным дополнительными факторами, влияющими на кадровую ситуацию в танковых частях НМ Республик, являются “танкобоязнь” и пассивная роль основной массы танковых частей в период Минских соглашений, предусматривающих отвод тяжелой техники, в том числе танков, в глубокий тыл, неучастие танкистов в боевых действиях.

“Танкобоязнь” как боязнь службы в танковых частях и подразделениях объясняется, как это ни странно, в первую очередь успехами Ополчения и затем “Северного ветра” в поражении вражеских танково-механизированных колонн летом 2014-го года. Практически каждый взрослый житель Республик осенью 2014 года имел возможность лично осмотреть множество сгоревших Т-64 и Т-72, принадлежавших ВСУ с

отлетевшими в сторону башнями. Бои за Дебальцево с участием наскоро укомплектованных такими же Т-64 и Т-72 танковых подразделений Корпусов НМ убедили многих, что “это работает в обе стороны” и что с той, что с этой стороны танк – это “беспомощная железная коробка”, “братская могила для экипажа”. В то время как в реальности имеющихся условий (открытая степная местность и практическое отсутствие активных действий авиации) танкам, казалось бы, обеспечена доминирующая роль на поле боя.

Успешность исполнения танками этой роли очевидным образом зависит от тактической и технической подготовки личного состава. Но личный состав танковых подразделений, теряя потенциальные кадры за счёт “танкобоязни” и в силу прочих кадровых проблем, описанных нами ранее, и свойственных нашим войскам в целом, дополнительно теряет мотивированные кадры ещё и за счёт того, что танковые части, как правило, не участвуют в боестолкновениях на линии разграничения и основная масса танкистов, помимо попыток восстановления техники, рассыпающейся от старости, испытывает на себе в полной мере давление бездумной “уставщины”, насаждаемой неадекватными “советниками”, а также используется как погрузочно-разгрузочная команда на всевозможных хозяйственных работах. В этих условиях мотивированные люди, в поисках возможности нанести противнику прямой урон, рано или поздно, покидают танковые части, переходя в мотострелковые части или территориальные батальоны, участвующие в обороне опорных пунктов на Линии Боевого Соприкосновения (ЛБС).

Помимо этого все большее влияние на боевую подготовку оказывает вопрос снабжения бронетанковых частей ГСМ, достигший, например, в ЛНР анекдотических ситуаций – нормы расхода ГСМ для танков со старыми изношенными двигателями установлены ниже, чем нормы, указанные в руководствах по данным образцам танков для новых машин и двигателей. Весьма неравномерно ведётся работа по огневой подготовке танкистов – суммарный “настрел” батальонов на учениях в пределах одной республики может различаться в 5-10 раз.

Следствием всех вышеперечисленных причин является в среднем более высокая по отношению к мотострелковым частям “текучка” кадров в танковых частях Народной Милиции. Танковые батальоны в период с осени 2014-го года пропустили через себя людей уже как минимум в 5 раз больше собственной численности (местами – уже существенно больше), однако, как правило, это не означает ни того, что “отобрали лучших”, ни того, что “подготовили много хороших танкистов-резервистов”.

Одним из самых болезненных кадровых вопросов танковых частей является отток младшего комсостава, обусловленный спросом на рабочую силу в сельскохозяйственном секторе на сопредельной российской территории. Фактически, лейтенант-танкист в условиях службы в Корпусах НМ ЛНР или ДНР, после всех взносов “в общий котел” и личных денежных трат “в интересах службы”, получает на руки денег не больше, чем бригадир-тракторист в Ростовской области, который, в отличие от лейтенанта-танкиста, имеет возможность каждую ночь ночевать дома, лишен общества неадекватных “советников” и куда менее стеснён в вопросах употребления спиртных напитков в выходные и праздничные дни.

В итоге ежегодно проводимые “Танковые биатлоны”, конечно, демонстрируют выучку лучших экипажей, однако “средняя температура по больнице”, которую в полной мере смогут выявить только “полноценные маневренные боевые действия”, обещает оказаться значительно ниже всех, даже самых пессимистических расчетов как российских, так и местных, корпусных, штабов.

Существенным препятствием в обучении личного состава танковых частей, вооруженных на 50-70% танками Т-64, является отсутствие в частях наглядных пособий по этой машине и полной(!) сопроводительной технической документации, а также зачастую плохое знание “советниками” матчасти этого танка, практически весь парк которого был при разделе ВС СССР передан ВСУ и который, таким образом, в РФ на вооружении практически не состоял и повсеместно был заменен на Т-72 и Т-80 различных модификаций. Проблемы возникают постоянно – с юстировкой прицельных комплексов, с ремонтом и обслуживанием приводов поворота башни, с диагностикой электронных компонентов.

По запчастям на Т-64, помимо целого набора наиболее востребованных войсками и ремонтными батальонами корпусов узлов и деталей, наиболее критическое положение, мало изменившееся с 2014 года и мизерными по размеру и стоимости запчастями, вернее их отсутствием, при этом выводящее из состояния боевой готовности наибольшее число бронеединиц, – с резиновыми прокладками для двигатель-трансмиссионной группы Т-64.

Снабжение бронетехники, в особенности танков, аккумуляторами производится, видимо, сугубо по остаточному принципу, производит на личный состав впечатление “измены в тылу” и порождает слухи о том, что хорошие новые аккумуляторы, присылаемые на замену изношенных, тут же отправляются командованием на продажу в магазины. Массовая закупка личным составом за свой счет аккумуляторов на танки, САУ, БМП и грузовые автомобили (с последующей их охраной от желающих “переподчинить”) стала явлением постоянным и повсеместным. Но, несмотря на все усилия, прилагаемые личным составом, в случае начала активных и массовых боевых действий, значимая (если не основная) масса бронетехники будет заводиться “с толкача” уже заведёнными машинами и дольше не будет выключать двигатели из-за невозможности быстро завестись, что приведёт к резкому повышению расхода ГСМ и износу матчасти. А слаженная одновременная работа техники, лишенной аккумуляторов, из капониров и складок местности, на которой строится оборонительная тактика танковых засад, вообще становится невозможной.

Сравнимым по масштабу с нехваткой прокладок и аккумуляторов бедствием является отсутствие в подразделениях предохранителей (плавких вставок) соответствующих номиналов для танковых переговорных устройств (далее - ТПУ), радиостанций и их блоков питания. Массовая установка “жучков” вместо предохранителей приводит к выходу из строя аппаратуры связи, абсолютно критичной для боеспособности бронетехники.

Именно отсутствие постоянной устойчивой связи с приданной мотопехотой превращает танки в “беспомощные железные коробки” и “братские могилы для экипажа”. Особенно остро эта проблема стоит в связи с получением противником современных ПТРК “Джавелин” с тандемой БЧ, против которой малоэффективна динамическая защита первого поколения, установленная на имеющихся в НМ Республик танках Т-64 и Т-72 модификаций А, Б и БВ. Фактически, единственным средством борьбы с такого рода противотанковыми средствами противника, являются предельно слаженные совместные действия танков, пехоты, артиллерии и БПЛА, которые должны обеспечивать раннее обнаружение маневренных групп расчётов ПТУР противника (БПЛА), максимальное затруднение их выхода в район назначенного им оборонительного рубежа и развёртывания на нем (артиллерия) и как можно более раннее обнаружение и быстрое уничтожение уже развёрнутых расчётов (мотострелки, двигающиеся впереди танков, - обнаружение, танки - уничтожение).

Текущее состояние средств связи в танковых подразделениях следует охарактеризовать как крайне плачевное как в количественном, так и в качественном отношении. В то время как противник на конкурсной основе (!!!) проводит массовое оснащение своих бронетанковых подразделений средствами закрытой цифровой связи стандарта МОТОВВО, интегрированными в ТПУ танков и БМП, в корпусах народной милиции подобные модификации остаются уделом энтузиастов, имеющих поддержку волонтеров. Единственным батальоном, имеющим полноценную единую интегрированную систему цифровой закрытой связи пехоты и её боевых машин, является 14 БТрО “Призрак” НМ ЛНР. Ни один танковый батальон на данный момент такой системы не имеет и централизованных плановых мероприятий по какому-либо массовому переоснащению строевых машин средствами закрытой связи руководством Корпусов не намечено. Там, где какие-то усилия предпринимаются, они предпринимаются инициативно личным составом и волонтерами.

Танковые подразделения в своей учебной и боевой работе вынуждены пользоваться штатными открытыми средствами связи, радиостанциями Р-123 и Р-173, установленными на танках, и носимыми радиостанциями Р-159. Радиостанции Р-159 как в силу своего наличного числа в войсках и штатных расписаниях, так и в силу своих массогабаритных характеристик, в современных условиях не могут претендовать на роль средства связи “первой линии пехоты” с собственными БМП и приданными танками. (Отдельным образом следует отметить практическую невозможность организации в условиях активных маневренных боевых действий постоянной подзарядки достаточного количества штатных батарей для радиостанций Р-159 – по-прежнему не хватает ни “свежих” батарей, ни зарядных устройств к ним, ни полевых энергосистем, способных обеспечить этот процесс).

Несколько смягчить проблему тактического взаимодействия “брони” и пехоты могла бы поставка в войска менее мощных, но более портативных радиостанций Р-158 отечественного образца, однако в ситуации с ними вопрос “свежих” батарей ещё острее, чем в случае с Р-159.

Другим возможным решением проблемы была бы передача в войска Народной Милиции Республик более современных портативных радиостанций Р-169П1-01

“Гранит”, массово производившихся в последние десятилетия в РФ и унифицированных по аккумуляторам с радиостанциями Kenwood ТК-2107/3107.

Парадоксально и немного дико звучит, но в итоге наибольшие усилия для решения этой первостепенной проблемы боеспособности танков Народной Милиции предприняли не в командовании Корпусов, а в волонтерских организациях. С февраля-марта 2017-го по январь 2019-го сторонники ОД “Новороссия” Игоря Стрелкова с помощью КЦПН передали в танковые и мотострелковые подразделения Республик более 100 единиц выкупленных на интернет-аукционах британских радиостанций комплекса Clansman, работающих в требуемом стандарте связи. Станции данного комплекса модели PRC351/352 при наличии в комплекте 20-ти ватного усилителя превосходят по возможностям Р-159 и оснащены ручным генератором для подзарядки батареи в полевых условиях. А станции моделей PRC 350 и, в особенности, PRC349 значимо компактнее Р-159 с сохранением основного требуемого “первой линии пехоты” функционала. При этом, что крайне важно, питание радиостанции PRC349 (90% поставленных в войска станций) производится от батарейной кассеты на 10 элементов АА, которая может быть снаряжена как многоразовыми аккумуляторами, так и обычными “пальчиковыми” батарейками.

Помимо этого КЦПН на частные пожертвования закупил, отремонтировал, укомплектовал и передал в войска 33 радиостанции марки “Гранит” требуемого стандарта открытой связи, как в портативном (Р-169П1-01 – 29 шт.), так и в базовом (2Р21-М - 4 шт.) варианте.

Многие подразделения сами, на личные средства экипажей и командиров, закупили радиостанции аналогичного частотного диапазона.

Однако, кроме “пехотной” стороны у этой проблемы есть также и сторона “танковая” – помимо того, что экипажи танков, как правило, не могут сами полноценно перенастроить радиостанции Р-123, танки, как правило, не укомплектованы в необходимой степени исправными нагрудными переключателями (тангентами) ТПУ и шлемофонами.

Тангенты ТПУ, являющиеся единственным свободно висющим неметаллическим предметом внутри танка, при массовой подготовке танкистов и, тем более, при ведении боевых действий, фактически, становятся расходным материалом. Кабель нагрудного переключателя постоянно перебивается или люками, не поставленными на стопор, при выходе экипажа из танка или “каруселью” автомата зарядания при погрузке БК. В танках Т-72 разъем ТПУ на блоке БВ34 расположен так, что входящий в машину командир, как правило, задевает его правым ботинком и, со временем, от постоянных ударов разъем разламывается, а колодка разъема выкрашивается. Подготовка командира или наводчика-оператора танка, таким образом, обходится в среднем примерно в две поврежденные “тангенты” на человека до того, как обучаемый член экипажа выработает навык машинально убирать провод тангенты после отключения от ТПУ так, чтобы его случайно не задеть. Казалось бы, мелкая и незначительная с виду для стороннего наблюдателя деталь на самом деле имеет решающее значение – танкист в бою мало что видит сам, ничего непосредственно сам

слышать не может из-за грохота двигателя и вооружения и весь его информационный обмен с другими членами экипажа и с внешним миром происходит через ТПУ. Повреждена тангента, в разъеме или в кабеле, - выключен из полноценной работы член экипажа. Как показала практика ВС РФ, на знакомых полигонах в тепличных спортивных условиях “танкового биатлона” можно даже занимать призовые места, управляя действиями механика-водителя при помощи “вожжей”, однако в реальном бою условия куда сложнее.

Масштаб проблемы дефицита тангент ТПУ таков, что не представляется возможным не только укомплектовать боевые машины танковых батальонов по нормативу, предусматривающему постоянное наличие в ЗИПе танка полного запасного комплекта тангент экипажа, но даже на 100% закрыть потребность в основных комплектах. Аналогичным образом обстоит дело со шлемофонами.

И перебитые тангенты и сломанные шлемофоны как аппаратура, лишенная защитного твердого корпуса и подвергающаяся постоянным нагрузкам, требуют высокой квалификации ремонтного персонала, которая не всегда достижима во взводах связи танковых батальонов и практически не достижима во взводах связи мотострелковых батальонов, и запчастей – разъемов, которые невозможно приобрести на месте в “гражданских” радиомагазинах. Единых же корпусных баз для быстрого централизованного и высококачественного ремонта таких остро необходимых компонентов боевой техники за четыре года войны на местах не создано, несмотря на то, что проблема остро стояла с первых дней организации Народной Милиции. Не создано и баз централизованного ремонта блоков ТПУ, а поставляемые в воинские части блоки ТПУ Р-124 и Р-174 на замену выходящим из строя зачастую оказываются неисправными.

Отношение многих “советников” к вопросам сбережения этого оборудования и общий уровень их опыта и компетенции хорошо иллюстрируется анекдотичным случаем, произошедшим осенью 2016 года в танковом батальоне одной из бригад НМ ДНР. “Советник” потребовал от танкистов оставить шлемофоны в танках, которые планировалось на две недели оставить на полигоне. За эти две недели матерчатые основы шлемофонов и часть проводов были съедены полевыми мышами. “На ровном месте” танковый батальон лишился связи и стал небоеспособен, и убыль шлемофонов потом компенсировалась усилиями экипажей и волонтеров.

Суммой действия всех факторов, действовавших на протяжении четырех лет войны, применительно к танковым подразделениям стала полная противоположность изначальной установке на достижение предсказуемости результатов применения войск. Кадровая “текучка” и вышеописанные проблемы технического состояния танков приводят к тому, что совершенно невозможно заранее предсказать, сколько и какого качества танков и танкистов окажутся по боевому приказу в требуемой точке.

IV-6. Линейные мотострелковые части. Нищие “смертники”.

Мотострелковые подразделения бригад и полков Народной Милиции, а также территориальных батальонов, несущие на себе основную тяжесть боев на линии

соприкосновения, находились и находятся в ужасающем кадровом, материальном и организационном положении.

Вышеописанные общие кадровые проблемы Корпусов Народной Милиции за четыре года войны “не оставили камня на камне” даже от того весьма не блестящего состояния кадров мотострелковых подразделений, с которым Народная Милиция Республик закончила Дебальцевскую операцию. На протяжении этих лет плачевность кадрового положения не находила достаточного отражения в отчётной документации за исключением одного случая уже почти трехлетней давности, когда заместитель по работе с личным составом одного из подразделений в ДНР, исправно выполнив свои обязанности, составил анкету для личного состава, по заполнению которой можно было судить о готовности бойца участвовать в интенсивных боевых действиях. Результатом обработки анкет стал рапорт, поданный руководству, о том, что примерно 65% личного состава подразделения участвовать в интенсивных боевых действиях не готовы, не доверяют своему командованию и т.д. Впоследствии эта цифра, 65%, неоднократно фигурировала в вопросах проверяющих, прибывавших из РФ - “Правда это или нет?” Грамотно проделанная работа, единственная на фоне множества типовых рапортов о полной готовности, создавала впечатление провокации и дезинформации.

За прошедшее с тех пор время ситуация с кадрами и их мотивацией в линейных подразделениях только ухудшалась, местами - критически. Отсутствие активных боевых действий и ситуация, в которой наиболее серьезными и важными задачами, решаемыми войсками, становятся отчетные и демонстрационные мероприятия для приезжающих “комиссий” и “проверяющих”, привело, среди прочего, к укреплению в рядах комсостава кумовства и переквалификации взводных и ротных командиров в “завхозов” и “прорабов”, занятых не ведением боевых действий, а обустройством собственной жизни “при войне”. Уже упоминалось, что за взятку в 1,5-2 или, максимум, 3 месячных размера денежного довольствия приобретаются должности взводных и ротных командиров даже на “горячих” участках фронта. В сложившейся ситуации должность взводного или ротного командира не обязывает к риску для жизни, он может большую часть времени вообще не находиться на позициях, занимаясь, например, вопросами распила на металл заброшенных объектов промышленности и инфраструктуры в зоне своей ответственности. На фоне подобных ситуаций в большом дефиците командиры, которые, цитируя бойцов, “не побегут, когда начнётся”.

Выше уже приводился список денежных отчислений, которые требуются от личного состава, чтобы элементарно обеспечить возможность нормального функционирования подразделений. Помимо вещей, не предусмотренных штатным снабжением, деньги во многих случаях собираются на то, что штатным снабжением предусмотрено, но по тем или иным причинам не выдаётся. Помимо этого подразделения постоянно вынуждены собирать средства на оборудование очередных “показных” объектов (помимо полигонов), и не могут в результате дооборудовать свои передовые позиции, те, на которых они реально ведут бои. Сколько-нибудь вменяемых кандидатов на жизнь в передовых блиндажах за смешные деньги становится всё меньше и меньше, как следствие - военкоматы пропускают людей с судимостями, алкоголиков, которых

просто нечем заменить. Как следствие, передовые траншеи и блиндажи становятся на многих участках линии соприкосновения территорией алкоголизма, фатализма и апатии. Типовой становится ситуация массового ежедневного пьянства личного состава во главе со старшим на позиции командиром. И даже без спиртного исполнение личным составом своих непосредственных обязанностей может быть принесено в жертву просмотру телепрограмм, DVD или сну без выставления необходимого боевого охранения, чем уже не раз пользовались вражеские ДРГ.

В результате чудовищного кадрового голода некоторые точки, обозначенные на карте у высшего командования как “огневые позиции” на самом деле “обороняются” одним бойцом, мирно спящим в блиндаже.

Сознательные младшие командиры, неоднократно наблюдая неадекватных “советников”, прибывших из российской “армии мирного времени”, приезжающих на передовые позиции, задающих бессмысленные вопросы и требующих соблюдения норм, которые не могут быть в текущей ситуации соблюдены, массово сообщают о том, что ненавидят этих “подкидышей” уже значительно больше, чем противника.

Если ещё год-полтора назад можно было говорить о том, что большую часть своего времени комбаты, ротные и взводные командиры линейных мотострелковых частей, занимающих передовые позиции, тратят на борьбу с противником, то в данный момент уже очевидно, что подавляющая часть сил младшего и среднего состава уходит на борьбу с собственными тылами, “войну формата А4”, отписки, “показные мероприятия” и прочую “покраску газонов”.

Типовым форматом “отписки”, например, является оформление и переоформление красочных расписаний боевой подготовки, которые в реальности не просто не соблюдаются, но не могут быть соблюдены по причине невозможности собрать для занятий немногочисленный реально задействованный в боевых действиях личный состав, который или находится на позициях, или в отпуске/увольнении, или занят остро необходимыми работами на территории части и в парках техники (здесь также следует заметить, что в погоне за хоть каким-то укомплектованием воинских частей их командование идёт на компромиссы с новобранцами, “с порога” заявляющими о том, что они готовы нести службу в тылу, но не будут ездить “на передок”. То есть в случае активных боевых действий некоторые службы частей будут просто парализованы самим фактом активных боевых действий, вне зависимости от того, каковы будут их первые итоги).

Суммарная численность боеготового личного состава в полках и бригадах - примерно одна треть. То есть на линии фронта от каждой бригады или полка находится на постоянной основе примерно усиленная рота из личного состава одного из мотострелковых батальонов, сменяющаяся с определенной периодичностью такими же ротами из состава двух других батальонов и дополненная группой разведчиков из разведроты полка/бригады.

Состояние боевых машин пехоты мотострелковых подразделений и уровень снабжения её запчастями и ГСМ в корне подрывает боевую мощь мотострелковых

подразделений, так как БМП, перманентно находящиеся в среднем ремонте, на которые выделяется мизер солярки, мотострелки не могут воспринимать иначе как обузу, хлопотный и бесполезный предмет постоянных расходов. Как основное огневое средство мотострелкового отделения БМП, как правило, не воспринимается.

Мотострелки, собрав из денежного довольствия деньги на ремонт техники, оснащение её аккумуляторами, пригодными к нормальной эксплуатации, и всем потребным инструментом и запчастями, вынуждены охранять свою машину от несознательных бойцов собственного подразделения, готовых украсть что-то с машины у боевых товарищей для продажи ради покупки спиртного. После этого на маневрах, не имея достаточной практики вождения и стрельбы, личный состав получает выговор от приезжего начальства за неправильное выполнение учебных задач, и окончательно убеждается в том, что “от бэхи одни проблемы”, ибо, даже если она находится на позициях, находится она там, как правило, в небоеспособном состоянии из-за демонтированных аккумуляторов, которые нет возможности подзарядить работой двигателя из-за дефицита “экономящейся” на всевозможные хознужды и просто разворовываемой на разных уровнях солярки.

Несоответствие штатных расписаний текущим задачам подразделений в сочетании с дефицитом ЗИПов на крупнокалиберные пулемёты “Утёс” (и самих пулемётов) и выстрелов к автоматическому гранатомёту АГС-17, порождают крайне слабое огневое взаимодействие основной массы разбросанных на больших пространствах передовых пунктов обороны. Временами это удаётся компенсировать крупнокалиберными пулемётами ДШК старого образца и другими внештатными средствами, например СПГ-9, однако чаще всего выход из строя огневых средств по износу или их неполноценная работа никак и ничем не компенсируется.

Огневая подготовка простого стрелка, как правило, слаба, встречаются люди, которые, прослужив несколько лет на не самых спокойных участках фронта, тем не менее, не могут выполнить 1-е Упражнение Учебных Стрельб из автомата даже на оценку “удовлетворительно”.

Постоянный, не “показной” уход за оружием, как правило, или не осуществляется или находится на крайне низком уровне. Те мотострелки, кто вообще занимается регулярной чисткой оружия, делают это, как правило, с помощью отработанного машинного масла или, в лучшем случае, солярки.

Новобранцу, отправляемому на полигон для обучения, сослуживцы доверительно сообщают - “На полигоне тебя ничему не научат, на фронте - научат”. Но, как правило, на фронте боец уже не имеет для этого ни времени, ни сил, ни командира, способного к обучению подчиненных, обладающего какими-либо полезными знаниями. Считанные, единичные подразделения, постоянно находящиеся на передовой, способны перед отправкой на фронт обеспечить бойцу сколько-нибудь полезную подготовку к боевой работе на передовой, аналог армейского КМБ (курса молодого бойца).

Мизерной численности команды смертельно уставших и хронически нищих людей, наблюдающие фронт (“обороной” это назвать нет ни малейшей возможности), большую часть времени, свободного от наблюдения за противником, проводят в решении бытовых проблем - очистке и укреплении окопов после дождей, приготовлении еды, сне и “лечении нервов” с помощью алкоголя.

Жесткие лимиты на расход боеприпасов даже к стрелковому оружию, доходящие временами до пломбирования ящиков с боеприпасами с требованием запрашивать разрешения на вскрытие пломб у командования, приводят к тому, что личный состав вынужден дополнительно нести расходы на приобретение боеприпасов на “черном рынке”, чтобы иметь возможность, в случае обострения ситуации, дожить до получения разрешения на вскрытие пломб.

Состояние средств связи мотострелковых частей, несущих службу на передовой, будет подробно рассмотрено в разделе IV-13. Что же касается оснащения мотострелковых подразделений оптикой, в том числе ночной, то оно целиком и полностью производится за счет личных средств бойцов и командиров, а также волонтерскими организациями. Подавляющее количество находящихся в войсках прицелов и приборов ночного видения советского производства требует ремонта и/или не имеет годных штатных аккумуляторных батарей и зарядных устройств. Единственными формами профилактики ночных нападений вражеских ДРГ на наши посты являются, таким образом, беспокоящий огонь из стрелкового оружия по прилегающим к позициям полям и посадкам и хаотичное минирование пехотой подступов к собственным позициям, зачастую с такими нарушениями техники безопасности, что установленные мины куда опаснее для тех, кто находится на позициях, чем для вражеских ДРГ.

Слабая суммарная эффективность наших снайперов(причины которой будут подробно рассмотрены в разделе IV-9) на фоне постоянной плотной и эффективной работы снайперов противника в сочетании с отсутствием системных контрснайперских мероприятий приводит к тому, что бойцы, находясь на передовой под постоянным прессингом меткого вражеского огня, несут неоправданно высокие потери.

В среднем “позиционная война” эпохи бесконечно сменяющих друг друга фиктивных “перемирий” обходится Республикам в одного убитого или тяжело раненого, не способного вернуться в строй, каждый день или даже больше. Каждый год Республики теряют минимум батальон полного состава. Основные причины смертей - снайперский огонь противника, огонь вражеских пулемётов, гранатомётов и 82-мм и 120-мм миномётов, подрывы на минах, в том числе и в основном - собственных.

В довершение всего этого снижение качества кадров мотострелковых частей и уровня их мотивации и рост количества алкоголиков и асоциальных элементов среди личного состава приводят к ситуации, когда снабжение значимой части мотострелковых частей ценными средствами связи и оптическими приборами за счет волонтерских организаций не имеет смысла. Если ценная техника выдаётся “снизу”, без фиксации в документах части, она присваивается несознательными бойцами, продаётся, обменивается. Если же ценное оборудование выдаётся в часть “сверху”, через

командование, то очень часто оно или вообще не доходит до передовой, или, будучи зафиксированным в документации части, становится “материальной ценностью, выдаваемой под роспись”. В результате чего даже сознательный командир, которому жизненно необходим для полноценного выполнения его боевых задач современный ПНВ, не будет брать его в соответствующей службе своей части “под роспись”, так как будет бояться, что его несознательные бойцы сломают или потеряют его, или изобразят потерю, чтобы продать на “барахолке”.

В результате снабжение фронтовых подразделений волонтерскими организациями ограничено только теми частями, использование техники в которых для волонтерских организаций является достаточно прозрачным и контролируемым процессом. Подобного рода “прозрачность” очевидно достигается за счёт того, что кто-то из волонтеров или сам служил в частях Народной Милиции, или имеет достаточно старых, проверенных друзей в данных частях, которые не допустят разбазаривания и бездарной утраты доставшихся им приборов и техники. Описанный в начале нашего доклада общий рисунок антропоток, “вымывающих” мотивированных людей и ветеранов из частей Народной Милиции, касается и этих друзей тоже, что, в свою очередь, даже без снижения общей мощности волонтерских фондов, сужает круг подразделений, снабжаемых волонтерами.

Параллельно с вышеописанными фронтовыми реалиями нищих измотанных разуверившихся во всем людей, среди пьянства, наркомании и “распила на металл” прифронтовых промзон хоть как-то держащих фронт силой своего “упорства обреченных”, существует и совершенно отдельный от них мир штабов этих же самых мотострелковых бригад и полков, где у офицеров двухчасовой обеденный перерыв, все одеты “по пикселю”, и уже в пятницу после обеда трудно найти офицеров на рабочем месте. Устроившись “при войне” оборотистыми завхозами и прорабами, называя “службу” “работой”, многие люди, составляющие бравурные отчеты о боеготовности и укомплектованности, даже не пытаются представить свои действия в случае реального масштабного обострения боевых действий, целиком полагаясь на “Северный ветер”.

IV-7. Артиллерия. Сумерки “Богов войны”.

Наиболее вопиющим показателем того, насколько мощное отрицательное влияние на кадровый состав Народной Милиции имеет текущая динамика проходящих через нее антропоток, являются результаты простейших проверок, проводимых офицерами-энтузиастами в артиллерийских подразделениях и их группах артрразведки. В ходе подобного рода проверок с завидной регулярностью выясняется, что личный состав, в обязанности которого в ходе ведения боевых действий входит быстрое, практически автоматическое, решение обратной геодезической задачи для получения дальности от точки стояния до цели и дирекционного угла, не может этого сделать самостоятельно даже в “тепличных” условиях. То есть, фактически, основная масса артиллеристов и артрразведчиков совершенно непригодна к полноценной боевой работе.

Получившие широкое распространение компьютерные программы типа “Блокнот артиллериста” не способны компенсировать эту непригодность, так как программы, ускоряя и автоматизируя вычисления, требуют осознанного ввода данных и полноценного осмысления полученных результатов. Боевая подготовка артиллеристов настоящим образом ведётся только там, где в силу каких-то причин остались группы энтузиастов, мотивированных людей, стремящихся как можно лучше подготовиться к будущим масштабным боевым действиям. Особенно эффективна эта подготовка там, где артиллерия уже имеет постоянное боевое применение в ходе принуждения противника к соблюдению Минских соглашений.

В подразделениях, не сталкивающихся с регулярной необходимостью полноценного эффективного применения артиллерии в реальных сложных боевых условиях, все системные усилия по боевой подготовке артиллерии носят демонстративно-показной характер. “Выучка”, демонстрируемая расчётами “циркачей”(показными командами) на давно изученных полигонах с хорошо известными целями для стрельбы, моментально исчезает, как только ставится настоящая задача, с неизвестными заранее вводными. В результате этого, например, гаубичный расчёт, многократно отработывавший на “отлично” показательные стрельбы, получив во вводной вместо привычного обычного места развёртывания новые координаты банально не сумел сориентироваться на местности и найти указанную точку. Описания подобного рода казусов с артиллерийскими подразделениями выглядит злонамеренной дезинформацией и клеветой на артиллеристов, для которых грамотная работа с картой и расчёты - главный ключ к успешному поражению целей. Но “блуждание” целых мотострелковых и танковых колонн во время учений является досадной “нормой жизни”.

Даже бойцы батарей 120-мм миномётов, основного оружия поддержки пехоты, огонь которого чаще всего используется при обострениях для принуждения противника к соблюдению Минских соглашений, временами демонстрируют потрясающее легкомыслие и чудовищно низкие мотивацию и ответственность. Так, например, достаточно массово отмечаются случаи демонтажа с миномётов предохранителей от повторного заряжания под предлогом того, что они при стрельбе требуют регулярной чистки, при отсутствии которой стрельба становится проблематичной. На части миномётов в принципе отсутствуют оптические прицелы, хотя их повсеместного наличия требуют сложившиеся условия боевого применения.

Говоря об этих условиях как применительно к миномётам, так и к работе артиллерии вообще, мы, в первую очередь, имеем в виду следующее. Противник, обладая артиллерией сопоставимой или даже превосходящей нашу мощности, постоянно применяет БПЛА как для разведки целей, так и для контрбатарейной борьбы, имеет агентуру, сообщающую ему в режиме реального времени о маршрутах движения колонн. Это требует применения артиллерии, основанного на оперативном обнаружении целей, доступных огню артиллерии, скрытном и быстром синхронном развёртывании одновременно нескольких батарей или даже отдельных огневых взводов артдивизиона в разных местах и их быстрой синхронной работе, корректируемой наблюдателями с передовых позиций или с БПЛА. Для того, чтобы обеспечить подобного рода эффективную тактику боевого применения, артиллеристам

требуется не только значительно большее, нежели штатное, количество артиллерийских буссолей(ПАБ-2М) или лазерных приборов разведки (ЛПР) для передовых наблюдателей, но и оперативно работающие в интересах корректировки их огня БПЛА большого радиуса действия, а также общая для командования, огневых позиций и наблюдательных постов достаточно гибкая и мобильная система закрытой радиосвязи, позволяющая корректировать огонь и управлять выдвижением и развертыванием/свертыванием огневых взводов и батарей.

Такого рода системы связи и БПЛА, работающие хотя бы в масштабе дивизиона, как правило, не только дороги и практически недоступны для самостоятельной закупки подразделениями, несущими из без того большое бремя расходов для обеспечения своей боевой работы, но и не могут быть полноценно развернуты в первую очередь по кадровым причинам. Кадровый дефицит, дефицит полноценно подготовленных специалистов по связи и БПЛА в войсках чудовищен и выправление его потребует времени и огромных системных усилий. В данный момент частные отклонения от общего печального фона ситуации - плод напряженных усилий групп энтузиастов, поддерживаемых волонтерскими организациями.

В то же время уровень работы артиллерии противника в сочетании с насыщенностью войск противника БПЛА достиг к настоящему моменту весьма высокой планки. Противник уже несколько раз продемонстрировал, что, за счет дорогостоящей оптики (например, тепловизионной), установленной на БПЛА, способен обнаруживать орудия и бронетехнику в условиях плохой видимости, ночной темноты или тумана, и корректировать огонь, успешно поражая со второго выстрела цели, никак не проявившие себя на огневой позиции. Так постепенно складываются условия полного технического превосходства противника,, серьезно усложняющие применение нашей артиллерии.

Оперативность применения противником корректируемого огня артиллерии в "горячих точках" линии соприкосновения также достигнута впечатляющая. Через 5-7 минут после начала стрелкового боя над местом боестолкновения появляется беспилотный аппарат, готовый корректировать огонь вражеских орудий и минометов. В сочетании с тем, что бригады противника располагают самоходными 152-мм САУ "Акация", в то время как гаубичные самоходные дивизионы наших бригад вооружены менее дальнбойными 122-мм САУ "Гвоздика"(у нас 152-мм орудия находятся только в артбригадах, напрямую подчиненных Корпусам), такая оперативная корректировка огня может постепенно превратить "артиллерийские дуэли" в одностороннее безнаказанное избиение.

В этих условиях прибытие из РФ неквалифицированных "артиллеристов", требующих от "местных" работы по стандартам мирного времени (вплоть до отсыпки гравием дорожек к показным огневым позициям на полигонах), деморализует личный состав, значимая часть которого уже на своем личном опыте могла убедиться в том, насколько высок уровень подготовки противника, который 4 года последовательно и, главное, системно работает над повышением качества работы своей артиллерии.

IV-8. Сапёры. “Сапёры не должны быть умными, сапёров должно быть много”.

Четвертый год позиционной войны, предъявляющей повышенные требования к инженерно-саперной подготовке войск, Корпуса Народной Милиции заканчивают большими успехами в реализации принципа, вынесенного в заголовок этого раздела. Подготовленных сапёров мало, необходимого оборудования - тоже. За прошедшее время полноценной школы столь необходимых кадров в инженерно-саперном деле, как и во многих других сферах боевой работы Корпусов, создано не было.

Кроме непосредственно кадрового вопроса, описанного в начале доклада, оказывающего на инженерно-саперные подразделения такое же влияние, как и на все прочие, инженерно-саперные подразделения имеют примерно одинаковые типовые проблемы, наиболее острой из которых является организация связи и взаимодействия при работе саперов на передовой.

Специфика работы саперов в условиях текущей позиционной войны такова, что сам факт активности саперов, снайперов или разведчиков на каком-либо участке фронта должен оставаться в тайне от противника, что не может быть обеспечено в ситуации, когда для работы сапёров и для организации взаимодействия с ними пехотных подразделений используется открытая радиосвязь. Собственно, штатных средств радиосвязи, способных обеспечить работу сапёров в сапёрных ротах бригад не предусмотрено - только радиостанции открытой связи Р-159, не подходящие для таких задач ещё и по массо-габаритным характеристикам. Средства связи более отвечающие боевым задачам, портативные радиостанции, приобретаются бойцами за свой счет и за счет волонтерских организаций, однако крайне редко есть возможность оснастить низовые подразделения (роты, взвода), в том числе саперные, радиостанциями закрытой связи в необходимом количестве.

Другим важным ограничивающим фактором является отсутствие в большинстве саперных подразделений специалистов, способных обеспечить постоянную эксплуатацию собственного радиооборудования закрытой связи. Штатных связистов в саперных ротах и взводах нет, подготовка внештатных затруднена. В результате работа сапёров, как правило, обеспечивается работой их радиостанций открытой связи, 5-ваттных Baofeng UV-5R, в радиосетях открытой связи пехотных подразделений со всеми вытекающими последствиями, демаскирующими работу сапёров. Или, как вариант, радиосвязь не ведётся, вследствие чего нарушается взаимодействие и повышается риск гибели сапёров, в том числе от “дружественного огня” огневых средств пехотных подразделений. (Другим дорогостоящим оборудованием, не предусмотренным штатно, но остро требующимся в саперных подразделениях, как и во всех остальных частях, постоянно работающих на передовой, являются приборы ночного видения (ПНВ), но и в этом случае все активнее вступает в свои права кадровое ограничение - в войсках осталось крайне мало людей, способных грамотно эксплуатировать такую технику.)

К концу четвертого года позиционной войны не решена проблема оснащения инженерно-сапёрных подразделений даже штатным количеством современных миноискателей военного образца. Ситуация, когда долгое время на вооружение

реально действующих саперных подразделений пытались выдавать устаревшие миноискатели, привела к тому, что наиболее адекватные выжившие и оставшиеся на службе сапёры приобретают металлоискатели гражданского образца сами, на свои средства.

На результатах применения МВЗ Народной милиции отрицательно сказываются также и нехватка полевого кабеля для использования в МВЗ, и выгорание минных полей во время летних пожаров, не восполняемое своевременно из запасов. Точные карты собственных минных полей являются достоянием крайне малого числа подразделений. Частично они не могут быть верно составлены в силу весьма примерных указаний о месте их установки теми, кто ставил их непосредственно на местности. Частично люди просто не хотят давать реальную информацию о своих МВЗ наверх, опасаясь того, что она “уйдёт” к противнику, частично подразделения низового уровня выставляют одиночные МВЗ штатного образца или “растяжки” вокруг своих позиций и просто не считают нужным кого-то об этом информировать.

IV-9. Снайпера. За фасадом бравурных телерепортажей.

Вопросы организации снайперской работы, критичной для успеха позиционной войны, в подразделениях Народной Милиции Республик, к сожалению, также находятся на уровне, мало отличающемся от весны 2015 года. За четыре года войны единственным системным фактором, влияющим на работу снайперов, была кадровая “текучка”, сказавшаяся на этих подразделениях также болезненно, как и на всех прочих, если не более, так как подготовка снайпера на замену уходящему со службы занимает значительно больше времени, нежели по другим военным специальностям и требует спецотбора.

Другим системным фактором, ограничивающим возможности систематической снайперской работы, являются штатные расписания, подразумевающие наличие в полках и бригадах всего лишь снайперских взводов. В результате, учитывая то, что в территориальных батальонах снайперские подразделения штатно вообще не предусмотрены, одновременно на передовой, закрепленной за полком/бригадой, может находиться не более отделения снайперов (остальные – в увольнениях, в ППД/ПВД на учебе и в нарядах/караулах). Для полноценной постоянной систематической работы, в том числе антиснайперской, этого явно недостаточно.

Механическим увеличением количества штатных единиц эта проблема решена быть не может. При увеличении штатов до роты на бригаду (те стандарты, к которым стремится противник) неизбежно встанет вопрос массовой подготовки квалифицированных кадров в специализированных учебных центрах, которые в данный момент отсутствуют, а должны быть сформированы до увеличения штатов снайперов.

В текущей же ситуации даже малочисленные имеющиеся штатные снайпера сталкиваются с множеством проблем в своей работе, часть из которых возможно решить с привлечением личных или волонтерских средств, однако две очень острые

проблемы решить таким образом нельзя – отсутствие в войсках дальнобойных винтовок, серьезно превосходящих по огневым возможностям нынешние штатные СВД, и отсутствие снайперских патронов к имеющимся винтовкам СВД.

Попытки применять в боевых действиях противотанковые ружья ПТРС и ПТРД калибра 14,5-мм, а также винтовки кустарной сборки “Дончанка” на базе 12,7-мм стволов пулемётов НСВ “Утёс” показали, что все три образца могут эффективно применяться как средства поражения легкобронированной техники, автомобилей и слабо укрепленных огневых точек, однако в качестве снайперских или антиснайперских винтовок они применены быть не могут, так как не достигают необходимых значений кучности на требуемых дальностях. Дальнобойных снайперских винтовок войска не получают, в то время как противник проводит широкую кампанию по оснащению своих войск дальнобойными винтовками, начиная с модернизаций винтовки Мосина 1891/30 и заканчивая самыми современными снайперскими комплексами.

Компенсировать отсутствие специальных снайперских патронов 7,62x54R, снабжение которыми снайперов удалось наладить только в 9-м опмп НМ ДНР, снайпера могут только переснаряжением обычных патронов, приобретая для этого соответствующее оборудование за свой счёт. Централизованного промышленного изготовления или хотя бы массового кустарного переснаряжения снайперских патронов в Республиках нет.

Аналогичным образом снайперам приходится полагаться на свои средства и на средства волонтерских организаций при приобретении наборов маскхалатов под все времена года, дальномеров, метеостанций, оптических прицелов необходимого уровня. Портативные средства закрытой радиосвязи штатно в снайперских подразделениях не предусмотрены и также приобретаются частным порядком на свои средства или средства волонтерских организаций.

В совокупности все вышеизложенные факторы к концу 2018 года создали следующую ситуацию. Непрерывная плотная работа снайперов противника стала одним из ключевых факторов, определяющих печальную ситуацию на передовой. Молодые неопытные бойцы постоянно гибнут и получают тяжелые ранения от снайперского огня, на остальных эти потери и постоянный точный огонь вражеских снайперов вообще, производят угнетающее воздействие и сковывают боевую активность.

Помимо этого отсутствие перископических приборов наблюдения или малочисленность их, там, где они есть, резко сокращает эффективный обзор с боевых позиций, что дает противнику возможность эффективно производить на передовой все виды необходимых работ и занимать новые позиции в “серой зоне”.

С нашей стороны взвода снайперов полков и бригад не располагают ресурсами для ведения постоянной активной антиснайперской работы, отдельные энтузиасты снайперской стрельбы из разведподразделений – тем более. Практически единственным подразделением, пытающимся, с широким привлечением волонтерских ресурсов, вывести работу снайперов на системный уровень и наладившим массовое изготовление примитивных но эффективных перископических

приборов наблюдения, является 9-й полк морской пехоты НМ ДНР. Причину подобного подхода мы уже указывали – полком “от местных” командует военный специалист-доброволец с большим опытом, в прошлом – снайпер подразделений СпН, который прекрасно понимает роль снайперов в позиционной войне. То есть в основе этих успехов лежит, опять же, не системный а личностный фактор.

IV-10. “Республика спецназов”. Разведка и части специального назначения в ДНР и ЛНР.

Введенный в оборот ополченцем-горловчанином Алексеем Петровым (творческий псевдоним - “Изя Кацман”) термин “Республика спецназов” долгое время очень точно отражал состояние военных усилий в ДНР. В республике, помимо, Корпуса Народной Милиции, существовали спецназ МЧС, спецназ Минтранса, спецназ Министерства доходов и сборов, Полк специального назначения Главы Республики, Республиканская гвардия и, конечно, собственные подразделения СпН и разведки во внутренних войсках МВД и подразделения СпН в структуре МГБ. Все эти спецназы имели закрепленные за ними позиции на ЛБС, участвовали в боевых действиях, однако по факту являлись не столько именно частями спецназначения, сколько попытками, разной степени успешности, различных ведомств создать хоть сколько-нибудь вменяемые подразделения на фоне тягостной картины реальной боеспособности основной массы мотострелковых подразделений Корпусов. Оснащение этих частей СпН также шло большей частью за свой счёт, боеприпасы и оружие иногда просто покупались на черном рынке. Обучение - в меру опыта и служебного рвения офицеров на местах.

В определенный момент в качестве якобы наиболее адекватного боевым задачам этих подразделений термина стало вводиться определение “разведывательно-штурмовой батальон”(РШБ) и наиболее известным РШБ ДНР стал “Батальон Прилепина”, хотя, даже при наличии закрепленных за ним боевых позиций на ЛБС, на которых стояли подразделения батальона, занимался батальон в основном охраной “правительственного квартала”.

На практике термин “разведывательно-штурмовые” расшифровывается как “люди, которых можно послать в разведку или на штурм и они, хотя бы, сразу от этого не откажутся”. То есть это, фактически, просто хоть сколько-нибудь боеспособные части, пригодные к реальному интенсивному боевому применению. Увы, нет никаких признаков того, что в ближайшем будущем куда-то уйдут реалии “разведывательных” и “штурмовых” операций периода Дебальцевской операции, когда разведывательные подразделения бригад оказывались едва ли не единственной более-менее стабильно работающей пехотой, которая в погоне за темпом наступательной операции бросалась на штурм неразведанных позиций противника вместо того, чтобы провести их полноценную разведку с последующим подавлением. Подобное вырывание себе глаз и швыряние их в противника в начале драки в надежде на то, что противник этим впечатлится и отступит, никакого впечатления на врага не произвело.

В случае резкого обострения интенсивности боевых действий разведка, как в виде отдельных батальонов, так и в виде рот и взводов мотострелковых частей, будет, как и

в 2015-м году, “каждой бочке затычка”, ибо во многих бригадах, полках и батальонах только разведка является пехотой, достаточно боеспособной для участия в полноценных ожесточенных общевойсковых боях. При этом возможности использования разведки в роли именно разведки крайне ограничены не только общими проблемами кадровой текучки “корпусов”, но и крайне слабым оснащением разведывательных подразделений оптикой и электроникой, необходимыми для ведения разведки в современных условиях. Отсутствие необходимой оптики, в том числе ночной, носимых портативных БПЛА и средств закрытой связи в случае с разведкой оказывает куда более серьезное отрицательное влияние на соотношение потерь и выполненных задач. Получается, что, с одной стороны, разведка является более мотивированной пехотой, но при этом во многих случаях, выполняя свои задачи, потери несет гораздо большие в процентном соотношении, чем мотострелковые части, занимающие позиции на ЛБС и выполняющие более простые задачи. В итоге в первую очередь “выбивается” опытный и мотивированный личный состав, который мог бы освоить и полноценно эксплуатировать сложную технику. А полноценно обучать разведподразделения, для восстановления их кадрового потенциала, в условиях вышеописанного состояния постоянного чудовищного кадрового голода в войсках Народной Милиции Республик и сейчас представляется крайне затруднительным. Всё это вместе не обещает изменения ситуации к лучшему.

IV-11. БПЛА. Бесчеловечная авиация.

Несмотря на наличие в корпусах НМ службы БЛА, т.е. роты БЛА в корпусе и взводов БЛА в бригадах и полках, укомплектованных материальной частью российского производства (комплексы “Леер”, “Орлан”, “Тахион”, “Элерон”), успехи Народной милиции в этой области более чем скромны, если брать их в соотношении с затраченными ресурсами (а потерянных по разным причинам во время боевых вылетов БЛА только серийного российского производства на данный момент зарегистрировано более сотни).

Агентура противника, внедренная в комсостав корпусов НМ, еще более года назад сумела разместить на компьютере начальника разведки 2 АК НМ ЛНР специализированное программное обеспечение, предоставившее противнику возможность практически в режиме реального времени знакомиться с текущей документацией разведки 2 АК, в том числе и касающейся работы роты БЛА 2-го АК. Часть этой информации, включая фотографии российских БЛА на “показе”, проходившем на территории комплекса “Транспеле” в Луганске, была выложена в открытый доступ.

Помимо общей проблемы насыщенности корпусов вражеской агентурой, ключевыми проблемами применения БЛА в корпусах НМ были, есть и будут проблемы кадровые и структурные, в сочетании усугубляющие эффект друг друга.

Подготовка пилотов и операторов для комплексов БЛА в местных условиях - нетривиальная задача, дополнительно осложняемая общей ситуацией с кадрами в корпусах НМ. Среди оставшихся на Донбассе молодых людей, готовых поддержать борьбу Республик против киевского нацистского режима, лишь немногие по уровню

общего и специального образования были способны успешно пройти подготовку и стать пилотом или оператором БПЛА, а на пятый год войны таких остались буквально единицы. Они, как правило, со временем или попадают в роты БЛА, или, в силу вышеописанных причин “кадровой текучки” в корпусах НМ (бесцельная “уставщина”, денежные сборы с зарплат, нецелевое использование подготовленных кадров), разочаровываются в службе, покидают ряды Народной Милиции и находят себе достойный заработок в РФ, способный обеспечить их семьи.

Взвода БЛА полков и бригад большую часть времени своего существования заняты непрофильными задачами, так как, в силу малой практики и низкой квалификации, быстро ломают или полностью утрачивают имеющиеся БЛА. Полноценный ремонт сломанных штатных военных российских БЛА, проходящих по отчётности, возможен только в РФ, и, с учётом обслуживания и ремонта ЛА, возвращаемых из Сирии, он растягивается до сроков, подразумевающих практически полную смену личного состава взводов, то есть вернувшиеся из ремонта ЛА будут немедленно сломаны снова новыми неопытными операторами, и взвода снова окажутся в наряде, на разгрузке БК и т.д. В итоге наиболее постоянным составом взводов становятся люди, которым интересно исключительно получение денежного довольствия.

В тех взводах БЛА, где складывается хоть сколько-нибудь жизнеспособный кадровый костяк, нацеленный на эффективную работу, постоянную небоеспособность основной массы штатных БЛА компенсируют работой коммерческих БЛА, доступных в свободной продаже и закупленных на частные пожертвования и собственное денежное довольствие. Чаще всего – квадрокоптерами DJI Phantom. Даже эти машины, при всей ограниченности их возможностей, в итоге приносят на уровне бригада-батальон значительно больше практической пользы, чем штатные средства. И даже при сравнительно малой ремонтпригодности DJI Phantom в целом, их ремонт, включая заказ запчастей из Китая, всё равно занимает *на порядок* меньше времени, чем возвращение в строй поврежденных штатных БЛА или получение новых вместо утраченных. (В ситуациях повреждений корпусов штатных БЛА они, как правило, восстанавливаются личным составом, однако выход из строя элементов бортового радиоэлектронного оборудования (БРЭО) или моторов личный состав далеко не всегда может восполнить заказом в Китае требуемых элементов БРЭО, закупаемых там отечественными оборонными предприятиями для своих изделий.)

Корпусные роты БЛА, в свою очередь, за счёт более высокого уровня кадров теряющие в ходе вылетов меньше ЛА и сохраняющие некоторый постоянный рабочий парк ЛА, дают разведданные командованию корпусов, и в бригадах эти данные оказываются, если вообще оказываются, как правило с полностью обесценивающим их опозданием. Таким образом, в условиях, когда разведка средствами БЛА является основной формой эффективной разведки, бригады полуслепы, а батальоны слепы полностью. Что, учитывая количество войск, уже сконцентрированных противником по фронту, обеспечивает врагу полную тактическую внезапность в случае массированного нападения. Те минимальные передвижения, которые противник будет вынужден предпринять перед атакой, просто не будут своевременно обнаружены.

Практически все стрелковые и мотострелковые батальоны корпусов НМ вынуждены такой ситуацией к постоянным попыткам приобрести на свои средства и использовать для тактической авиаразведки хотя бы квадрокоптеры DJI Phantom или Mavic Pro. Подобные попытки, чаще всего, сталкиваются с дороговизной оборудования требуемого уровня, и с нехваткой кадров. Наиболее распространённым итогом такой попытки является выкупленный в РФ б/у квадрокоптер, не отвечающий требованиям фронта в силу заниженной ценовой планки, доставленный в батальон уже после увольнения из него человека, который мог бы его полноценно эксплуатировать и лежащий на хранении у командира батальона с формулировкой “Я вам его не дам, ломаете”.

По существу в наличии именно “бесчеловечная авиация”. У неё нет самого главного компонента для успешной боевой работы - массы хорошо подготовленных кадров, которым было бы интересно то, что они делают и системы подготовки таких кадров.

Что касается усилий противника в области применения БЛА, то следует заметить, что украинскими волонтерами и военными за четыре года войны достигнуты объем и уровень применения БЛА, недоступные корпусам Народной Милиции. Опираясь на бюджетное и частное финансирование, а также на помощь своих “западных коллег” противник к осени 2018 года развернул массированное применение БЛА самых разных типов при решении самых различных задач.

По оценке участников воздушной войны с нашей стороны, ВСУ держат **одновременно** в воздухе столько аппаратов, сколько их в принципе есть в Корпусах по штату, включая временные неисправные и утраченные (соизмеримых по классу и возможностям, разумеется). Как уже было сказано выше, через 5-7 минут после начала любого крупного боя в воздухе появляется аппарат-корректировщик противника и работа вражеской артиллерии резко упрощается.

Противником, помимо БЛА самолетного типа широко используются как малые квадрокоптеры DJI Phantom и Mavic Pro, для тактической разведки, так и более крупные аналоги, в том числе ударные. Заметный психологический эффект от применения противником ударных БЛА достигается за счёт вышеописанных проблем с оборудованием позиций войск Народной милиции (окопы и укрытия зачастую полноценно не отрыты, маскировочных сетей нет).

БЛА самолетного типа различных аэродинамических схем и конструкций применяются противником в интересах разведки, корректировки огня и РЭБ. Исследование сбитых и упавших БЛА самолётного типа, подтвердило имевшиеся предположения относительно наличия на них средств оптического наблюдения ночью и в сложных метеоусловиях, тепловизионных камер FLIR Vue Pro, дорогостоящей аппаратуры, представляющей, по своим возможностям, собой практический “потолок” доступного гражданскому покупателю на мировом рынке. БЛА с этими камерами интегрированы противником в систему управления войсками, что позволяет ему даже в условиях плохой видимости оперативно и успешно поражать артиллерией технику НМ, расположенную на расстоянии 5 и более километров за линией фронта.

Помимо этого БЛА противника также успешно применяются в интересах РЭБ - радиоперехвата, пеленгации, подавления радиосредств и радиоканалов управления БЛА народной милиции. Таким образом, противник, в случае активизации боевых действий, сможет не только сам получать оперативную и точную информацию, без задержки формируя на её основании задачи по огневому поражению для своей артиллерии и, возможно, авиации, но и будет иметь возможность блокировать получение такой информации командирами Народной Милиции даже в тех скудных рамках, в которых это происходит сейчас.

Помимо самодельных ударных квадрокоптеров “кустарного” производства, сбрасывающих самодельные неуправляемые БЧ из 82-мм миномётных мин, выстрелов от АГС-17 или кумулятивных БЧ от РПГ, противник с 2017 года начал закупки польских барражирующих боеприпасов Warmate. Существуют и собственные украинские разработки аналогичных по задачам конструкций, например у компании СпецТехноЭкспорт, обеспечивающие поражение боеприпасами массой до 3 кг передовых опорных пунктов, военной техники или ПВД/штабов в ближнем тылу. А в марте 2019 появились данные о получении Украиной ударных БПЛА Bayraktar TB2 турецкого производства.

Соответственно, в случае перехода противника в наступление он сможет на направлениях главных ударов обеспечить себе подавляющее превосходство ещё и в этой области.

IV-12. Военная медицина. Жгут и ИПП, которыми никто не умеет пользоваться.

Проблемы военной медицины в войне на Донбассе были всесторонне описаны ещё несколько лет назад Юрием Юрьевичем Евичем, встретившим Дебальцевскую операцию на посту начальника медслужбы 3-й омсбр НМ ДНР, в его книге “В окопах Донбасса” и других публикациях.

Увы, с тех пор значимых изменений ситуации в лучшую сторону непосредственно в войсках не происходило. Вернулись к относительно нормальной работе тыловые медучреждения, помимо “гражданских” больниц в тылу были развернуты военные госпитали, оснащенные значимой частью необходимого оборудования, однако грамотное оказание медпомощи непосредственно на передовой осталось проблемой чудовищной и постоянно усугубляющейся, в связи с вышеописанной кадровой деградацией войск. Наши потери погибшими в позиционной войне неоправданно высоки в том числе и потому, что подразделения, находящиеся на передовой, не обеспечены всей необходимой “инфраструктурой” первой помощи раненым и их эвакуации, а люди оказанию этой помощи не обучены и, по мере снижения процента мотивированных бойцов и роста апатии и алкоголизма, всё меньше желающих этому обучиться. А возможности их полноценно обучить все больше ограничиваются тем, что их просто невозможно снять с позиций для обучения, так как нечем заменить.

Смешно говорить о необходимости массового оснащения войск современными перевязочными и гемостатическими средствами в ситуации, когда до сих пор с

завидной регулярностью волонтерские организации получают от войск запросы на поставку индивидуальных перевязочных пакетов и жгутов Эсмарха, которые давно должен иметь при себе каждый боец и получать в рамках армейского снабжения. Современными же гемостатиками, жгутами-турникетами и медукладками войска, даже разведывательные подразделения, снабжаются только за счёт собственных средств и волонтерских организаций.

“Советники” разного уровня в этой области ограничивают свою деятельность, в основном, регулярными требованиями к войскам самообеспечиться чем-то из требуемого медицинского оснащения за собственный счёт - пошить специальные медицинские под сумки, укомплектоваться турникетами, укомплектоваться гибкими носилками и т.д. Естественно, за счёт личного состава.

За четыре года войны так и не решен нормально вопрос штатного снабжения войск лекарствами для борьбы с сезонными вспышками заболеваемости гриппом и ОРВИ.

Как уже было описано выше, в разделе IV-3, растянутость войск по фронту, плачевное состояние парка медицинских бронемашин МТ-ЛБ и плохое снабжение их топливом, равно как и плохая организация взаимодействия, препятствуют полноценной организации эвакуации раненых с передовой.

Таким образом, любые частные успехи в реальном медицинском обеспечении войск, как все прочие успехи в рассмотренных выше сферах, являются плодом упорства небольших групп энтузиастов, а не системной работы армейских структур. А заметные успехи в обеспечении тыловой медицинской инфраструктуры полностью уничтожаются проблемами с первой помощью и медицинским транспортом на передовой.

IV-13. Связь и управление. Проблемы управления войсками в случае начала активных маневренных боевых действий.

Этот раздел доклада, посвященный имеющимся в Корпусах Народной Милиции системам связи и управления написан столь подробно не только и столько потому, что один из авторов доклада, Андрей Морозов, служил связистом во время Дебальцевской операции и на протяжении четырех последующих лет старался максимально эффективно решать проблемы связи и управления в войсках уже как волонтер, опираясь на ресурсы КЦПН, ОД “Новороссия” и на помощь множества неравнодушных граждан, поддерживающих борьбу Донбасса с украинским нацизмом. Связь - нерв армии. От скорости сигнала, проходящего по этому нерву и от качества его передачи часто зависит всё. Подразделение, у которого нет постоянной связи с командованием, на поле боя фактически не существует. Если командир не может полноценно управлять своими силами внутри подразделения, оно, подразделение, очень быстро сокращается до того размера, который поддается управлению, наполняя СПАМы подбитой техникой, а госпиталя и морги - ранеными и убитыми. Можно долго рассуждать о соотношении роста, веса, длины рук и технике работы боксеров, выходящих на ринг, но все эти рассуждения не

имеют ничего общего с реальностью, наступающей после гонга, если один из боксеров - эпилептик, падающий на ринг в припадке после пары полученных ударов.

Начать описание проблем организации связи нам придется не только с дежурного утверждения о том, что и здесь “кадры решают всё” и об отсутствии кадровых школ, где производилась бы **массовая** и **полноценная** подготовка специалистов радиосвязи и РЭБ, создание которых предлагали начать и готовы были материально-технически поддержать волонтерские организации ещё во второй половине 2014-го года. Существует ещё один, на первый взгляд, парадоксальный фактор, препятствующий, пусть и не в такой степени как кадровая проблема, созданию полноценных сетей связи, способных обеспечить управление войсками в случае начала массовых активных боевых действий.

В разговорах с участниками Дебальцевской операции относительно организации связи всплывала фраза “Будь у нас хорошая связь и не имей мы возможности игнорировать идиотские приказы сверху, нас бы угробили не частично, а полностью”. И практика организации связи в войсках после Дебальцевской операции, наглядно показавшей местным командирам уровень компетентности основной массы “советников” и их отношение к личному составу, такова, что в некоторых подразделениях командование само не заинтересовано в организации надёжной закрытой радиосвязи, способной работать в условиях полноценной войны, то есть, как правило, связи, организованной на базе внештатных цифровых шифруемых радиостанций. Многих набор из сотового телефона с SIM-картой “Феникса” или “Лугакома”, радиостанции Р-159 и полевого телефона ТА-57 полностью удовлетворяет по причине следующих рассуждений: “Всё равно нас ни учить ни снабжать нормально не будут, но, когда ВСУ атакуют, нас непременно решат кинуть в драку и всех угробить. Зачем предоставлять “подкидышам” такую возможность? По тишине связь есть, и нас за её отсутствие не наказывают. Не будет связи, когда людей отправят воевать, люди просто останутся при исчезновении связи, а потом где смогут - атакуют, где не смогут - отступят. Придёт Россия, всех спасет, все останутся живы”. И обвинить людей в каком-то саботаже или нежелании что-то делать нельзя - собственных средств подразделений на то, чтобы закупить себе закрытую цифровую радиосвязь в необходимых количествах, после всех необходимых ранее описанных трат, просто нет. Более того, в некоторых подразделениях недостаток мотивации рядового состава и, прежде всего, офицеров не позволяет даже создать общие денежные фонды для совместного решения серьезных внештатных задач.

Теперь перейдем от проблем кадровых и психологических к рассмотрению технико-организационных проблем в области организации связи. Опыт Дебальцевской операции показал явную и критическую недостаточность имевшихся проводных средств связи и средств открытой радиосвязи для управления войсками. Однако до сих пор, за 4 года войны, толком не решены ни проблемы с проводными средствами связи, ни проблемы открытой радиосвязи, ни проблема перехода к закрытой радиосвязи в управлении войсками на передовой. Рассмотрим поочередно все проблемные участки и все попытки создания единой системы связи.

1. Штатная проводная связь - полевой кабель, телефоны, коммутаторы.

Как уже указывалось выше, снабжение войск полевым телефонным кабелем, полевыми телефонами и коммутаторами совершенно не соответствует условиям реального боевого применения войск на ЛБС в текущих местных реалиях позиционной войны. Чтобы хоть как-то контролировать ЛБС ротными и взводными опорными пунктами, а также наблюдательными пунктами подразделениям, имеющим крайне растянутые боевые порядки, требуется во много раз больше полевого кабеля и в несколько раз больше полевых телефонов, чем им положено по штату. Механизм своевременного пополнения в нужном объеме запасов полевого кабеля в войсках не отработан за четыре года, так что, уложив свои мизерные запасы в самые критичные фронтовые полевые линии, подразделения связи не могут списывать поврежденный во время обстрелов кабель и не получают взамен него новый. В результате на последних 100-200 метрах линии у передовой траншеи сrostки на кабеле через 1-2 метра.

Хроническая повсеместная нехватка средств проводной связи порождает столь же повсеместное использование на передовой в качестве замены сегментов проводной связи радиосетей портативных и базовых радиостанций гражданского образца в VHF- и UHF-диапазонах. Как следствие, противник, имея подразделения радиоперехвата и пеленгации, имеет возможность следить за активностью наших передовых подразделений, изучить систему связи, позывные и т.д.

2. Штатная открытая связь - радиостанции Р-159, Р-123, Р-173.

С началом систематического комплектования частей Народной Милиции снаряжением военного образца, в том числе военными средствами связи, основными штатными "средствами связи поля боя" стали радиостанции советского образца, с которыми Советская армия прошла Афганскую войну - носимая Р-159 и радиостанции боевых машин Р-123 и Р-173 с общим участком диапазона 30-50 МГц. (На командно-штабных машинах (КШМ) также используются радиостанции Р-111 этого же частотного диапазона. КВ-радиостанции открытой связи Р-130 на КШМ используются крайне мало, так как это направление связи, звено батальон-полк/батальон-бригада, с самого начала старались реализовать средствами закрытой связи, так как уже первые попытки обмена сообщениями, шифруемыми и дешифруемыми вручную, показали, насколько велики будут задержки и искажения передаваемых данных).

Никаких портативных радиостанций данного диапазона штатно не предусмотрено (в мизерных количествах, в том числе в виде трофеев войскам достались более компактные носимые станции Р-158 и Р-148, но, как правило, к ним нет исправных аккумуляторов), в связи с чем сети открытой радиосвязи распадаются на штатные, реализованные в вышеупомянутом стандарте, и внештатные, реализуемые на портативных и базовых радиостанциях гражданского образца в VHF- и UHF-диапазонах.

В ходе позиционной войны в условиях “Минских соглашений”, когда бронетехника задействуется на ЛБС лишь эпизодически, основная работа идёт через радиосети в VHF- и UHF-диапазонах, и проблема взаимодействия с техникой в случае маневренных действий не очевидна. Аналогичным образом на учениях есть возможность осуществлять командование передвижением и огнем техники со стационарных пунктов, из КШМ или с использованием ограниченного количества станций Р-159 в ограниченный период времени (многодневные непрерывные учения на больших пространствах, способные выявить реальное состояние сетей связи уровня батальона и ниже, по понятным причинам не проводятся). Как следствие, не поднимается на высший уровень командования проблема радиосвязи с “бронёй”, с которой регулярно сталкиваются бойцы на передовой во время тех самых “эпизодических” применений бронетехники на ЛБС при отражении попыток противника проводить “разведку боем”.

Ни танк, ни БМП не могут участвовать в бою с одним из членов экипажа, постоянно находящимся в открытом башенном люке для поддержания радиосвязи с пехотой при помощи портативной станции в VHF- и UHF-диапазонах даже если к ней есть ларингофонная гарнитура, позволяющая полноценно передавать речь, не заглушаемую стрельбой и двигателем. Между тем львиную долю эффективности применения танковых и мотострелковых частей в современной войне даёт именно активное взаимодействие пехоты (основных “глаз” в бою) и танков/БМП (основных мобильных средств быстрого поражения защищенных целей на поле боя), реализуемое с использованием радиосвязи. Возможности организации такого рода взаимодействия в случае активных боевых действий только штатными средствами сведутся, таким образом, к попыткам использования Р-159 в качестве высокомобильного средства связи на поле боя. Что, в свою очередь, очень быстро приведет к гибели командиров и связистов (радиостанция громоздкая, антенна и короб радиостанции демаскируют её оператора на большой дальности, привлекая вражеский огонь) и быстрому израсходованию аккумуляторных батарей используемых станций.

Увы, на протяжении 4-х лет даже имеющиеся в войсках станции Р-159 так и не были снабжены необходимым количеством зарядных станций и аккумуляторных батарей, не говоря уже о снабжении войск тем количеством радиостанций Р-159 или более компактных Р-158, которые могли бы обеспечить войскам полноценное взаимодействие на поле боя.

Использование же штатных средств открытой радиосвязи подразделениями САУ, значимая часть которых оснащена станциями Р-123 без возможности переключения передатчика в режим малой мощности, вообще представляется заведомо вредной и потому невозможной. В условиях наличия у противника современных средств радиоперехвата и пеленгации плотная группа 20-ваттных передатчиков, работающих открытой связью в диапазоне 30-50 МГц, будет очень быстро идентифицирована противником как группа выдвигающихся на

огневые позиции САУ, в воздух будут подняты БПЛА и, возможно, противник откроет меткий корректируемый огонь по занявшим позиции САУ ещё до того, как они сами успеют начать работу.

3. Комплексы Р-168.

В разное время в разные подразделения Народной Милиции попадали радиостанции комплекса Р-168, в основном - портативные, переносимые в подсумках-бандольерах. Вся возможную пользу от наличия в войсках этих портативных станций закрытой связи, не выдающих себя большой мощностью передатчика, как правило, уничтожал тот факт, что к станциям или вообще отсутствовал штатный пульт-программатор, или он присутствовал, но на нем был установлен пароль, которого никто не знал, или станции приезжали уже неисправными, или штатные аккумуляторы к ним были с выработанным ресурсом, или не было инструкций по программированию и людей способных найти таковые в Интернете, или несколько из перечисленных причин в разных комбинациях.

4. Комплексы “Арахис”. Первая попытка создания закрытой системы радиосвязи.

Внедрение комплексов закрытой связи “Арахис”, применяющих для закрытия канала работу с ППРЧ (псевдослучайной перестройкой рабочей частоты), стало первой попыткой создания сети закрытой радиосвязи для командования Корпусов. Первым препятствием на пути успешного использования комплекса стали неудачные антенны портативных станций, моментально ломавшиеся в полевых условиях и при небрежном использовании, что, по причине массовой неподготовленности пользователей к работе с радиосредствами, вело к попыткам применения эрзац-антенн и работе с обломанными антеннами. Итогом стал выход из строя множества портативных станций, осложнивший и без того непростую ситуацию с их нехваткой даже для минимального обеспечения всех командиров боевых групп в ходе Дебальцевской операции.

Нехватка базовых станций данного комплекса породила массовое применение комсоставом в качестве эрзац-баз портативных станций с самодельными выносными антеннами. Поскольку портативная станция могла одновременно работать на прием только в одном канале, вся радиосеть в результате сводилась к одному каналу, в котором работали все командиры и штабы всех уровней, все мотострелковые боевые группы, все артиллерийские подразделения. Нормой было 10-15 минутное ожидание самой возможности передать сообщение, после чего приходилось примерно столько же ждать, пока его адресат сможет передать в эфир свой ответ.

Другим важным недостатком, со временем сказывающимся всё сильнее, стало то, что никель-металлгидридные аккумуляторы этих портативных радиостанций, полученных со складов длительного хранения, не обслуживались во время хранения должным образом, и, в результате, к

моменту применения, их и без того невеликая емкость, обеспечивавшаяся сборкой из 6 китайских “пальчиковых” аккумуляторов JIANLIDA выпуска 2006 года, падала до 20-30% от начальной. Для портативных станций, применяемых в качестве базовых это роли не играло - связисты изготавливали блоки питания от 220В бытовой электросети. Однако со временем всё острее вставал вопрос питания портативных станций, используемых “в поле”, в пеших порядках, в основном - разведчиками и арткарректировщиками. Переснаряжение батарей требует не только покупки новых аккумуляторов, но и точечной сварки их в единый блок или пайки в особом температурном режиме, что, в связи с постоянными кадровыми потерями Корпусов, не по плечу всё большему количеству связистов. По состоянию на 2018-й год большая часть батарей портативных станций в корпусах способна обеспечить работу полноценной радиостанции в течение максимум получаса и нет никакой возможности гарантировать полноценное круглосуточное использование закрытой связи в ППРЧ-стандарте в пеших порядках. Готовые блоки для переснаряжения аккумуляторов, уже сваренные воедино из 6 никель-металгидридных аккумуляторных батарей высокого качества, обеспечивающих работу радиостанции в обычном режиме на период до 25 часов, стоят до 2000 рублей за блок, и не всякое подразделение сможет собрать денег ещё и на это после всех вышеописанных трат на ведение войны, финансируемых из зарплат солдат и командиров.

К 2018-му году, несмотря на все усилия малочисленных энтузиастов по ремонту станций, изготовлению антенн, блоков питания и по переснаряжению аккумуляторов, наши войска в маневренных боях ждёт постоянное отсутствие у разведки и арткарректировщиков, а также у передовых отрядов танковых и мотострелковых частей закрытой связи с командованием. Дополнительным фактором, ухудшающим ситуацию, явится невозможность, например, обосновать покупку стандартных компьютерных источников бесперебойного питания (ИБП) для сохранения питания зарядных устройств к аккумуляторам, так как устройства рассчитаны на автоматизированный цикл разряд-заряд и при прерывании электропитания начинают разряжать батарею, которую только что заряжали, чтобы, после полного разряда, начать заново заряжать. Соответственно, при частых разрывах питания, свойственных работе генераторов “в поле”, батареи не будут заряжены никогда - дозарядить батарею после прерывания цикла нельзя, автоматика зарядного устройства может только разрядить её и зарядить снова. А обосновать покупку ИБП невозможно, так как эти ИБП не требуются ни для повседневной службы, ни для одно-двухдневных учений, на которых, как правило, военным постоянно доступна исправная электросеть ближайшего тылового населенного пункта.

5. Комплексы “Азарт”. Вторая попытка создания закрытой системы радиосвязи в Корпусах.

В 2016-м году была предпринята повторная попытка создать в Корпусах Народной Милиции единую радиосеть закрытой связи. В войска начали поставляться портативные радиостанции Р-187П1 “Азарт-П”, способные

работать как в стандарте закрытой военной связи с ППРЧ, так и в гражданском стандарте цифровой связи TETRA, и в обычных аналоговых радиосетях UHF, VHF и Lowband-VHF(30-50 МГц).

Если “Арахисы” окончательно перестали быть тайной для противника после начала Дебальцевской операции, когда в первый же день такая радиостанция была захвачена противником и почти на сутки работа закрытой радиосети была парализована доставкой остальных станций к специалистам для перепрограммирования и обратно, то “Азарты-П” были “засвечены” противником не позже лета 2017-го, когда украинские порталы опубликовали не только фотографии с учений 100-й омсбр НМ ДНР, полученные из открытых источников, на которых офицеры используют эти станции, но и сообщение с одной из сетевых “военных барахолок” Республик о продаже двух таких станций по 50 000 рублей за штуку (примерно одна пятая часть закупочной цены комплекта на тот момент). “Засветка” была особенно бестолковой потому, что использовались и используются эти портативные станции на учениях в основном для работы в открытых радиосетях совместно с радиостанциями Р-123, Р-173, Р-159 из-за того, что портативными станциями открытой связи в аналогичном диапазоне для комсостава войска, за исключением скромных (на фоне потребностей войск) усилий волонтерских организаций, обеспечены не были.

Наиболее мощным препятствием на пути “второй волны закрытой радиосвязи” стало, как это ни парадоксально, именно то, что в войска Корпусов, уже изрядно пострадавшие от оттока кадров, попала самая современная станция, только что поступившая на вооружение армии РФ.

Во-первых, после озвучивания потенциальным пользователям закупочной стоимости комплекта выдаваемой им станции в четверть миллиона рублей, многие из них (мягко говоря, не очень богатые строевые лейтенанты и капитаны) просто отказывались получать станцию “под роспись” с формулировкой “А если я её сломаю или потеряю, мне потом сколько лет это выплачивать, живя с семьёй впроголодь?” Соответственно, множество людей, даже имевших шанс ознакомиться с этими станциями, такого опыта не получило.

Во-вторых, поскольку станция новейшая и секретная, большая часть российских советников опыта работы с ней не имела, так что единственными полноценными консультантами по данному комплексу, способными его полноценно обслуживать и программировать, надолго стали “советники по связи”, имеющиеся в количестве 1 человека на бригаду/полк (то есть менее полутора десятков и без того перегруженных работой специалистов на два армейских корпуса).

В-третьих, поскольку станция новейшая и секретная, выдавать её разведчикам и в подразделения, стоящие на ЛБС, на НП или ВОПы, которые могут быть атакованы и захвачены противником, было запрещено. Соответственно, столь

долго ожидаемая войсками мобильная закрытая радиосвязь долго не попадала именно туда, где она была бы более всего полезна, и станции большей частью использовались на учениях, причем на одну 50-ю часть своей стоимости (то есть на 5 000 р стоимости исправной портативной станции Р-169П1-01 с avito.ru, обеспечивающей открытую связь в частотах бронетехники). Когда же, постоянно страдающие от дефицита или полного отсутствия средств закрытой связи разведподразделения начали получать эти радиостанции, выяснилось, что портативные радиостанции комплекса “Азарт”, Р-187П1 “Азарт-П”, для выполнения задач в имеющихся условиях непригодны. Снова в силу именно той части своей современности и инновационности, которая поставила четвертое, самое мощное, важное препятствие на пути создания полноценной сети закрытой связи.

Подобное снижение мощности абсолютно оправдано в условиях работы армии, полноценно оснащенной всеми компонентами комплекса - как станциями “Азарт-П”, так и станциями “Азарт-Н” и “Азарт-БВ”. Согласно рекламным проспектам производителя дальность связи даже с использованием носимой радиостанции “Азарт-Н” в дециметровом диапазоне, радиоволны в котором отражаются от ионосферы с малыми потерями, может достигать 300 км, а в метровом и дециметровом диапазонах - 12 км.

Однако в Республики, в том числе в разведывательные подразделения, были поставлены только радиостанции “Азарт-П”, работающие только в метровом и дециметровом диапазонах на расстоянии до 4 км. Для этих диапазонов, особенно учитывая малую мощность передатчика, крайне критична прямая видимость между абонентами, вследствие чего, например, разведгруппе, выдвигающейся в тыл противника со станциями “Азарт-П”, потребуются расставлять бойцов с этими станциями по различным укрытиям на всем пути своего следования, применяясь к рельефу местности. В-четвертых, самый современный комплекс связи “Азарт”, в котором передача информации организована по принципу MESH-сетей, где каждый абонент может становиться ретранслятором для любого “дотягивающегося” до него сигналом другого абонента, в соответствии с самыми современными веяниями имеет минимально возможную мощность портативной станции. Предполагается, что пеший корреспондент никогда не будет слишком далеко уходить от ближайшего автомобиля или бронеемкости с установленной на нем станцией “Азарт-Н” (носимая) или “Азарт-БВ” (базовая возимая), а для тех, кто вынужден пешком работать вне этой зоны в качестве ретранслятора будут использоваться БПЛА, находящиеся в воздухе над полем боя или же им будут выданы радиостанции “Азарт-Н”.

Разумеется, отсутствие в войсках Республик самых важных компонентов комплекса - “дальнобойных” носимых станций, стационарных ретрансляторов и базовых возимых станций на бронеемкостях “первой линии” (которых, скорее всего, не хватает пока даже для армии РФ) - не помешало никому отчитаться о том, что войска современной закрытой связью полностью оснащены, ведь Республики действительно получили многие сотни станций “Азарт-П”.

В результате реальная полезность MESH-сети, построенной на имеющихся станциях “Азарт-П” определялась и определяется только и исключительно наличием на местах энтузиастов, изготавливающих для станций комплексы бесперебойного питания от 220В-электросетей и размещающих некоторые из них в качестве ретрансляторов в наиболее удобных высоких точках. Разумеется, подобного рода стационарная сеть в результате полноценных маневренных боевых действий, подразумевающих постоянные смены мест базирования/пребывания частей и постоянные отключения гражданских электросетей, работать не будет. Естественно, не интегрируются эти станции и в комплексы ТПУ бронеекспонатов, состоящих на вооружении Республик. То есть штатная связь “брони” с её глазами в маневренном бою, с пехотой, так и осталась открытой, если у пехоты, памятуя о ранее описанных трудностях в использовании Р-159, с собой эта связь вообще будет.

То, что эта проблема (способная “подкосить” любые маневренные операции, в том числе и активную оборону с необходимыми контрударами) на высшие уровни не “всплывает”, довольно просто объясняется тем, что в условиях позиционной войны в довольно урбанизированном регионе отсутствие закрытой радиосвязи можно компенсировать различными паллиативными проводными решениями на базе существующих гражданских кабельных систем связи. Каковая “компенсация”, разумеется, совершенно не страшит от кадрового голода ни в самом низу кадровой пирамиды, на уровне рядового телефониста, ни на самом её вершине, где представления о дисциплине связи ничем от низовых не отличаются. Об этом красноречиво свидетельствует история попытки представителя российского командования дозвониться из РФ до одного из передовых пунктов непосредственно вблизи ЛБС, оснащенного такой связью. Дозвонившись и представившись, высокопоставленный российский офицер получил в ответ предложение бесплатного пешего эротического путешествия и столь же вежливую просьбу больше не звонить на этот номер от бойца, который, имея на руках список позывных своего непосредственного командования, очень быстро устал от настойчивых просьб неизвестного позывного с неизвестного номера немедленно доложить ему, этому неизвестному номеру и позывному, обстановку.

6. Сотовая связь. “Лугаком” и “Феникс”.

В вышеописанных условиях самой стабильной связью в распоряжении военных, покрывающей при этом наибольшую территорию, остается, как правило, сотовая связь двух республиканских операторов сотовой связи - “Феникс”(ДНР) и “Лугаком”(ЛНР). Само по себе наличие такой сотовой связи, серверная инфраструктура которой не контролируется напрямую Киевом (то есть СБУ) является большим прогрессом относительно ситуации периода Дебальцевской операции, когда основными средствами связи были телефоны украинских операторов сотовой связи. Однако сам стандарт сотовой связи подразумевает некоторые уязвимости, которыми может воспользоваться и пользуется противник не только для пеленгации работающих телефонов, но и

для перехвата и декодирования переговоров, ведущихся с передовых НП и ВОПов наших войск, оттуда, где выставленную противником “ложную соту”, IMSI-catcher, телефон примет за ближайшую настоящую. Таким образом противник, совмещая информацию, утекающую через такие “дыры” в системе связи как открытая радиосвязь и сотовая связь, с данными агентурной разведки, в том числе получаемыми через упоминавшиеся ранее “закладки”, размещаемые агентурой на компьютерах офицеров Корпусов Народной милиции, получает достаточно информации о военных усилиях Республик.

Весьма любопытным и полезным “стресс-тестом” сотовой связи Республик стало отключение в конце 2017-го года украинской сотовой сети МТС на территории ДНР. Моментально подскочивший трафик сотовой сети “Феникс” практически блокировал полноценную связь на несколько недель, пока оператор, наконец-то, не справился с потоком звонков и новых абонентов. Аналогичная ситуация сложилась через год в некоторых районах ЛНР, где абонент может предпринять от 5-10 до 50-100 попыток дозвониться и не достигнет результата. Если добавить к этой уже существующей проблеме перегрузки сотовой сети диверсионную угрозу, которая несомненно обострится в случае начала активных маневренных действий, а также неизбежный резкий рост “гражданского” сотового трафика в такой ситуации, то мы получим картину полного ступора единственной реально работающей всеобщей беспроводной и хотя бы условно-частично закрытой связи.

Рассмотрев выше все виды штатных средств связи, обратимся к реальному положению дел на практике, к тому, какими средствами в реальности осуществляется радиосвязь в подразделениях. Увы, в большинстве случаев, начиная с уровня батальон-рота и вниз до отдельных расчетов огневых средств, практически повсеместно (исключения рассмотрим отдельно) вся радиосвязь открытая и основной “рабочими лошадками” реально, интенсивно и постоянно функционирующих радиосетей на ЛБС и в ближнем тылу являются до сих пор любительские двухканальные двухдиапазонные портативные радиостанции Baofeng UV-5R, копии Kenwood TK-F8, и их ближайшие аналоги. Дешевизна этих радиостанций, при которой, казалось бы, не было особой проблемой оснастить за 4 года войны такими станциями все подразделения Корпусов, компенсируется наплевательским отношением значимой части личного состава к гражданской технике, постоянно эксплуатируемой в сложных условиях(виновато всё то же снижение мотивации и потеря качества личного состава). Радиостанции оставляют под проливным дождём на брустверах окопов, их разбивают и выламывают им антенные разъемы постоянно переноской в карманах брюк и так далее. Итог - к концу 2018-го года даже таких станций в войсках ощущается большая нехватка. Тем более не хватает и базовых/автомобильных радиостанций UHF/VHF диапазонов.

В некоторой степени открытость радиосвязи с использованием радиостанций данного типа может компенсироваться постоянной сменой позывных, использованием кодированных обозначений объектов, позиций и т.д, но практика ещё Второй Мировой войны показала, что в условиях интенсивных боевых действий сочетание стресса и резкого роста объема радиообмена приводит к тому, что коды, забытые или записанные в забытых где-то блокнотах, не используются или используются частично.

История работы радиоперехвата немецкого Африканского корпуса в 1941-1942 гг в Северной Африке во время сражений с Британской 8-й армией показала, что, по мере развития неблагоприятной для них ситуации, британские подразделения в панике вели всё более и более активный радиообмен открытым текстом, снабжая немцев нарастающим объемом полезной информации о своем местоположении, численности и намерениях. В свою очередь немцы, массово получившие перед войной новое поколение шифровальных машин “Энигма”, до появления у противника необходимых методов и вычислительных мощностей для дешифровки, могли оперативно передавать информацию в зашифрованном виде и так же быстро и безошибочно её расшифровывать. Возвращаясь к реалиям сегодняшнего дня, мы, учитывая все вышеописанные проблемы Корпусов Народной Милиции и заведомо неблагоприятный для них исход первых крупных боев в ходе обострения, можем сказать, что повсеместное использование открытой связи станет ещё одним фактором поражения, а сочетание сетей открытой и закрытой (“Арахис”, “Азарт”) радиосвязи, использования сотовой связи и наличие у противника значительного количества агентуры приведёт в итоге к паническому эффекту “Они прослушивают даже “Арахис”!” и “радиобоязни”, которая может парализовать работу и радиосети закрытой связи, если, конечно, “радиобоязнь” успеет возникнуть и развиваться до того, как Корпуса будут полностью разгромлены.

Исключениями из общей печальной практики являются несколько подразделений НМ ЛНР и ДНР разного уровня, которые как собственными усилиями(т.е. на средства из зарплат бойцов и командиров), так и с помощью волонтерских организаций сумели полностью или частично перевести свои радиосети на внештатную закрытую связь. Наибольших успехов в этой области удалось достигнуть 14-му Батальону Территориальной Обороны НМ ЛНР “Призрак”. 14-й БТрО не только полностью исключил из использования открытую связь, заменив её на цифровые радиостанции и ретрансляторы Motorola DMR-стандарта, но и единственный успешно массово адаптировал базовые станции этого стандарта к использованию с ТПУ на всей имеющейся у батальона бронетехнике. Суммы вложений в радиосредства батальона на данный момент исчисляются уже несколькими миллионами рублей, и каждый месяц требуются средства на поддержание этой системы - как минимум на новые батареи для портативных радиостанций, эксплуатируемых в 14-м БТрО и 4-й омсбр, что уже составляет десятки тысяч рублей. Естественно, DMR-станции гражданского образца не обеспечивают такого уровня надежности закрытия связи как ППРЧ-системы и не являются “панацеей” от радиоперехвата и пеленгации, однако они работают и, при соблюдении необходимых простых правил, выполняют свои функции связи, от передовой и до глубокого тыла, в то время как куда более дорогостоящие комплексы “Азарт” используются куда как менее интенсивно, с меньшей эффективностью и, главное, не обеспечивают наиболее критичной радиосвязи - радиосвязи передовой и ближнего тыла - взвод-рота, рота-батальон.

Подчеркнем, что аккумуляция этих ресурсов и правильное их использование стали возможны только благодаря тому, что в подразделении оказались одномоментно сразу несколько мотивированных офицеров-добровольцев, понимающих значение закрытой радиосвязи для войск, в том числе два основателя КЦПН, что позволило привлечь необходимые ресурсы. Большинство других подразделений позволить себе

подобного уровня вложения в связь не могут именно в силу сочетания в разных пропорциях отсутствия всеобщего понимания роли закрытой связи в ходе неизбежного обострения маневренных боевых действий, отсутствия постоянного сплоченного деятельного офицерского “ядра” подразделения, отсутствия специалистов, отсутствия средств. Там, где такого рода радиофикация всё-таки идёт, она идёт чудовищно медленно и, зачастую, резко обрывается с уходом или переводом в другое подразделение одного или двух человек, которые “тянули” этот вопрос в технико-организационном отношении.

Для подразделений связи кадровый вопрос в контексте общего катастрофического кадрового голода Корпусов Народной Милиции стоит особенно остро, так как для создания и эксплуатации радиосетей закрытой связи и, на их базе, полноценных систем управления войсками, требуются подготовленные технические специалисты с солидным опытом в данной отрасли, а в качестве командиров подразделений связи - ещё и обладающие выдающимися организационно-административными навыками. В большинстве случаев привлечь таких людей в корпуса НМ просто нечем. Имевшиеся к началу войны на территории Донбасса специалисты требуемого уровня на данный момент или уехали, или уже служат, или ушли со службы, не видя возможности реализовать остро необходимые технико-административные решения в рамках, ограничиваемых имеющимся бюрократическим аппаратом.

Из тех, кто ещё готов служить, наиболее опытных специалистов, как правило, уже “разобрали” артиллерийские и танковые подразделения, и, в результате, наиболее плачевным состояние связи остается, как правило, в обычных линейных мотострелковых батальонах, которым и без обострений приходится выносить на себе всю тяжесть боевых действий и потерь на ЛБС.

Наиболее неприятным свойством кадрового наполнения подразделений связи является колоссальный разрыв в уровне подготовки командиров взводов связи батальонов и рядовых бойцов. Фактически, во многих случаях только командир и его заместитель способны диагностировать и решать сколько-нибудь серьезные проблемы матчасти связи. Само подразделение составляют телефонисты или радиотелефонисты, освоившие лишь необходимый минимум операций с матчастью. Полноценно и массово обучать связистов профессии, как правило, некому, некогда и негде. Если в ситуации позиционной войны один или два человека могут оперативно решать все возникающие проблемы службы связи в рамках батальона, то в ситуации маневренных боевых действий какие-то участки работы систем связи неизбежно будут “провисать”, лишая систему необходимых скорости и качества передачи информации.

В качестве хотя бы частичного решения этой проблемы 14 БТрО НМ ЛНР “Призрак” и связисты 4-й омсбр НМ ЛНР, которой подчиняется батальон, и в масштабах которой сейчас проводится программа радиофикации, аналогичная “призраковской”, проводят стажировку специалистов связи бригады во взводе связи 14-го БТрО.

Помимо обучения собственных специалистов, связисты большинства танковых и мотопехотных подразделений не успевают в должной мере обучить пользованию штатными радиостанциями экипажи боевых машин, в особенности - обучить их

пользованию радиостанциями Р-123. Часто вполне исправные радиостанции и ТПУ бронеемобилей не используются экипажами единственно по причине того, что они не знают правильного порядка манипуляции верньерами и тумблерами станции и ТПУ и некому/некогда их обучить (не просто разово обучить, а каждый раз обучать каждого нового командира боевой машины, занесенного на эту должность кадровой “текучкой”).

Ремонтная база по штатным средствам связи крайне слаба. В плане проводной связи войска все 4 года войны лишены необходимого количества запчастей для ремонта полевых телефонов ТА-57. Вопрос же технического состояния штатных средств радиосвязи на бронетехнике не встает до момента начала маневренной войны, так как в условиях позиционных боев и отвода основной массы тяжелой техники, основная работа ведется с использованием внештатных средств радиосвязи и проводной связи. Маневренная же фаза боевых действий потребует использования всех боевых машин. Тогда в полной мере скажутся и нехватка запчастей для ремонта станций и ТПУ, и нехватка исправных тангент и шлемофонов.

IV-14. Медиа. “Потемкинские деревни” для внутреннего и внешнего употребления.

Помимо огромной обычной бумажной отчетности, которая весьма характерна для практически любой “армии мирного времени” и полностью оторвана от реальности, на местную почву была перенесена из РФ система фотоотчетов. “Контролирующим органам” хочется некоторого эффекта присутствия в этом вымышленном мире исправно проводимых плановых занятий по боевой подготовке подразделений. Ни на что, кроме количества офицеров, которые смогут после войны сносно зарабатывать свадебными фотографами, эта система серьезно не повлияла, породив массу локальных мемов, примерно аналогичных американскому Powerpoint rangers (“Рейнджеры от Powerpoint” - специалисты высокого класса по составлению презентаций в компьютерной программе Microsoft Powerpoint).

Уровень материалов и их объем, требуемые для полноценного удаленного объективного контроля такого рода таковы, что, поддерживая их, офицер собственно подготовкой занятий и их полноценным проведением заняться не успеет. Временная вилка диктует выбор - или собственно занятия, или отчет об этих занятиях, позволяющий удаленно оценить их истинное качество. Соответственно, как эффективный инструмент фотоотчеты не работают - кто хочет и может учить людей военному делу настоящим образом, тот и так учит, просто тратит еще какое-то время на фотоотчеты, кто не хочет - всегда может сделать красивый отчет о том, как он это делает.

В итоге в сочетании с показательными выступлениями на прекрасно оборудованных полигонах сложилась законченная конструкция потемкинской деревни, обращенной внутрь армейской системы, типовая для “армий мирного времени” и при этом губительная для армии воюющей, тем более для воюющей контрактной армии, какой являются Корпуса Народной Полиции Республик.

Помимо этого в ситуации, когда реальная боевая работа на передовой становится все более и более зависима от работы волонтерских организаций и соответствующей медийной активности, руководство Народной Милиции заняло позицию “У нас всё есть, нам ничего не нужно”, которую транслирует вниз, в войска с упорством, достойным лучшего применения, подвергая взысканиям личный состав, “засветившийся” в Интернете и соцсетях получением гуманитарной или военно-технической помощи.

При этом официальные СМИ и аккредитованные при Корпусах военкоры обязаны показывать только парадно выглядящих бойцов в “пикселе”, что вызывает смех у личного состава, который вынужденно предпочитает носить на передовой более стойкие к износу “горки” или другие прочные, добротнo сшитые гражданским производителем, камуфлированные костюмы - “Когда уже военкоры начнут с собой специальный гардероб возить, чтобы перед съемками переодевать бойцов в штатное?”.

IV-15. Отражение войны в головах.

В этой главе мы кратко затронем тему, которая сама по себе в полной мере заслуживает отдельного серьезного исследования. Как идущая война отражается в медиа воюющих сторон, и как эти отражения влияют на боевые действия?

Мы не будем пытаться здесь рассказать об изменении подачи этой войны в различных медиа в течении нескольких лет, остановимся на нескольких важных точках.

Пять лет назад, когда война только начиналась, российская государственная пропаганда работала на войну и на всякий случай готовила российскую публику к потенциально возможному прямому вмешательству России в конфликт. Реальность описывалась словами “Майдан”, “Антимайдан”, “восстание на Донбассе”, “ополченцы Донбасса”, “украинский фашизм”. Киевское правительство называлось “киевской хунтой” и так далее. За пять лет ситуация изменилась и в реальности и в медиа. Вышеупомянутые слова пять лет назад были точным описанием реальности и заставляли людей записываться в добровольцы, воевать и умирать.

Но слова стираются от использования как монеты. Сейчас за этими выражениями почти ничего не стоит. И они точно никого не зажигают. Равно как и на стороне противника не зажигают никого “идеалы Майдана” и “революция достоинства”.

Современная проблема для потенциального исхода войны заключается в том, что картина мира, которую подают сейчас украинские СМИ для украинского гражданского населения и военнослужащих, более приближена к наблюдаемой реальности, чем картина конфликта в российских и республиканских СМИ.

В украинских СМИ все происходящее в целом называется “российской оккупацией” или “русско-украинской войной”. Наши войска в укрoсми называют “Вооруженные формирования РФ”, “Незаконные вооруженные формирования”, “Российские оккупационные силы”, “Российско-оккупационные войска”, “Российско-террористические войска”.

В республиканских СМИ нашего противника называют “украинские террористы”, “Украинские карательные подразделения”, “Вооруженные формирования Украины” и просто прекрасное выражение “Боевики ВСУ”.

В России, в официозных средствах массовой информации все происходящее имеет название “конфликт на Юго-Востоке Украины”. А украинские военные в зависимости от ведомственной принадлежности называются “карательными батальонами” или “украинскими силовиками”.

Если абстрагироваться от актуальной политики и сформулировать реальную суть конфликта, то это гражданская война на Украине превратившаяся в межгосударственную войну Украины и России.

Очевидно, что при всем вранье и безумии укроСМИ они сейчас дают более последовательную и адекватную картину мира для среднего украинского солдата и среднего украинского обывателя, чем российские сми для русских солдат и мирных жителей.

Войну-то Россия ведет, а вот назвать ее правильными, точными и зовущими к Победе словами не получается.

И то, что слова противника чуть более точны, это не повод их употреблять. Мы не называем происходящие события “русско-украинской войной”. Нам не нравятся дискурс противника просто потому, что это дискурс врага.

Не меньше, а куда более, чем приборы ночного видения, тепловизоры и цифровая связь, нам нужны слова, правильно описывающие войну, которую мы ведем. Слова, которые должны отрицать само существование Украины как отдельного от России понятия.

У нас есть идея, что идущая война должна называться “войной с украинством” или “войной с украинствующими”, но, наверное, можно создать и лучший вариант. Мы на это надеемся...

IV-16. Итоги.

Подводя итоги всего вышеизложенного, нельзя не удивиться их парадоксальности.

Казалось бы, с приходом в “махновщину” образца лета-осени 2014-го года “военного-порядка”, у восставшего Донбасса должна была постепенно появиться полноценная армия. Критерием “полноценной армии” является, прежде всего, ее управляемость, происходящая из предсказуемости результатов применения войск при определенных имеющихся вводных. Этого не произошло. Чем дальше, тем больше существует липовых отчётов об укомплектованности и боеготовности, за которые отвечает своими погонами огромное количество военных, которые не хотят их потерять, и тем большим сюрпризом будут для командования в РФ результаты боевого применения войск Корпусов НМ Республик.

Казалось бы, приход “советников”, обучающих “местный” личный состав, должен был за 4 года хоть как-то решить кадровые проблемы Корпусов. В реальности же кумовство и очковтирательство, способствующие созданию и эксплуатации коррупционных схем, приводят к тому, что потенциальные офицеры, люди, по уровню образования и способностей, подходящие для офицерских должностей, годами остаются рядовыми или сержантами, а когда и если все-таки становятся младшими офицерами, не получают ничего, кроме дополнительных проблем и расходов, и, в итоге, чаще всего увольняются, уступая место новым оборотистым участникам упомянутых схем.

Как результат - развитие Корпусов, фактически, загнано в тупик тем, что в кадровом отношении основная масса личного состава Корпусов настолько изменилась по сравнению с 2014-м годом, что к концу 2018-го в большинстве воинских частей любые попытки ввести реальную полноценную боевую подготовку, начать полномасштабное приведение техники в полностью боеготовое состояние (при наличии запчастей и всего необходимого) и т.д. будут восприняты неадекватно, встречены "в штыки" и массово просаботированы на всех уровнях.

Казалось бы, с приходом централизованного армейского снабжения, боеспособность войск должна была перестать зависеть от деятельности волонтерских организаций, однако чем дальше, тем больше обеспечение дееспособности войск зависит от волонтеров и всевозможных частных усилий. Реально работающие БПЛА, современная оптика (в том числе ночная), закрытая радиосвязь, современные средства полевой медицины - всё это непосредственно работающие на передовой подразделения, способные этим полноценно воспользоваться, могут получить только от волонтеров или закупить на свои средства. И на большую часть требуемого средств не хватает.

Кто-то другой на нашем месте может и порадовался бы росту собственной значимости, но мы, трезво оценивая ситуацию, предельно насторожены подобным ходом дел и вынуждены констатировать не только масштабнейший системный провал военного строительства в Республиках, но и отсутствие рефлексии этого провала руководством РФ, что свидетельствует о системном кризисе в области военного строительства в РФ, который вдвойне опаснее потому, что, за счёт сформированной за последние годы медийной картинки, обществом успехи военного строительства также оцениваются очень высоко. В итоге проигрыш неизбежного военного столкновения на Донбассе с украинской армией, поддерживаемой НАТО, может произвести на общество эффект Цусимы 1905 года со всеми вытекающими из этого последствиями.

V.ДЕБАЛЬЦЕВО И ПУСТОТА. НЕИЗВЛЕЧЕННЫЕ УРОКИ или ЧТО МЫ ЗНАЕМ О КРУПНЕЙШЕМ СРАЖЕНИИ ЭТОЙ ВОЙНЫ ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ?

Сражение, которое американские комментаторы называют самым крупным и ожесточенным военным столкновением в Европе со времен Второй Мировой войны, дало, казалось бы, огромный массив информации к размышлению российским военным на тему того, как им организовать военное строительство в Республиках, чтобы его результаты соответствовали заданным целям. В то время как американские аналитические центры, занимающиеся разработкой тактики и стратегии для ВСУ, активно обрабатывали и обрабатывают опыт, полученный как в ходе всей Донбасской войны, так и, особенно, в ходе сражения за Дебальцево, состояние дел в военном строительстве Республик свидетельствует о том, что с нашей стороны опыт или сочтен малоинтересным или успех военного строительства его, строительства, целью не является.

Что же показало Дебальцево?

1. Немотивированные вольнонаемные, над которыми не висит традиционная для призывных армий угроза серьезного тюремного срока или расстрела за дезертирство в случае попытки привлечь их к серьезным боевым действиям просто разбегаются. Нет смысла держать армию прорабов, вахтеров и завхозов. И сворачивание “3 в 1”, обратное классическому развертыванию “1 в 3”, в этом случае тоже не работает, так как из схемы выпадает огромное количество критически важных для боя служб, становящихся из-за пассивности личного состава и дезертирства просто недееспособными.
2. Ложь стоит дорого. Липовая отчетность об успешном формировании Корпусов зимой 2014-2015 гг обошлась очень дорого, когда начались попытки реализации военных планов, рассчитанных на то, что отчеты более-менее правдивы. В свою очередь оптимистичные доклады наверх украинских военных о ситуации в Дебальцево, приведшие к окружению, стоили им и потери людей, и потери города.
3. Подразделения без централизованной сети закрытой радиосвязи на поле боя не существуют. Подразделения, которыми командир не может полноценно управлять, из-за боевых и небоевых потерь, “дружественного огня” и дезертирства очень быстро сокращаются до той численности, которая соответствует наличным средствам управления.
4. Кадры решают всё и, в первую очередь, - массово подготавливаемые технические специалисты, способные обеспечить боеготовность техники, и грамотные инициативные командиры уровня рота-взвод, способные грамотно управлять войсками непосредственно на поле боя.
5. Численность войск играет куда меньшую роль, чем оснащенность современными средствами связи и целеуказания, средствами РЭБ, мобильными ПТРК.

6. В успешной работе артиллерии и РСЗО играет ключевую роль скорость и качество взаимодействия артиллерии с разведкой, квалификация артиллерийских корректировщиков, возможность прямой закрытой радиосвязи между корректировщиком и батареей непосредственно в момент ее работы.
7. Танки на поле боя в отсутствие прямой связи и взаимодействия с сопровождающей пехотой и в том случае, если пехота не мотивирована и за танками не идет, очень быстро уничтожаются огнем ПТРК, а в случае подхода на близкие дистанции - и сосредоточенным огнем РПГ.
8. Грамотный снайперский огонь оказывает на плохо подготовленную и оснащенную немотивированную пехоту парализующее воздействие, что существенно повышает ценность снайпера на поле боя.

На протяжении четырех лет после того, как все эти уроки были преподаны, российские руководители военного строительства в Республках сделали, кажется всё возможное и невозможное, чтобы ликвидировать все немногие имевшиеся у Ополчения преимущества перед ВСУ и создать все условия для появления у ВСУ “kozyрей”, которые Корпусам нечем “крыть”.

Прежде, чем рассматривать сценарии возможного “обострения”, перечислим ещё раз кратко эти “kozyри”, сохраненные противником с весны 2015 года или созданные за прошедшее время:

1. **Американские аналитические и инструкторские кадры**, детально проанализировавшие события 2014-2015 гг и сделавшие необходимые выводы для реорганизации военных усилий Киева, обучающие украинские части спецназначения и комсостав.
2. **Понимание того “За что воюем?”** Высшее военно-политическое руководство противника, при всех имеющихся у него недостатках, четко понимает свои цели в этой войне, четко их формулирует, может связно описать последовательность действий, необходимую для их достижения. Несколькими ступенями ниже по командной лестнице воюющий против нас украинский офицер при всех недостатках своего положения ощущает себя частью условного “Запада”. Помимо “Единой Украины” критерии победы в войне за которую ему очевидны - возврат Крыма и Донбасса, у него есть (тут не важно, насколько именно оно реалистичное, главное - он сам верит) представление о собственном будущем даже в случае поражения. Для Запада он - “свой”. Получит канадское гражданство и работу в ЧВК. Возможность аналогичного ощущения себя частью России для бойцов и командиров Корпусов была за четыре года практически уничтожена. Не говоря уже о том, что воевать приходится за соблюдение “Минских соглашений”, по которым Донбасс возвращается Украине. Четыре года уверений и обещаний, перемежающихся одергиваниями “Чего вы хотите? Вы не так встали!” и кампаниями в духе “Украина вот-вот развалится!” произвели и на население, и на завербовавшийся из его числа личный состав предельно гнетущее впечатление.

3. **Кадровый состав.** Противник, в отличие от нас, не только пропустил через АТО большое количество призывников, превратив их в опытных резервистов, которых сможет снова поставить в строй, но и сформировал за четыре года достаточно профессиональный офицерский корпус, костяк боевых подразделений, качественно превосходящий имевшийся в 2014-м году.
4. **Танки.** При формальном паритете в базовых вопросах оснащения танковых войск, где у обеих сторон конфликта основную массу составляют танки Т-64 и Т-72 устаревших модификаций на первый план выходят вопросы технического состояния машин (напомним - у противника в тылу, в Харькове, основная советская база производства Т-64) и вопросы связи и взаимодействия танков с пехотой и артиллерией. Именно в вопросе взаимодействия и связи бронетехники и пехоты ВСУ сделали титанический рывок вперед, начав массово оснащать свою "броню" закрытой радиосвязью. Наличие в каждой боевой машине мощной радиостанции закрытой связи обеспечит противнику совсем другие возможности маневренной войны, не перекрываемые имеющимися у Корпусов, как реально, так и потенциально, средствами РЭБ в силу величины тех пространств, на которых противник сможет вести свои маневренные действия, опираясь на такую связь.
5. **Артиллерия** противника, озаботившись планомерным обучением личного состава, резко подняла уровень своей работы, оперативно получает данные от радиоперехвата и с БПЛА, точно поражает цели.
6. **Средства связи.** Противник сумел настытить свои войска как необходимым количеством аппаратуры и кабеля для проводной связи, так и единообразной закрытой связью, которая, в случае активных боевых действий, обеспечит ему необходимое плечо хорошо управляемого маневра, смог, что еще важнее, подготовить кадры для служб связи, РЭБ и радиоперехвата.
7. **ПТУРЫ.** За все то время пока российские журналисты занимались аргументированным доказательством того, что "Джавелины" ВСУ от США не получают, а если получают, то мало и старые, а если даже немало, и не старые, то никакого существенного влияния "Джавелины" на ситуацию на Донбассе не окажут, украинский ВПК наладил производство собственных современных ПТУР "Стugna-П" с лазерным наведением и эффективной дальностью стрельбы до 5 километров, после чего не просто испытал их на передовой против подразделений НМ ЛНР и ДНР, но и выложил видеосъемки этих испытаний. С появлением этого оружия целый ряд украинских позиций на передовой, ранее позиционировавшиеся в СМИ Республик как "ловушки" и "мясорубки", в которые противник сам добровольно залез, моментально превратились в "ножи у горла" для наших опорных пунктов, воспрещая передвижение транспорта к ним и от них в дневное время.

"Джавелины" противник тоже получил, что, в сочетании с собственными разработками, позволит ему сформировать высококомобильные и трудно

идентифицируемые с воздуха группы спецназа, способные предотвратить контрудары танковых подразделений НМ ЛНР и ДНР в тех размерах, в которых они могут быть проведены. (тема подробно разобрана ранее одним из авторов вот здесь - <https://kenigtiger.livejournal.com/1865709.html>)

8. **Снайперское движение.** Противник, широко привлекая иностранных инструкторов, волонтеров и частные коммерческие структуры умело культивировал в своих войсках массовое снайперское движение, создав ситуацию постоянного и повсеместного снайперского террора на передовой, причём, очень часто проводимого с таких дистанций в таких метеоусловиях, что ответить на этот террор нечем и некем - нет ни специалистов, ни оборудования и оружия для противоснайперской работы в таких условиях.
9. **Ночная оптика** имеется у противника в количествах, существенно превосходящих все пределы мечтаний наших войск в силу простого соотношения финансовых возможностей государства, спонсоров и волонтеров сорокамиллионной “материковой” Украины и немногих оставшихся волонтерских организаций с нашей стороны, поддерживающих борьбу Донбасса.
10. **БПЛА.** Как уже было сказано ранее, противник по количеству и качеству находящихся в работе “бортов” на голову превосходит Корпуса НМ. Противник получает из-за границы и разрабатывает сам ударные БПЛА, аналогов которым Корпуса не имеют в принципе и получить их неоткуда.
11. **Войсковая разведка и части СпН.** За 4 года “позиционного тупика” противник подготовил достаточное количество очень хорошо тренированного и мотивированного спецназа, который с завидной регулярностью проводит репетиции отдельных элементов будущего “большого наступления” - заходит на НП наших войск и вырезает их гарнизоны, заползает в ближний тыл с пусковой установкой ПТУР и атакует машины на прифронтовой дороге. Эти группы отлично оснащены по последнему слову техники и их количество позволит в первый день наступления создать необходимое количество “коридоров” в наших позициях.
12. **Агентурная разведка и диверсанты** противника активно работали в Республиках с самого начала боевых действий, наращивая количество и качество своих действий. Общественность в РФ, крайне поверхностно оценивавшая ранее и оценивающая сейчас ситуацию, долгое время просто не могла себе представить, что Украина может иметь сколько-нибудь дееспособные разведывательно-диверсионные силы. Убийства как медийных (“Гиви”, “Моторола”, Павел Дрёмов), так и малоизвестных широкой общественности командиров ополчения (полковник НМ ЛНР О. В. Анащенко, позывной “Спец”, фактически руководивший “от местных” 2-м АК НМ ЛНР) зачастую приписывались конспирологами агентам ФСБ или “внутренним разборкам”. Успехи противника в подрывной деятельности на железнодорожных узлах в ДНР не афишировались и практически не попадали в

СМИ. Подрыв же 21 мая 2018 года моста на дороге Луганск - Красный луч очень резко обозначил одновременно и наличие на территории умелых диверсантов противника, и отсутствие у Республик какой бы то ни было возможности прикрыть постоянной эффективной охраной все важные инфраструктурные объекты.

В марте 2019-го года переход на сторону противника капитана НМ ДНР С.Дрюк, позывной “Ветерок”, наглядно продемонстрировал уровень работы агентурной разведки противника.

Очевидно, что противник имеет весьма разветвленную агентурную разведывательную сеть в Республиках, осведомлен о расположении всех военных объектов, маршрутах движения транспорта к передовой и обратно, осведомлен в кадровых вопросах и вопросах боеготовности наших частей. Ещё раз повторимся - мы имеем основания считать, что противник в курсе всех приведенных в докладе фактов и закономерностей, иначе мы бы не сочли возможной их открытую публикацию.

Современный уровень информационных технологий позволяет совершенно автономно от агентурной сети работать сети диверсионной, которая, располагая схронами с оружием и взрывчаткой на территории Республик, способна наносить и уже наносит чувствительные удары по инфраструктурным объектам республик, а также воинским частям и полигонам.

13. Авиация и ПВО. Авиация противника практически не применялась после понесенных летом 2014-го года потерь, однако при этом не прекращает тренировок по выполнению ударных задач (с использованием не только штурмовых, но и истребительных подразделений). Скорее всего, будет применяться разово, массово и внезапно, в критический момент операции. Также противник проводит модернизацию своих сил ПВО, очевидным образом подготавливая их к противостоянию с российскими ВКС. Учитывая то, что укомплектованы силы ПВО в том числе и достаточно современными зенитно-ракетными комплексами, забывать об их существовании не стоит (см. потери российской авиации во время “Принуждения к миру” Грузии, понесенные как раз от украинских расчетов комплексов ПВО).

Нельзя исключать и такой вариант развития событий, при котором, не вступая открыто в наземные боевые действия с РФ, США и страны НАТО объявят, разумеется “в интересах прекращения военного конфликта”, над всей Украиной или каким-то её районом “бесполетную зону”, предоставив в распоряжение ВСУ дополнительный зенитно-ракетный “зонтик” и свои самолёты ДРЛО (дальнего радиолокационного обнаружения).

VI. СЦЕНАРИИ КАТАСТРОФЫ

В настоящем разделе мы расскажем, к каким конкретно результатам приведут все изложенные нами ранее проблемы в военном строительстве Республик в случае, если противник сочтет внешнеполитическую обстановку благоприятной для активизации своих действий против Корпусов.

Для того, чтобы избежать всевозможные спекуляций, в первую очередь, дадим ясное определение военной катастрофы на Донбассе.

Мы полагаем, что это прямой разгром силами ВСУ (и их вероятных союзников) Донецкого и Луганского корпусов, а в некоторых вариантах развития событий и российских частей, идущих на помощь корпусам. При этом ВСУ выходят на такие рубежи, что на оставшихся в руках ДНР и ЛНР осколках территорий невозможно поддерживать даже иллюзию относительно успешного существования республик.

Учитывая слабость корпусов, ключевым фактором обстановки для украинского руководства становится фактор потенциального прямого участия России в конфликте.

Рассмотрим параметры этого вмешательства подробнее, чтобы наши читатели могли многое самостоятельно оценить. Эти и многие другие вопросы украинское политическое руководство и украинское командование тщательно взвешивают.

Политические параметры:

1. **Общеполитическая обстановка.** Имеется в виду весь комплекс политической обстановки внутри и вне России, Украины и республик.
2. **Порог принятия российским руководством решения о вмешательстве.** Какая военная обстановка повлечет за собой вмешательство? А какая не повлечет? Какие должны быть потери в живой силе, территории и мирном населении? Какой информации о катастрофе республик не сможет купировать российская пропаганда и российскому правительству придется вмешиваться?
3. **Порог открытой войны России и Украины.** В каком случае Россия будет вынуждена воевать не только на территории Донбасса, но и вести полноценные операции по всей линии Российско-Украинской границы?
4. **Скорость принятия решения о прямом вмешательстве.** Сколько времени понадобится для высшего российского руководства, чтобы получить точную информацию из Донбасса и правильно ее интерпретировать? Учитывая многолетнюю традицию откровенного вранья начальству в Российской армии. Возможна ли такая ситуация, что когда вся полнота информации о катастрофе дойдет до Москвы, там уже будут вынуждены ничего не предпринимать, потому что более рациональным способом действий уже станет невмешательство?

Военные параметры:

1. **«Гибридная» война или самая настоящая?** Если русские вмешаются, то будут ли они пытаться сохранить свою псевдоанонимность и географически ограничивать войну Донбассом? Или неопознанные (а может и опознанные) танки сразу поедут из Белгорода на Харьков?
2. **Скорость выдвижения первого эшелона российских войск.** Если ВСУ успевают решить свои ключевые задачи ранее, чем навстречу им выдвинется что-то большее, чем разведподразделения, то вполне возможно, что российские войска не стронутся с места вообще.
3. **Динамика количества привлекаемых для операции российских войск.** В самом практическом смысле это вопрос можно сформулировать так. В состав той же 8-й армии, куда входят Корпуса НМ ЛНР и ДНР, входит и 150-я мотострелковая Идрицко-Берлинская ордена Кутузова дивизия. Она явно идет первой на помощь корпусам из Новочеркасска Ростовской области. В случае ее разгрома силами ВСУ в луганских степях, сколько сил и когда будет идти за ней во втором эшелоне?

Учитывая все эти различные переменные, можно сформулировать три основных сценария украинской победы. Они не являются взаимоисключающими, могут переплетаться друг с другом, осуществление одного может открывать возможность осуществления другого (война на истощение, например, может создать условия для стремительного удара, а короткий удар, более рассчитанный на медийную “отработку” захвата одного населенного пункта или важного узла коммуникаций, может повлечь за собой обострение войны на истощение).

Вот эти сценарии.

1. **“Буря над Донбассом”.** Имеется в виду вариант масштабного украинского наступления с попыткой добиться полного разгрома корпусов в одной решающей операции длительностью несколько дней. То есть очень похоже на операцию хорватской армии «Буря» по разгрому и оккупации Сербской Краины в 1995 году буквально за пять дней.
2. **“Сто дней до победы”.** Название этого сценария взято из истории последних месяцев Первой Мировой войны, когда войска Антанты под командованием маршала Фоша сокрушили немецкую армию. Мы имеем в виду цепочку последовательно осуществляемых неглубоких ударов превосходящими силами на различных участках фронта. В их результате, сперва разваливается устойчивость позиции обороны корпусов и они отходят все ближе к российской границе. Линия фронта изгибается самым причудливым и неприспособленным к обороне образом. Вдобавок к этому, начинает рассыпаться сама государственность республик в связи с лавинообразным ростом числа беженцев в РФ.
3. **“Перемалывание”.** Это то, что происходит прямо здесь и сейчас. В условиях значительного качественного и просто абсолютного количественного превосходства

противника соотношение потерь даже один к одному рано или поздно приведет к истреблению корпусов. В реальности, в какой-то момент количество дееспособных военнослужащих просто не даст возможности даже изображать наблюдение за линией фронта. И противник совсем мелкими шагами будет двигаться, и двигаться вперед. Как он и делает сейчас, постоянно улучшая свои позиции, готовя себе более выгодный старт для будущих решительных действий.

Теперь рассмотрим эти сценарии подробнее. С указанием их выгод, рисков и особенностей для украинской стороны.

VI.1. «Буря над Донбассом».

Это сценарий наиболее выгодный для Украины по военным соображениям и несущий наибольшие политические риски. Его выгодами является быстрота возможной операции и связанное с быстротой наименьшее количество потерь, расходов и разрушений.

Ключевой риск же таков. Для успеха решительного наступления требуется, чтобы первый удар был максимально внезапен и максимально силен. То есть в самом начале должны быть максимально массированно применены тактические ракеты, артиллерия, войска специального назначения и имеющаяся авиация. Причем применены безо всяких гуманитарных ограничений. Подобный способ действий создает максимально благоприятную для российского вмешательства политическую обстановку. Сотни и тысячи погибших мирных жителей создают негативную для Украины картинку в медиа.

Но есть особенность, которая может и позволить украинскому командованию решиться на такой вариант. Если ВСУ достигает самых решительных результатов до российского вмешательства с учетом времени на принятие решения и времени на выдвижение, то вмешательство может вовсе не состояться или быть быстро и незаметно свернутым. У них будут сутки, возможно двое на то, чтобы выиграть сражение и остальное время тратить уже на доигрывание партии. Безусловно, это рискованная стратегия, но она может и сработать. Как некий вариант этого сценария, после разгрома корпусов наступающие украинские части на 2-3 сутки операции сталкиваются с первым эшелоном российских войск, и громят их во встречном сражении. Что снова приводит российское руководство к размышлениям о том, продолжать ли неудачное сражение или сделать вид, что нас здесь и не было.

Для большей наглядности, мы расписали этот сценарий подробно с описанием предполагаемых операций по первым часам и дням.

Сценарий “Судного дня”.

Этот сценарий исходит из того, что противник выкладывает на стол все свои козыри. Собственно, он с таким трудом их накапливал все эти годы именно для того, чтобы выложить их в один или несколько дней. Решиться на такой удар противник может не только в случае достижения ситуации видимой слабости политического руководства в РФ вследствие внутривнутриполитического кризиса, но и в качестве “шага отчаяния” в ситуации собственного отчаянного внутривнутриполитического положения.

Главным козырем противника является затянутость конфликта в сочетании со статичной линией фронта и численным преимуществом. Противнику не надо создавать перед операцией какого-то особенного, заметного движения в собственных тылах и на передовой - войска в требуемых количествах уже находятся у ЛБС, необходимый запас топлива и боеприпасов - тоже. (Здесь следует отдельным образом заметить, что аргумент "все украинские снаряды уже давно сгорели на складах" для варианта "блицкрига" протяженностью в несколько дней не работает). Реализовать "решительный удар" без всякой дополнительной подготовки особенно просто будет в ситуации очередного "местного обострения", когда введение достаточных для успеха операции мер повышения боевой готовности не вызовет подозрений.

День Д. 04-00 утра и ранее.

Первыми вступят в дело диверсионные группы противника в тылу Корпусов НМ. Они уже неоднократно отработали на практике уничтожение командиров НМ, подрыв/поджог техники на полигонах и "отводах", подрыв мостов (например, очень профессионально 20-21 мая 2018 года взорван мост на трассе Красный Луч-Луганск). Соответственно, располагая, благодаря агентуре, данными о расположении воинских частей, "отводов", складов и т.д., они смогут нанести серьёзный урон и посеять панику еще до начала собственно атаки. Противопоставить этому Корпуса ничего не смогут - людей не хватает даже "сторожить" передовую, на тылы мотивированных надежных бойцов не хватит тем более. А в ситуации с немотивированным и ненадежными одна хорошая "клофелинщица" сможет пятилитровой "баклажкой" самогона отключить охрану целого полигона, после чего на нём можно будет сжечь или иным образом вывести из строя всю технику.

Параллельно с этим диверсанты противника развернут активную работу по выводу из строя вышек сотовой связи республиканских операторов, в особенности - в районах расположения штабов НМ, а также по саботажу на городских линиях проводной связи и линиях электропередачи. Численность ДРГ для синхронного подрыва/поджога большого количества вышек не имеет критического значения - как показала практика в случае с обстрелом здания МО ДНР из группы заранее установленных и приведенных в действие дистанционно одноразовых РПГ 1 февраля 2018 года, диверсанты противника достаточно квалифицированы, чтобы, разместив заряды заранее, привести их в действие одновременно.

В это же время сапёры противника, регулярно проводящие через МВЗ, выставленные сапёрами НМ, свои ДРГ, будут подготавливать проходы для пеших групп, имеющих на вооружении дальнобойные ПТРК, противотанковые ручные (РПГ-7) и станковые автоматические (АГС-17) гранатометы, дальнобойные снайперские винтовки, крупнокалиберные пулемёты. Техника подготовки таких проходов и проводки по ним групп отработана за время "позиционной войны" многократно, вплоть до изготовления соответствующих направленных световых "маяков", выставляемых проводниками для удобства ориентирования основной группы. Вооруженные носимым тяжелым оружием, пешие группы пройдут через разминированные ненаблюдаемые участки ЛБС, и займут позиции на рокадных и тыловых магистралях, по которым, в случае подъема по тревоге, должны будут выдвигаться к фронту подкрепления из ПВД и ППД частей НМ.

Следом за “тяжелыми” группами и в тесном взаимодействии с ними, по тем же проходам во фланги и тылы постов на ЛБС для ликвидации их малочисленных гарнизонов направятся группы украинского спецназа, уже неоднократно отработывавшие такого рода действия на местности, уничтожая посты НМ ДНР и ЛНР при помощи бесшумного стрелкового оружия. Перед началом их активных действий будет подавлена подразделениями РЭБ сотовая связь в районах передовых НП, перерезаны линии проводной связи, проложенные, из-за недостатка кабеля, предсказуемыми кратчайшими маршрутами. Большая часть передовых НП будет уничтожена на рассвете дня Д бесшумно, оставшиеся не смогут связаться с тылом, а выдвинувшиеся им на помощь резервы попадут в засады.

Одновременно с этим будут нанесены мощные артиллерийские удары по ПВД, ППД и передовым штабам частей НМ ЛНР и ДНР, находящимся в зоне досягаемости вражеской артиллерии. В сочетании с артиллерией будут применены уже приобретенные и активно осваиваемые украинскими расчетами большие ударные БПЛА по тем объектам, поражение которых артиллерией окажется затруднено. Значимая часть подразделений будет “разбужена” только в этот момент, а организованно принять бой сможет только тогда, когда противник уже применит на передовой подрывные заряды для прокладки широких проходов в минных полях под бронетехнику и проведёт через ЛБС первый эшелон танков и БМП, которые постоянно находятся по ту сторону ЛБС, так что дополнительно подгонять технику из тыловых районов не потребуется.

Ранее выдвинутые вперёд, вооруженные всеми необходимыми противотанковыми средствами (ПТРК, РПГ) и средствами борьбы с легкой бронетехникой (крупнокалиберные снайперские винтовки и пулеметы), пешие группы, оказав необходимую помощь спецназу в зачистке передовых позиций НМ огнем по ним с тыла, смогут прикрыть развёртывание этой техники и легко уничтожат или остановят продвижение к передовой резервов НМ. “Засада на дороге с ПТУРом” - задача, неоднократно и успешно отработанная спецназом ВСУ за прошедшие годы. В некоторых местах ВСУ даже с уже имеющихся позиций могут простреливать и успешно простреливают из современных ПТУРов подъезды к передовым позициям НМ как минимум в дневное время. Фактически, в некоторых местах это просто исключает возможность полноценно оказать помощь передовым позициям НМ до наступления темноты.

Большинство подразделений НМ ЛНР и ДНР в результате будут втянуты в бои с численно превосходящим противником на крайне невыгодных условиях, когда основные укрепления уже заняты противником, основные огневые средства только начинают приводиться в боевую готовность и разворачиваться, а наиболее мотивированные и боеготовые боевые группы, не уничтоженные на передовой, частично уничтожаются, после чего вступают в бой с засадами на путях своего выдвижения. Многие подразделения в итоге будут заблокированы прямо в районе зданий своих ПВД/ППД, обойдены и в течение достаточно небольшого времени уничтожены.

День Д. Полдень.

К этому моменту противник, ориентируясь по достигнутым успехам на разных участках фронта, будет проводить через ЛБС, уже по шоссейным дорогам, вторую, основную, часть первого эшелона наступающих войск, параллельно начиная подтягивать силы из глубины территории, не находившиеся непосредственно в районе ЛБС и объявляя открытую мобилизацию.

Уже имея к началу активных боевых действий повсеместное превосходство в силах в 3-5 раз, противник, уничтожив дежурные смены на ЛБС и нанеся удары по ПВД/ППД частей НМ, создаст себе повсеместное абсолютное превосходство в силах - части НМ начнут массово покидать рядовые "пятнадцатитысячники" и офицеры-"завхозы". И даже недавно ещё вполне мотивированные бойцы и командиры, которые быстро сориентируются в ситуации, именно в силу понимания перспектив ситуации будут стремиться побыстрее вывезти в РФ свои семьи, а не организовать прочную оборону. (Система эвакуации семей личного состава для такой ситуации просто не предусмотрена, а если бы и была предусмотрена, не сможет быть реализована по причине плачевного состояния автопарков воинских частей, которые, как уже было сказано в соответствующем разделе, не смогут обеспечить даже активную оборону, не говоря уже о полноценном наступлении).

Здесь необходимо отметить, что события в Сербской Краине периода оригинальной операции "Буря", наглядно показали - в условиях, когда оккупация практически неизбежно влечет за собой массовые этнополитические "чистки" без скидок на пол и возраст, весьма существенный процент личного состава, наблюдая успешно начинающееся наступление противника, немедленно озаботится спасением своих семей, бросив исполнение служебных обязанностей, что сделает наступление противника еще более успешным.

Подобным поведением и массовым дезертирством "пятнадцатитысячников" многочисленные "подкидыши" из числа россиян-советников непременно воспользуются для того, чтобы обосновать свое бегство через пока еще не отрезанные пограничные переходы в Россию. Они побегут, сообщив, что "побежали все местные и делать тут нечего, пока наши не зайдут". Немногие оставшиеся станут исключением из правил, будут деятельно участвовать в организации обороны на низовом уровне, но это не помешает созданию общего информационного фона, как открытого, так и закрытого, оказывающего давление на лиц, принимающих решения в России. "Всё плохо, все разбежались" идеально впишется в риторику, спускаемую по разнарядке в российские СМИ ("Не так встали в 2014-м и поэтому их не забрали как Крым").

Попытки организовать сколько-нибудь серьезное сопротивление вне застройки натываются на нехватку танков (танковые батальоны бригад и ОТБ дают в среднем по усиленной роте исправных машин) и отсутствие артиллерийского прикрытия. Артиллерия противника рассеивает нашу мотопехоту, после чего расчёты ПТУР беспрепятственно уничтожают танки. Легкая бронетехника в попытках заменить собой танки несёт большие и практически бесполезные потери.

День Д. 18-00.

Покончив в районе полудня с большинством очагов сопротивления на участках ЛБС, проходящих по открытым пространствам, противник начнёт активное продвижение вперёд, “обжимая” крупные “застройки”, и зацепляясь за них.

Захват частного сектора, а за ним окраинных зданий и кварталов городских районов, в том числе в Донецке, даст противнику не только выгодные стартовые позиции для городских боев, количество которых противник постарается свести к минимуму, но и, это главное, возможность блокировать окруженным в городах подразделениям НМ ЛНР и ДНР, полноценный обстрел и обзор окрестностей городов, в частности - объездных дорог.

Южный фланг фронта в ДНР от Новоазовска до Донецка будет вскрыт практически полностью, “на плечах” отходящих остатков батальонов, занимавших посты на ЛБС, противник двинется к Новоазовску и Старобешево, завяжет бои в Тельманово. При возможности - возьмёт город сходу, если не сможет - блокирует и окружит, постарается уже в первый день боев начать блокирование Новоазовска.

Противник постарается отрезать Горловско-Енакиевскую агломерацию и от Донецка, и от Дебальцево. Пользуясь слабостью и малочисленностью подразделений 7 омсбр НМ ЛНР, прикрывающих Дебальцево, и 3 омсбр НМ ДНР, обороняющих Горловку, противник, реализуя свое численное преимущество, постарается в первый же день наступления завязать бои на окраинах Дебальцево и блокировать коммуникационный узел города, по проселочным дорогам через открытые пространства между Дебальцево и Стахановым выйти к дороге на Алчевск и Брянку в районе Комиссаровки.

Сбросив НМ ЛНР с позиций на Бахмутской трассе, противник получит в свое распоряжение гряду высот, господствующих над прилежащими населенными пунктами, что позволит ему быстро “обжать” Стахановско-Брянковскую агломерацию и отсечь её вместе с Алчевском от Луганска выходом к развилке дорог в Михайловке.

Диверсии, в том числе и в первую очередь - против инфраструктуры сетей сотовой связи и других телекоммуникационных сетей, и вызываемая ими паника в тылу, ближнем и дальнем, будут продолжаться по нарастающей. Потоки беженцев частично перекроют дороги, мешая маневру и без того малочисленных боеспособных сил. Другим важным ограничением возможностей маневра станет дефицит топлива. Управление войсками “в реальном времени” в звене выше батальона будет, в большинстве случаев, потеряно, хоть какое-то управление на этом уровне будет осуществляться делегатами связи, вынужденными прорываться на машинах по забитым дорогам в поисках постоянно меняющихся расположений уцелевших штабов батальонов, сократившихся по численности до рот или даже усиленных взводов.

День Д+1. 0 часов.

К этому моменту оформляется на практике поточное и повсеместное применение противником типовой тактики продвижения вперед:

1. Днём малые и средние БПЛА осуществляют облет местности, выявляя активность на наблюдательных и опорных пунктах НМ.

2. С наступлением темноты, ДРГ СпН ВСУ, пользуясь подавляющим превосходством над среднестатистическим подразделением НМ как в подготовке, так и в оснащении приборами ночного видения, тепловизорами и бесшумным стрелковым вооружением, обходят обороняющихся с открытых флангов, выходят на позиции, обеспечивающие им прострел тыловых путей снабжения подразделений НМ, закрепляются на них с носимым тяжелым пехотным вооружением (ПТУРЫ, РПГ-7, АГС-17, крупнокалиберные пулемёты).

3. Утром или уже ночью ДРГ, усиленные элементами линейных частей, проведенными им на подмогу по разведанным маршрутам, полностью или большей частью прерывают огнём снабжение наших войск и их сообщение с тылом. При попытке выбить противника с занятых позиций он, пользуясь отлаженной радиосвязью, вызывает на атакующих огонь своей артиллерии. При попытках накрыть противника нашей артиллерией, артиллерия противника, пользуясь преимуществом в калибре, а также количестве и качестве БПЛА, начинает успешную контрбатарейную борьбу.

4. При сколько-нибудь серьёзном фронтальном нажиме даже очень мотивированные отряды вынуждены будут отступать, лишённые возможности подвозить боеприпасы, получать подкрепления и эвакуировать раненых.

Во вторую ночь наступления противник повторит эту тактику уже на новых рубежах, и утро дня Д+1, предваряемое ночной попыткой прорыва подразделений НМ из окруженного Докучаевска, начнётся с боев на полное окружение Новоазовска, Тельманово, Старобешево, Дебальцево, первых попыток противника выйти на трассу Дебальцево-Красный луч.

На всех направлениях повторится примерно одно и то же – отсутствие четкой организации, связи и взаимодействия у хаотично собранных для организации контратак и заслонов подразделений сделает невозможным даже эпизодический успех в торможении вражеского наступления, только некоторое, не слишком значительное, замедление продвижения.

День Д+1. Полдень и далее.

Собравшись вокруг уцелевших центров управления и линий связи, оставшиеся сотрудники штабов подразделений НМ начнут более-менее согласованную подготовку к контрударам по группировкам противника на основных направлениях, используя в качестве тыловой рокадной трассы дорогу Изварино-Лутугино-Красный луч-Снежное с выходами в Донецк (пока он ещё будет сохраняться) и Амвросиевку.

К окончанию второго дня операции противник на юге, обходя Новоазовск, возьмет посёлок Розы Люксембург и Маркино, полностью займет трассу к югу от Тельманово и окончательно окружит Тельманово, начнёт окружение Старобешево и обход Комсомольского. Севернее Донецка завершатся бои за Пантелеймоновку и Угледорск. Между Дебальцево и Алчевском будет взята Софиевка, а на трассе Алчевск-Луганск противник выйдет к Белому и займет его.

Введенные на территорию ЛНР и ДНР группы СпН ВС РФ оказываются неспособны выполнить совершенно не профильную для них задачу - "организовать оборону в чистом поле" против грамотно действующего противника, применяющего весь спектр современной техники и вооружения. Противник отказывается попадаться в засады, умело используя техническую и войсковую разведку. Группы СпН вынуждены будут отступить в застройку вместе с остатками войск корпусов Народной Милиции республик.

День Д+2.

В ночь на третий день операции противник пополнит и перегруппирует силы для решительных ударов по нескольким направлениям. В ЛНР предсказуем удар через Лутугино с отсечением Луганска от границы с РФ, сходящиеся удары в тыл Алчевско-Стахановского выступа, обороняемого остатками 4-й омсбр и 6-го омсп ЛНР, для его окружения, зачистка Дебальцево, обороняемого остатками 7-й омсбр НМ ЛНР. На фронте ДНР намечаются удары на окружение Горловки, обороняемой по периметру застройки остатками 3-й омсбр НМ ДНР, и глубокий обход навстречу этому удару с юга, с захватом Кутейниково, Амвросиевки и выходом к Шахтёрску и Зугресу.

В этот момент силы противника будут находиться в состоянии наибольшего напряжения, и исход операции будет решаться в двух крупных очагах полноценных общевойсковых боев с участием до 100 танков только со стороны ВСУ в каждом районе. Первый район - Красный Луч-Лутугино-Краснодон на территории ЛНР и в районе Старобешево-Амвросиевка-Тельманово на территории ДНР. Остатки танковых частей ЛНР и ДНР на всём фронте и во всех котлах и полукотлах суммарно вряд ли будут насчитывать к этому моменту 100 боеспособных машин.

В этот момент руководство РФ встаёт перед выбором между несколькими решениями:

1)Открытая война с Украиной. Российские войска, со всей возможной авиационной поддержкой вводятся на территорию Украины открыто, по Харьковскому направлению и из Крыма, обваливая таким образом весь тыл Донбасской группировки противника, но подобный ввод войск уже никак не получится замаскировать "ополчением" со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями.

2)Войска вводятся по сценарию лета 2014-го года, ограниченными силами, для "срезания" вражеских "клиньев" в указанных районах. В этом случае можно попытаться сохранить "инкогнито" хотя бы частично, но быстрый успех не гарантирован, особенно с учетом возможности массового применения противником маневренных групп СпН, оснащённых ПТУР "Джавелин" на направлениях ударов

наших войск, заранее вскрытых его войсковой, агентурной и воздушной разведкой. Да и разница в качестве обычных мотострелковых и танковых подразделений российской и украинской армий уже не так очевидна.

3) Войска не вводятся, оказывается военная помощь техникой и снаряжением. В этом случае с наибольшей, хотя и не абсолютной, вероятностью два вышеописанных “танковых сражения в степях” будут противником выиграны, и примерно к 7-8 дню операции Луганск, Горловка, Донецк, Алчевско-Стахановская агломерация и Новоазовск оказываются в плотных окружениях по периметру застроек, в которых обороняются с практически израсходованными боеприпасами примерно 5-7% процентов списочного состава войск на “День Д” (причем это с учетом пополнения из местных жителей, вернувшихся в строй уже в день начала наступления). Остальные части корпусов НМ ЛНР и ДНР закрепляются в периметре Мариновка - Саур-Могила - Снежное - Миусинск - Антрацит - Свердловск-Гуково и готовятся отражать удар противника, который перегруппировывается перед этим фронтом.

(Авторы не рассматривают как значимую военную силу, способную повлиять на исход событий, всевозможные срочно собираемые “централизованные сборы добровольцев” в российском приграничье с последующими попытками их ввода на территорию ЛНР или ДНР. Будучи не понаслышке знакомы с контингентом, авторы полагают, что это позорно немногочисленное пьяное стадо по дороге на войну заблудится и потеряет выданные ему ржавые автоматы. При случайной встрече с подразделениями ВСУ образца 2019 года подобная толпа буйных неадекватов в “горках” будет разгромлена ещё до того, как поймёт, что вообще происходит.)

VI.2. «Сто дней до победы».

Противник превосходит нас численно, и следовательно имеет возможность накопить значительные резервы для их использования на различных участках фронта. В том числе: крупные силы артиллерии, подразделения разведывательных и ударных БПЛА, подразделения с самыми современными танками и качественную пехоту, обученную штурмовым операциям. Суть данного сценария это комбинация последовательных расшатывающих фронт ударов. Каждый удар наносится на нешироком фронте и на глубину в 0,5-1 от ширины фронта наступления. Смысл подобной стратегии в том, чтобы в полосе наступления были какие-то важные пункты или рубежи, потеря которых корпусами резко снижает устойчивость их обороны. При этом маневрирование ударными резервами вдоль линии фронта делают эффект каждого конкретного удара практически неотразимым.

Выгоды. Небольшое локальное наступление с ограниченными целями может быть деликатно не замечено всеми заинтересованными СМИ и, скорее всего, не приведет к вмешательству России. По меньшей мере, информация о масштабе неудачи во время первого удара будет уменьшаться с каждым шагом по цепочке батальон-бригада Народной Милиции – штаб корпуса – штаб 8-й армии – штаб округа – Генеральный Штаб РФ. И до Верховного Главнокомандующего информация дойдет поздно и не вся. Дыру во фронте заделают всеми, кем можно. При этом активность противника на всем

позиционном фронте будет очень высока, и снять войска с других участков будет практически нереально. А через две-три недели обрушится новый удар на другом участке, который снова придется прикрывать скудными резервами. И опять у России не будет значимого повода для масштабного вмешательства. Конечно, в этот момент очень вероятно, что артиллерия корпусов внезапно станет работать масштабнее и точнее, и резко повысят размах и эффективность действий ДРГ корпусов.

Но в обычных частях за счет массового дезертирства начнет лавинообразно снижаться численность. И столь же массово будет нарастать количество желающих срочно выехать с Донбасса в РФ.

Риски для Украины.

При подобном подходе растут внутривнутриполитические риски. Общественное мнение легко перенесет большие разовые потери при триумфальных успехах, но длительный поток гробов и раненых при отсутствии очень громких успехов станет значимым поводом для критики политического и военного руководства Украины внутри страны.

Подобная стратегия будет очень затратна. По боеприпасам, запчастям к технике, топливу и так далее. Причем все эти предметы снабжения будут нужны не когда-то в будущем, а вот прямо здесь и сейчас. Нужны значимые подготовленные запасы всех видов снаряжения. И нужна очень сильная целеустремленность украинского руководства, чтобы в течение месяцев тратить людей, деньги и выдерживать серьезное внутреннее и внешнее политическое давление.

Укажем лишь несколько направлений вероятных локальных ударов.

1. Наступление на рубеж п. Донецкий – п.Желобок– п.Фрунзе- п. Степовое с преодолением линии дороги Т-1303 (она же «Бахмутка») на два километра вперед. Эта дорога проходит по возвышенности, а города Кировск, Стаханов, Брянка, Алчевск лежат в низине относительно этой возвышенности. Если противник просто выходит на рубеж обрыва, то все эти города и вообще все, что там есть, становится видным на десятки километров в обычный бинокль. Работа украинской артиллерии по военным и гражданским целям будет значительно эффективнее и может парализовать жизнедеятельность этих населенных пунктов даже без масштабных разрушений.

2. Удар от Светлодарска на Дебальцево. Это направление конечно слишком очевидно, но при наличии серьезных резервов шансы на успех есть. Дебальцево это точка пересечения двух главных автомобильных дорог всего региона, то есть шоссе Харьков-Ростов и прямой дороги от Донецка на Луганск, и столь же значимый железнодорожный узел. Противнику нет особой необходимости устраивать локальную битву за Верден, достаточно парализовать движение по этим дорогам, чтобы транспортная связность республик серьезно упала.

3. На фронте прилегающем к Азовскому морю, с рубежа Гранитное-Широкино строго на восток с выходом на линию российской границы. Это лишение ДНР одного из пограничных переходов, выхода к морю и явно видимый успех с большими потерями донецкого корпуса в живой силе и технике.

4. Можно рассмотреть и более масштабный вариант предыдущего пункта. Удар с рубежа Новотроицкое-Широкино. На севере наступление идет через Докучаевск-Старобешево-Амвросиевку на Успенку. Помимо того, что при таких событиях Донецк оказывается окруженным с трех сторон, и пресекается самая прямая дорога в Россию через Иловайск - Амвросиевку - Успенку. Собственно, весь приморский район Донбасса внутри пятиугольника Еленовка - Амвросиевка - Новоазовск - Широкино - Волноваха радикально отличается от северной части. Вместо достаточно урбанизированной территории со множеством городов, смыкающихся окраинами рабочих поселков, здесь плоская и сравнительно мало населенная равнина, идеальный "танкодром", предоставляющий полную свободу тому, кто имеет более маневренные и управляемые войска с необходимым количеством танков и ПТРК, мотострелковые части и артиллерию, опирающиеся в своих действиях на данные, оперативно предоставляемые адекватной разведкой, широко применяющей БПЛА и радиоперехват. Где-то на линии Старобешево-Комсомольское-Тельманово противник, имеющий все необходимые ему преимущества в маневренной войне, обязательно постарается реализовать их, навязав танковым частям ДНР "генеральное сражение" под угрозой отсечения Донецка от РФ. При этом уклонение от этого сражения и отступление в застройку по аналогии с 2014-м годом уже не приведет к возможности повторения "Иловайского котла".

VI.3 Перемалывание

Здесь все ясно и понятно. Сочетание войны на истощение и выгодного размена потерь с тактическими успехами, которые постепенно накапливаются и превращаются в совсем другую конфигурацию фронта. То, что и происходит сейчас.

Добровольная передача противнику инициативы при заключении "Минских соглашений" приводит к тому, что противник получает возможность вести постоянное улучшение своих позиций и выдвижение их вперед. Навязывая Народной Милиции бои на своих условиях, противник получает возможность "разменивать" личный состав по выгодному ему курсу - от "ничьей" 1 к 1 до 1 к 3 в нашу пользу. Даже 1 к 3 в нашу пользу - реально выигрышное соотношение для врага, обладающего, даже при всех миграционных потерях, несравнимыми с Донбассом ресурсами живой силы. Причины успешности этой борьбы для противника были изложены выше. Через год-полтора ситуация с комплектованием личным составом приведет к настолько мощному качественному изменению уровня контроля ЛБС в худшую сторону и настолько существенной деградации уровня боеготовности бронетехники и артиллерии, что противник сможет уже совершенно беспрепятственно и безнаказанно реализовывать, на выбор, вариант VI.1 или VI.2.

VII. ВОПРОСЫ ОТ «АДВОКАТА ДЬЯВОЛА»

Мы не считаем наш текст истиной в последней инстанции. Поэтому мы попробовали сами же его опровергнуть, поставив под сомнение самые “тонкие” его места. Мы написали эту главу в формате диалога, где “вопрошающий” задает нам каверзные вопросы, а мы как “авторы” на них отвечаем. Вопросы сами себе мы будем задавать всерьез, без всякого пропагандистского идиотизма. Надеемся, что те, кто будет нас критиковать, хотя бы дадут себе труд дочитать до этой страницы, чтобы не выглядеть как те, кто “не читал, но осуждаю”.

Вопрошающий.

Уважаемые авторы, неужели Вы, составив этот многостраничный документ, действительно считаете, что в Россию с Донбасса по различным каналам не отправляются ежедневно или еженедельно потоки аналогичных документов, только куда более профессионально составленных и наполненных богатым фактическим материалом? Неужели вы считаете, что Вы умнее и осведомленнее всех?

Авторы.

Мы, разумеется, не претендуем на то, чтобы видеть и знать больше, чем все вместе взятые российские военные и представители спецслужб, так или иначе причастные к защите Донбасса, не претендуем на то, чтобы быть компетентнее самых компетентных из них. Наоборот, мы уверены, что все без исключения упомянутые нами системные проблемы военного строительства Донбасса так или иначе находили отражение в соответствующих внутриведомственных документах.

Однако именно эта уверенность в сочетании с отсутствием внятной реакции со стороны российского руководства на эти проблемы, порождает в нас уверенность в необходимости открытой публикации этих материалов. Если система не работает на улучшение ситуации, значит или информация не проходит к центрам принятия решений, или центры принятия решений “не дотягиваются” до решения проблем, потому что их “рукам” это не слишком-то выгодно.

Практика показывает, что “очковтирательство” в российской армии может достигать циклопических масштабов и простирается до самого высокого уровня (Вспомним историческую фразу министра С.Шойгу “Какой он к х*рам композитный!” при попытке продемонстрировать ему новейшее водолазное снаряжение, не соответствующее заявленным параметрам).

Типовым примером успешного “очковтирательства” Донбасс-Москва была вышеописанная история с советником 9-го отдельного полка морской пехоты ДНР, позывной “Наука”. Пока механизм создания им видимости боеготовности танкового батальона полка не стал достоянием гласности, в Москве лица, принимающие решения, понятия не имели о реальном состоянии дел.

Резюмируя - мы уверены, что лица, принимающие решения в Москве, лишены возможности полноценно обозреть всю картину СИСТЕМНЫХ проблем в военном строительстве Республик. Многократно отретушированная, она предстаёт в виде бодрого “хорошо и отлично”, пусть и “с отдельными недостатками”. Это - путь к позорному поражению.

Вопрошающий.

Разве не “больна” украинская армия всеми теми же болезнями, которые перечислены вами применительно к Корпусам Народной Милиции? Всё познается в сравнении. Может быть, на фоне украинской армии, не всё так плохо?

Авторы.

Нет ничего хорошего в том, что в какой-то момент или на какой-то период наше среднее качество войск и их оснащения и качество и оснащение украинских войск примерно сравнялись. Если мы зримо, ощутимо “идём вниз” в плане качества войск, то им достаточно просто стоять на месте в плане того же качества войск, и вскоре качественный разрыв станет непреодолим. С нашей стороны просто некому будет эффективно применять оснащение хотя бы аналогичное тому, что есть у противника. У нас нет иллюзий относительно среднего уровня подготовки личного состава ополчения в 2014-м, когда бойцы принимали ультразвуковые отпугиватели кротов за вражеские GPS-маячки, однако сейчас уровень мотивации и подготовки упал, и в чем радость того, что он сравнялся с таковым у противника, если у противника он не падает, а местами наоборот растёт? Врага на линии соприкосновения единомоментно больше в 3-5 раз, чем наших бойцов и при нынешнем соотношении потерь наши бойцы скоро просто закончатся.

Вопрошающий.

Вы указываете на ряд действительных и/или мнимых недостатков армий Новороссии. Но вы же должны понимать, что в случае прямого и явного конфликта России и Украины основные боевые действия развернутся не на Донбассе и не силами донецкого и луганского корпусов. Что вы на это скажете?

Авторы.

Мы вполне понимаем, что в случае прямой войны с Украиной Российская армия, скорее всего, будет наступать по операционной линии Белгород-Харьков-Днепропетровск (Днепр) с вспомогательными ударами из Крыма либо на Херсон-Николаев, либо на Мелитополь. А если мечтать о возможности развертывания русских войск на территории Белоруссии, то может случиться удар и по кратчайшей линии Гомель-Чернигов-Киев.

Вот только нынешняя слабость луганского и донецкого корпусов дает ВСУ шансы и в случае прямой войны. Если образуется длинный фронт, то на его севере ВС РФ в районе Харькова будут пытаться разгромить противостоящую группировку ВСУ и выйти

в глубокий тыл всем украинским войскам сосредоточенным на Донбассе. А вот на его юге, Донбасская группировка ВСУ может слишком легко сокрушить 1-й и 2-й корпуса и выйти к российской границе, а потом и пересечь ее. Общий рисунок сражения приобретает вид гонки, кто быстрее выиграет на своем участке. То ли русские на севере, то ли ВСУ в Донбассе на юге фронта.

В случае, если ВСУ смогут остановить русские войска в районе Харькова и разгромить наши войска в Донбассе, у них есть все шансы выиграть войну. Потому что тогда, война с решительными целями потребует от российской стороны настоящей мобилизации, на которую политическое руководство может и не пойти. Сочтя, что риски больше потенциальных выгод.

Для российской публики украинские войска на трассе М-4 в районе Каменск-Шахтинского – Миллерово могут стать слишком трагической неожиданностью.

Резюмируем. Наши силы на Донбассе должны быть достаточно сильны, чтобы не только успешно обороняться, но и в необходимый момент частными локальными действиями не позволить противнику снять ни одного солдата или танка с Донецкого фронта. “Армия-временка”, “затычка”, не способная к полноценным военным действиям, как показало взятие Дебальцево, просто не имеет смысла и осыпается в руках.

Вопрошающий.

Со снабжением 1-го и 2-го корпусов не все отлично. Допустим это так. Но как вы думаете, а в официальной российской армии все идеально? Там прямо огромные залежи запчастей ко всему, ночных прицелов, тепловизоров и всего прочего? Вы в курсе, что «закрома Родины» совсем не так полны, как об этом вынуждены для поддержания духа в стране рассказывать официальные СМИ? Вы знаете, что в России уже заканчиваются насовсем некоторые виды вооружения и боеприпасов? И речь не только о сложных высокотехнологичных вещах?

Авторы.

К сожалению, мы достаточно много знаем. Слухами земля полнится. Мы вполне способны понять, что может быть дефицит каких-то вещей. Не будем здесь называть конкретику. Мы слышали, что в российской армии бывает снабжение и хуже донбасского. И мы уже упоминали о катастрофической нехватке ВОГ-17 и 82-мм минометных мин.

Настоящая проблема заключается в другом. Война на Донбассе идет уже почти 5 лет. 5 лет! За это время можно было наладить производство каких угодно запчастей и боеприпасов в каких угодно количествах. Этого не было сделано. Причем это явно не было сделано ни для поставки на Донбасс, ни для комплектования подразделений Российской армии. За время нашей деятельности, мы связывались и с официальными российскими производствами и ремонтными заводами в попытках что-то закупить. Общий вывод такой: купить практически ничего не возможно, потому что все, что изготавливается невеликими партиями, идет на комплектование новой техники. Тот

факт, что через некоторое время эта новая техника тоже потребует ремонта деликатно забывается.

Российская неспособность произвести десятки тысяч относительно мелкосерийных позиций разной степени сложности крайне тревожит. В случае значительной войны мы на новом уровне столкнемся с проблемой времен Первой Мировой в 1915. В отличие от тех времен, мы наверняка произведем снаряды и патроны в нужном количестве. Но зачем будет нужна куча боевой техники, которая небоеспособна из-за тысяч и тысяч отсутствующих мелочей.

Но пока масштаб войны в Новороссии позволяет замечать проблему под ковер и не замечать того, что она имеет абсолютно общероссийский масштаб, мы одновременно будем и проигрывать войну на Донбассе и готовить общероссийское поражение в будущем.

Вопрошающий.

Вы критикуете российское командование за то, что оно присылает на Донбасс некомпетентных советников. Может и действительно не лучших. А скорее всего тех, которые есть в наличии. Армия Новороссии видит у себя командирами обычных российских офицеров. Таких какие они есть в среднем, а не такие каких хотелось бы. Вот вы скажите, откуда взять других? И почему Россия должна лучших офицеров отдать на Донбасс?

Авторы.

Во-первых, по нашим данным средний уровень офицеров отправляемых в Сирию все-таки выше. Откуда-то они берутся. Во-вторых, на Донбассе вообще-то идет война. Не какая-то будущая и абстрактная. А вполне конкретная война, которую мы ведем и проигрываем здесь и сейчас. Причем в отличие от Сирии, где против иррегулярных сил противника с соответствующим вооружением активно задействуются ВКС и армейские боевые вертолёты, здесь авиация “отключена”, а “по ту сторону холма” - регулярная армия. Стремясь к победе, логичнее было бы отправить лучшие кадры сюда.

Неправилен сам подход, когда советники, занимая позицию “вахтера в погонах”, стараются отбыть свой срок (обычно год), чтобы за время их пребывания на Донбассе в их заведовании не случилось ничего. Ни плохого, ни хорошего. Только волшебным образом в личном деле образовалась запись об участии в боевых действиях, и были выплачены все боевые и командировочные.

А ведь война в Новороссии даже в текущем Минском формате могла бы стать значимым фактором повышения среднего качества всего российского офицерского корпуса.

Для этого необходимо по заветам древних, щедро награждать и сурово наказывать. Награждать тех, кто проявил себя как эффективно воюющий, а не знаток PowerPoint и ведения отчетности. И очень легко отстранять от должностей, званий и вообще службы неспособных. Расстреливать воров и трусов. Отсутствие особой подсудности по

законам военного времени в корпусах и для советников и для местных кадров является одним из самых больших негативных факторов в текущей войне. Нет ответственности - нет и не будет дисциплины.

Вопрошающий.

Вы говорите, что своим текстом не сказали ничего не известного врагу. Может и не сказали. Но даже известные фрагменты информации, будучи составленными в единую структуру дают совсем другое понимание идущих процессов. Зачем вы вывернули наизнанку недостатки армии Новороссии?

Авторы.

Мы все-таки уверены, что враг знает значительно больше. Некоторые реалии и особенности настоящей войны, которая является гражданской войной, то есть войной введущейся внутри одного народа, делают информационную проницаемость фронта крайне высокой. Например, если местные жители могут жить по одну сторону линии фронта, а работать по другую, то для разведки обеих сторон это благодатнейшая почва для работы. И это только маленький пример.

Но главные причины нашего доклада другие. Мы считаем, что русские люди должны знать правду. Для того, чтобы знание правды многими людьми могло повлиять на российское руководство. Для того чтобы политическое руководство могло спросить ответственных за военную ситуацию на Донбассе с какими-то фактами в руках. Причем фактами полученными не от тех, кто как раз и отвечает за сложившуюся обстановку. Потому что, когда ситуация на Донбассе будет затрагивать и сферу компетенции Управления Внутренней Политики Администрации Президента в виде общественного мнения о качестве руководства процессами государственного и военного строительства в Новороссии, тогда необходимые коррективы могут быть внесены очень быстро.

Вопрошающий.

Почему вы считаете себя вправе упрекать Россию в том, что она оказывает помощь Республикам как-то неправильно? Скажите спасибо, что помогает хоть как-то, ведь это "хоть как-то" обеспечивает выживание основной массы населения и оборону периметра линии боевого соприкосновения.

Авторы.

Если Вы считаете себя вправе задавать подобный вопрос, то мы можем только пообещать Вам, напомнить о Вашей правоте, когда мы эту войну все-таки проиграем. А без изменения политики и стратегии это случится непременно. И это поражение будет поражением не каких-то людей с Донбасса, а поражением России и ее военного и политического руководства. Со всеми политическими последствиями военного поражения.

Нынешняя половинчатая политика, когда не ведется как следует война и точно отсутствуют перспективы долгосрочного мира неизбежно приведет к катастрофе.

Военный, укравший запчасти или солярку на Донбассе, в “теневой зоне”, крадёт их у России. Некомпетентный военный, погубивший на Донбассе десятерых, но “отмазавшийся” и вернувшийся в РФ с повышением, в будущем погубит сотню, если не тысячу. И, вполне вероятно, благодаря соучастию в одной из армейских “мафий” благополучно избежит наказания, чтобы погубить ещё больше людей. То же самое с составлением фиктивной отчётности о боевой подготовке, с “показухами” и прочим очковтирательством. Так что, составляя наш доклад, мы в первую очередь работаем на Россию, на оздоровление армии России и повышение её боевого потенциала.

VIII.ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы изложили огромное количество проблем, которые есть в Донецком и Луганском корпусах. Сейчас хотелось бы их максимально корректно обобщить и сделать выводы. В самом общем виде все изложенное можно выразить в виде нескольких тезисов:

- 1. Соотношение сил с противником по количеству и качеству войск очень плохое, ухудшается со временем, и не имеет даже теоретических шансов на улучшение с нашей стороны ни качеством, ни количеством.**
- 2. Снабжение, в том числе высокотехнологичным снаряжением и вооружением, недостаточно для успешного продолжения войны и неадекватно сложившимся условиями. А эффективность его использования упирается в качество и количество живой силы.**
- 3. Война меняется, но российская армия остается в прошлом.**
- 4. Последний оставшийся козырь российского командования – прямое, явное и массовое использование Российской Армии с применением всех имеющихся у нее средств поражения.**

Теперь поясним и конкретизируем эти обобщения.

1. Соотношение сил с противником по количеству и качеству войск очень плохое, ухудшается со временем, и не имеет даже теоретических шансов на улучшение. В разделе о кадровой ситуации мы достаточно подробно изложили всю кадровую эволюцию корпусов и можем смело утверждать, что без радикального изменения подходов к способам комплектования и мотивации личного состава, его количество будет становиться все меньше, а качество все хуже. Поскольку в ВСУ медленно и постепенно идут прямо противоположные процессы, то со временем разрыв в соотношении сил будет становиться все трагичнее. В рамках существующих подходов к строительству корпусов нет абсолютно никакой надежды на изменение соотношения сил в нашу пользу. При анализе ситуации нужно исходить из того, что наших войск мало и становится меньше, по среднему качеству мы не превосходим противника и разрыв в качестве растет.

2. Снабжение недостаточно для успешного продолжения войны. Не будем повторять бесконечных списков того, чего именно не хватает. Заострим внимание на двух моментах: нам абсолютно ничего не известно о потенциальных изменениях к лучшему, зато мы знаем о многих вещах, которые со временем только ухудшаются. То, что можно было получить официальными путями снабжения еще несколько лет назад, и чего сейчас уже просто нет. Прошло 5 лет войны, и никаких усилий по производству необходимых предметов снабжения в потребных количествах не предпринято. А второй момент таков. Помимо нехватки конкретных предметов, мы постоянно слышим о том, что какие-то предметы выдаются по нормам снабжения, которым уже, наверное, неизвестно сколько десятилетий. Полностью отсутствуют механизмы изменения любых норм и нормативов. И здесь мы переходим к следующему тезису.

3. Война меняется, но армия остается в прошлом. После побед одержанных «северным ветром» над ВСУ в 2014 российская армия как целое продолжает поживать

на лаврах, считая войну в Донбассе какой-то игрушечной. И как следствие, на вполне реальный боевой опыт современной позиционной войны всем наплевать. А этот опыт копится обеими сторонами. Но официальная тактика не меняется, и отсутствуют любые механизмы влияния на нее. То же самое касается организационно-штатных структур, норм снабжения и прочего. Война на Донбассе могла бы стать лабораторией по отработке самых современных технических и тактических решений на серьезном противнике, а вместо этого является кладбищем боевого опыта и людей, которые своими жизнями его оплачивают.

4. Последний оставшийся козырь российского командования – прямое, явное и массовое использование Российской Армии с применением всех имеющихся у нее средств поражения. В 2014-2015 Россия могла позволить себе успешно действовать против ВСУ с помощью «вежливых людей», ополчения и формирований Вагнера. С тех пор ВСУ проделали огромный путь по количественному и качественному улучшению. И сейчас никакие «зеленые человечки» не являются угрозой для ВСУ. В результате прямого столкновения даже Донецкого и Луганского корпусов с Вооруженными Силами Украины образца 2019 года корпуса ждет быстрая катастрофа. Таким образом, спектр стратегических выборов для Российского командования предельно сузился. Сейчас решительный успех сражения против ВСУ может быть обеспечен ТОЛЬКО явным, массовым использованием российских войск с массированным применением авиации. Вопрос о том, насколько российская политическая система устойчива к потенциальным военным неудачам и серьезным военным потерям, мы оставляем для размышления нашим читателям.

Мы замыслили наш доклад в надежде на то, что изменение российского общественного мнения о происходящих в Новороссии процессах военного строительства изменит отношение российского руководства, в том числе военного к этой войне. И если уничтожение Украины пока невозможно по политическим соображениям, то вполне в силах России сделать Луганский и Донецкий корпуса достаточно сильными, чтобы противник и не мог мечтать о реальной победе над ними, а издержки от продолжения войны в виде людских потерь и расходов становились для него все обременительнее. По меньшей мере, это расширит спектр возможных решений для России, в том числе и более выигранных политических комбинаций.